

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 2073-2929
DOI 10.22394/2073-2929

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:

ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА
Международный научно-аналитический журнал

Том 15, № 3 • 2021

Тема номера:
ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ НА ФОНЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СДВИГОВ

Информационная поддержка: пресс-служба Евразийской экономической комиссии

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям (Распоряжение Министерства науки и высшего образования Российской Федерации о включении в перечень рецензируемых научных изданий от 25.12.2020 номер 469-р):

08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки), 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки), 08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки), 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право (юридические науки), 12.00.10 – Международное право; европейское право (юридические науки), 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки), 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки), 23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика (политические науки), 23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика (социологические науки).

Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде. Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
<https://www.eijournal.ru>

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2021
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2021
- © Редакция журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» (составитель), 2021
- © Все права защищены

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
NORTH-WEST INSTITUTE OF MANAGEMENT

ISSN 2073-2929
DOI 10.22394/2073-2929

EURASIAN INTEGRATION:

ECONOMICS, LAW, POLITICS
International Scientific and Analytical Journal
Vol. 15 No 3 • 2021

Topic of the Issue:
EURASIAN INTEGRATION AMID GLOBAL ECONOMIC SHIFTS

Information support: press service of the Eurasian Economic Commission

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE: 199004, St. Petersburg,
V.O., 8th line, 61
Ph.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Fax: (812) 335-42-16
Website: <https://www.eijournal.ru>

- © Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2021
 - © North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2021
 - © Editorial Board of the Journal „Eurasian Integration: Economics, Law, Politics“ (compilation), 2021
 - © All rights reserved
-

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич, Член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике ЕЭК, академик Российской академии наук, доктор экономических наук

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КЕФЕЛИ Игорь Федорович, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления РАНХиГС, профессор, доктор философских наук, эксперт Российской академии наук

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

ШАМАХОВ Владимир Александрович, Председатель международного научного совета, директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук

СЛУЧЕВСКИЙ Вячеслав Владимирович, заместитель Председателя международного научного совета, советник директора Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат исторических наук

АЛИМБЕКОВ Мусабек Тургынбекович, почетный профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук (Казахстан)

БЕБЕНИН Сергей Михайлович, Председатель Законодательного собрания Ленинградской области

БОНДУРОВСКИЙ Владимир Владимирович, заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, кандидат юридических наук

КОГУТ Виктор Григорьевич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

КУЧЕРЯВЫЙ Михаил Михайлович, доктор политических наук

ЛОКЯН Арсен Багдасарович, ректор Академии государственного управления Республики Армения, доктор психологических наук

МАКСИМЦЕВ Игорь Анатольевич, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук

РАХИМИ Фарход Кодирович, президент Академии наук Республики Таджикистан, доктор физико-математических наук

САТВАЛДИЕВ Нурбек Абдрашитович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

САФАРЗОДА Бахтовар Амирали, заместитель Генерального секретаря ПА ОДКБ, полномочный представитель Маджлиси Оли — парламента Республики Таджикистан, доктор юридических наук

ХАНЬ Лихуа, старший научный сотрудник Университета международного бизнеса и экономики (Китай), PhD, профессор

ЧИЛИНГАРЯН Айк Марселонович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального Собрания Республики Армения в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат экономических наук

ШУХНО Сергей Степанович, заместитель начальника отдела Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии

ЭРКЕБАЕВ Абдыганы Эркебаевич, академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, доктор философских наук

ЯКУНИН Владимир Иванович, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, профессор, доктор политических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АБАЙДЕЛЬДИНОВ Ербол Мусинович, профессор кафедры международного права юридического факультета Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Казахстан), доктор юридических наук, профессор

АКАЕВ Аскар Акаевич, доктор технических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, иностранный член Российской академии наук (Кыргызстан)

АСАУЛ Максим Анатольевич, доктор экономических наук

ДЕНИСОВ Андрей Иванович, посол Российской Федерации в Китайской Народной Республике, Чрезвычайный и полномочный посол (Россия), кандидат экономических наук

ЕНГОЯН Ашот Пайлакович, заведующий кафедрой теории и истории политической науки Ереванского госуниверситета (Армения), доктор политических наук, профессор

ЕРЕМЕЕВ Станислав Германович, ректор Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина (Россия), доктор экономических наук, кандидат политических наук, профессор

КАЗАНЦЕВ Андрей Анатольевич, директор аналитического центра Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Россия), доктор политических наук

КАШКИН Сергей Юрьевич, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, профессор кафедры «Жана Моннэ» (Европейский союз) (Россия), заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор

КАЮМОВ Нуриддин Каюмович, академик Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан), доктор экономических наук, профессор

КИРИЛЕНКО Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Россия), академик РАЕН, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, редактор раздела «Право»

КРОТОВ Михаил Иосифович, Полномочный представитель Федерального Собрания Российской Федерации — заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ (Россия), доктор экономических наук, профессор

КУКЛИНА Евгения Анатольевна, профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Россия), доктор экономических наук, профессор, редактор раздела «Экономика»

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, заведующая кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Россия), доктор политических наук, профессор

ЛИВЕРОВСКИЙ Алексей Алексеевич, научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заведующий кафедрой конституционного права (Россия), доктор юридических наук, профессор

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, профессор кафедры международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Россия), доктор экономических наук, доктор юридических наук, профессор

НОВИКОВА Ирина Николаевна, декан факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Россия), доктор исторических наук, профессор

РЕМЫГА Владимир Николаевич, генеральный директор Координационного центра «Экономический пояс Шелкового пути» (Россия), доктор экономических наук

САИДАМИРОВ Баходур Шовалиевич, директор центра Евразийских исследований и межпарламентского сотрудничества Северо-Западного института управления РАНХиГС (Россия), кандидат юридических наук

СЕРГЕВНИН Сергей Львович, декан юридического факультета Северо-Западного института управления РАНХиГС (Россия), заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор

СТАРОВОЙТОВ Александр Александрович, заведующий кафедрой конституционного и административного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Россия), заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор

ТОРОПЫГИН Андрей Владимирович, профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Россия), доктор политических наук, профессор, редактор раздела «Политика»

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права РАН, главный редактор Евразийского юридического журнала (Россия), доктор юридических наук

ХАШ-ЭРДЭНЭ Самбалхундэв, председатель общества «Знание» Монголии (Монголия), доктор социологических наук, профессор

ЧЭНЬ ЧЖИГАН, вице-президент Китайского делового центра в Санкт-Петербурге (Китай), доктор экономических наук

CHIEF EDITOR

GLAZYEV Sergey, Member of the Board — Minister in charge of Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

DEPUTY CHIEF EDITOR

KEFELI Igor, Director of the Center for Geopolitical Expertise, North-West Institute of Management, RANEPA, Professor, Doctor of Philosophy, Expert of the Russian Academy of Sciences

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

SHAMAKHOV Vladimir, Chair of the International Scientific Council, Director of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Economics

SLUCHEVSKY Vyacheslav, Deputy Chairman of the International Scientific Council, Advisor to the Director of the North-West Institute of Management, RANEPA, PhD in Historical Sciences

ALIMBEKOV Musabek, honorary professor of the L. N. Gumilyov Eurasian National University, Doctor of Laws

BEBENIN Sergey, Chair of the Legislative Assembly of the Leningrad Region

BONDUROVSKY Vladimir, Deputy Executive Secretary of the CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Law

KOGUT Viktor, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Belarus in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Sciences

KUCHERYAVY Mikhail, Doctor of Political Sciences

LOKYAN Arsen, Rector of the Academy of Public Administration of the Republic of Armenia, Doctor of Psychology

MAKSIMTSEV Igor, Rector of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics

RAHIMI Farhod, President of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Physics and Mathematics

SATVALDIEV Nurbek, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Sciences

SAFARZODA Bakhtovar, Deputy Secretary-General, Secretariat of the CSTO Parliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of Majlisi Oli — Parliament of the Republic of Tajikistan, Doctor of Laws

HAN Lihua, Senior Researcher of University of International Business and Economics (China), PhD, Professor

CHILINGARYAN Ayk, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Armenia in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Economics

SHUKHNO Sergey, Deputy Head of the subdivision of the Department for the Development of Integration of the Eurasian Economic Commission

ERKEBAYEV Abdygany, Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Doctor of Philosophy

YAKUNIN Vladimir, Head of the State Policy Department of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences

EDITORIAL BOARD

ABAYDELDINOV Erbol, Doctor of Laws, Professor, Department of Integrational Law, Faculty of Law, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan, Nur-Sultan)

AKAEV Askar, Doctor of Technical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Kyrgyzstan)

ASAUL Maksim, Doctor of Economics

DENISOV Andrey, PhD in Economics, Ambassador the Russian Federation to the People's Republic of China, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary (Russia, Moscow)

ENGOYAN Ashot, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of Political Science of Yerevan State University (Armenia, Yerevan)

YEREMEEV Stanislav, Doctor of Economics, PhD in Political Sciences, Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University (Russia, St. Petersburg)

KASHKIN Sergey, Doctor of Laws, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Integration and European Law of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Professor, Department of "Zhan Monnet" (European Union) (Russia, Moscow)

KAZANTSEV Andrey, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of Analytical Center, Institute of International Studies of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow)

KAYUMOV Nuriddin, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan, Dushanbe)

KIRILENKO Viktor, Doctor of Laws, Professor, Academician of RANS, Head of the Department of International and Humanitarian Law, North-West Institute of Management of RANEPA, academician of the Russian Academy of natural Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, editor of the "Law" section (Russia, St. Petersburg)

KROTOV Mikhail, Doctor of Economics, Professor, Plenipotentiary Representative of the Federal Assembly of the Russian Federation — Deputy Executive Secretary of the CSTO PA (Russia, Moscow)

KUKLINA Evgenia, Doctor of Economics, Professor, North-West Institute of Management of RANEPA, Editor of the "Economics" section (Russia, St. Petersburg)

LEBEDEVA Marina, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of World Political Processes of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow)

LIVEROVSKY Alexey, Doctor of Laws, Professor, Scientific Director of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Economics, Head of the Department of Constitutional Law (Russia, St. Petersburg)

MISHALCHENKO Yuri, Doctor of Laws, Professor of the Department of International and Humanitarian Law of the North-West Institute of Management of RANEPA, Doctor of Economics (Russia, St. Petersburg)

NOVIKOVA Irina, Doctor of History, Professor, Dean of the Faculty of International Relations of St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)

REMYGA Vladimir, Doctor of Economics, Director-General of the Coordination Center "Economic Belt of the Silk Road" (Russia, Moscow)

SAIDAMIROV Bahodur Shovalievich, PhD in Law, Director of the Center for Eurasian Studies and Interparliamentary Cooperation, North-West Institute of Management, RANEPA (Russia, St. Petersburg)

SERGEVNIN Sergey, Doctor of Laws, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of History and Theory of State and Law, North-West Institute of Management of RANEPA, Honored Lawyer of the Russian Federation (Russia, St. Petersburg)

STAROVOITOV Alexander, Doctor of Laws, Professor Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, North-West Institute of Management of RANEPA, Honored Lawyer of the Russian Federation (Russia, St. Petersburg)

TOROPYGIN Andrey, Doctor of Political Sciences, Professor, North-West Institute of Management of RANEPA, editor of the "Politics" section (Russia, St. Petersburg)

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Laws, Leading Researcher, Sector of International Legal Studies, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the Eurasian Law Journal (Russia, Moscow)

KHASH-ERDENE Sambalhundev, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chairman of the society "Knowledge" of Mongolia (Mongolia, Ulan-Bator)

CHEN ZHIGAN, Doctor of Economics, Vice-President of the Chinese Business Center in St. Petersburg (China, Beijing)

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**
Международный научно-аналитический журнал
Том 15, № 3 2021

Содержание

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Глазьев С. Ю.

Как построить Большое евразийское партнерство? 9

ГЛАВНОЕ

Шамахов В. А., Межевич Н. М.

Качество управления и качество информации: некоторые итоги 2020 г. для постсоветского пространства 15

Кротов М. И.

От Беловежских соглашений до Евразийского экономического союза: опыт тридцатилетия 22

ЭКОНОМИКА

Потапцева Е. В.

Союзное государство в восприятии бизнеса: есть ли эффекты для экономической интеграции? 35

Погодин С. Н., Ягья Т. С.

Торгово-экономическое сотрудничество в рамках БРИКС 44

Куклина Е. А.

Траектория развития Евразийского экономического союза — дорога с односторонним движением 55

ПРАВО

Мишальченко Ю. В., Платонова Л. А., Торопыгин А. В.

Международно-правовые особенности реализации конституционных прав граждан государств — членов ЕАЭС в сфере пенсионного обеспечения 66

Чугуевская Е. В.

Развитие международного инвестиционного права в рамках Евразийского экономического союза 77

ПОЛИТИКА

Драган Трайлович, Стеван Рапайч

Политические и экономические аспекты сербско-российских отношений с позиции сербских граждан 82

Ковалев С. Н.

На страже правды истории 97

Выходец Р. С.

Пространство политики ЕС в области искусственного интеллекта 108

Базавлук С. В.

Евразийство и внешняя политика Российской Федерации 118

Серегина А. А., Богомоллова В. Е., Харланов А. С.

Роль статуса страны в ЕАЭС 125

Одинаев Д. С.

Терроризм как особая форма политической борьбы в современном мире 135

ЕВРАЗИЙСКАЯ ХРОНИКА

..... 141

АВТОРАМ ЖУРНАЛА «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией научно-аналитического журнала «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА» 172

EURASIAN INTEGRATION: economics, law, politics

International scientific-analytical journal

Vol. 15 No 3 2021

CONTENTS

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Sergei Yu. Glazyev

How to Build a Great Eurasian Partnership? 9

MAIN

Vladimir A. Shamakhov, Nikolay M. Mezhevich

Management Quality and Information Quality: Some Results of 2020 for the Post-Soviet Space 15

Mikhail I. Krotov

From the Belovezhskiye Agreements to the Eurasian Economic Union: 30 Years of Experience 22

ECONOMICS

Ekaterina V. Potaptseva

The Union State in the Perception of Business: Are There Any Effects on Economic Integration? 35

Sergey N. Pogodin, Talie S. Yagya

Trade and Economic Cooperation within the Framework of BRICS 44

Evgeniya A. Kuklina

The Development Trajectory of the Eurasian Economic Union Is a One-Way Road 55

LAW

Yuri V. Mishalchenko, Lyudmila A. Platonova, Andrey V. Toropygin

International Legal Features of the Constitutional Rights Implementation of the EAEU Member States

Citizens in the Field of Pensions 66

Elizaveta V. Chuguevskaya

Development of International Investment Law within the Framework of the Eurasian

Economic Union 77

POLITICS

Dragan Trailović, Stevan Rapaic

Political and Economic Aspects of Serbo-Russian Relations from the Perspective of Serbian Citizens 82

Sergey N. Kovalev

On the Guard of the Truth of History 97

Roman S. Vykhodets

European Ai-Policy Space 108

Sergey V. Bazavluk

Eurasianism and Foreign Policy of Russia 118

Antonina A. Seryogina, Victoria E. Bogomolova, Alexey S. Harlanov

The Role of the Country's Status in the EAEU 125

Dilshod S. Odinaev

Terrorism as a Special Form of Political Fight in the Modern World 135

EURASIAN CHRONICLE

..... 141

For the authors of the journal "Eurasian Integration: Economics, Law, Politics"

Rules for the design of articles accepted for consideration by the editors of the scientific and analytical

journal "Eurasian Integration: Economics, Law, Politics" 172

Как построить Большое евразийское партнерство?

How to Build a Great Eurasian Partnership?

Пандемия коронавирусной инфекции четко разграничила эпохи мирового социально-экономического развития, резко ускорив переход к новому технологическому и мирохозяйственному укладам. В наиболее уязвимом и, как итог, пострадавшем положении оказались промышленность и страны, составляющие ядро уходящих 5-го технологического и имперского (американоцентричного) мирохозяйственного укладов, в то время как страны, образовавшие ядро новых 6-го технологического и интегрального мирохозяйственного укладов, стали локомотивами экономического роста. При общем падении экономической активности в мире на 3,8% в постоянных ценах масштабы применения нано-, биоинженерных и аддитивных технологий существенно выросли. На фоне резкого падения ВВП стран ядра уходящего мирохозяйственного уклада (США на 3,5%, ЕС — 6,2%) ВВП КНР, формирующей ядро нового мирохозяйственного уклада, вырос по итогам 2020 г. на 2,3%. Несмотря на противодействие США, доля Китая в мировой торговле выросла на 1,7% в мировом экспорте, 0,9% в мировом импорте, 1,3% в мировом товарообороте. В разгар пандемии КНР с соседними странами сформировали Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство, ставшее крупнейшим в мире региональным объединением стран с преференциальным торговым режимом. Центр развития мировой экономики окончательно переместился в Юго-Восточную Азию.

Соответственно, изменилась и структура внешних связей ЕАЭС, переориентировавшись с Запада на Восток. Доля ЕС во внешнеторговом обороте государств ЕАЭС сократилась в 2020 г. до 31,3% против 35,6% в 2019 г., в то время как доля стран — членов указанного партнерства выросла до 25,7% против 24,2% в 2019 г. (если бы не пандемийные ограничения, то показатели роста были бы еще более ощутимыми). Если условия торгово-экономического сотрудничества со странами ядра уходящего мирохозяйственного уклада последовательно ухудшаются (после антироссийских санкций в прошлом году были введены антибелорусские, еще более сократилась торговля с Украиной, контролируемой спецслужбами США и Великобритании), то со странами ядра нового мирохозяйственного уклада становятся все более благоприятными:

- вступило в силу Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР;
- сформированы зоны свободной торговли с Вьетнамом, Сингапуром и Сербией;
- с Ираном у Союза соглашение, ведущее к созданию зоны свободной торговли (далее — ЗСТ);
- готовятся ЗСТ с Индией, Израилем и Монголией;
- имеются меморандумы с правительствами государств Евразии (Греция, Монголия, Камбоджа, Сингапур, Бангладеш, Иордания, Таиланд, Индонезия).

Партнерство России и других государств ЕАЭС с КНР продемонстрировало устойчивость к социально-экономическим последствиям пандемии. Доля КНР во внешнеторговом обороте ЕАЭС увеличилась за 2020 г. на 1,6%. В первом квартале этого года по сравнению с соответствующим периодом 2020 г. прирост товарооборота составил 4,4 млрд долл. США, что эквивалентно росту доли КНР в торговле ЕАЭС на 1,4% (с 16% до 17,4%). Предстоит приложить усилия для возобновления устойчивого инвестиционного процесса: несмотря на последовательные капиталовложения Китая в экономику государств ЕАЭС в предшествующий период, 2019 и 2020 гг. озаменовались оттоком китайских инвестиций, что лишь отчасти обусловлено сворачиванием деловой активности вследствие эпидемиологических ограничений. Куда более весомым фактором фактической постановки инвестиций на паузу являются сугубо внутренние макроэкономические дисбалансы, устранение которых вкуче с формированием ясного и долгосрочного инвестиционного профиля ЕАЭС (портфеля реализуемых в кооперации проектов) позволит реализовать

политику финансового форсажа в интересах союзной промышленности, повысив тем самым инвестиционную привлекательность Союза.

Ведь на фоне повсеместного падения, как было подчеркнуто выше, в лидеры роста вырвался именно Китай, чья модель мобилизации ресурсов для выхода из кризисных ситуаций и повышения всеобщего благосостояния лишней раз доказала свою жизнеспособность. Поднебесная и другие страны, внедряющие институты и механизмы управления нового мирохозяйственного уклада, демонстрируют ускорение развития экономики — не только в Азии, но и на других континентах, включая Африку. Например, Эфиопия три года назад неожиданно вышла на первое место в мире по темпам экономического роста, что стало результатом применения этим государством китайских методов управления. Или Индия, которая при отличной от китайской общественно-политической формации использует аналогичные институты и механизмы управления развитием экономики, создавая свою систему конвергентной (интегральной) экономики.

Понимая закономерности замещения мирохозяйственных укладов и имея эмпирические подтверждения эффективности институтов, свойственных новому укладу, мы не можем не учитывать китайский опыт, а также модель широкого международного недискриминационного сотрудничества в соответствии с идейными основами, заложенными в концепции «Один пояс — один путь». ЕАЭС и «Один пояс — один путь», в рамках предложенной президентом России идеи Большого евразийского партнерства (БЕП), рассматриваются как сопряженные между собой и дополняющие друг друга интеграционные проекты. Целесообразно, на мой взгляд, идти дальше и создавать у себя институты и механизмы управления нового мирохозяйственного уклада. Тем более что та же китайская модель суть производная от советской. Осмыслив и адаптировав последнюю, удалось сформировать такую систему институтов и управления, которая гармонично сочетает в себе социалистическую идеологию и дающие свободу частному предпринимательству рыночные механизмы.

Нельзя не признать, что в последние годы сотрудничество с Китаем как на двусторонних треках, так и по линии заключенного Соглашения с ЕАЭС укрепились¹. Так, между Россией и КНР, хоть и весьма замедленно, развивается трансграничное инфраструктурное сотрудничество: расширяются транспортные каналы, становится более интенсивным обмен специалистами и технологиями, существенно активизируется двустороннее многопрофильное взаимодействие. Функционируют шесть специализированных транспортных «коридоров», из них «Экономический пояс Шелкового пути», Российско-китайско-монгольский экономический коридор и Новый евразийский континентальный мост непосредственно проходят через Россию, соединяя Китай, Центральную и Западную Азию. Восточный, центральный и западный участки железнодорожного сообщения между Китаем и Европой проходят через Россию. Активизировалось взаимодействие по вопросам строительства и развития «Ледяного Шелкового пути». Аналогичные проекты в области сооружения транспортных артерий, инфраструктуры, технопарков затрагивают экономические интересы других государств — членов ЕАЭС.

Экономическое сотрудничество ЕАЭС и КНР только выиграло бы от избавления его от ненужной бюрократической атрибутики и обременений, тормозящих реализацию совместных крупномасштабных программ. Ведь именно от таковых в конечном счете зависит проектное насыщение идеи сопряжения евразийской интеграции и «Одного пояса — одного пути», а также реализуемость замысла по формированию БЕП как широкой зоны гармоничного сотрудничества евразийских держав, разделяющих принципы интегрального мирохозяйственного уклада.

На сегодня очевиден тот факт, что результаты реализации проектов, направленных на практическое воплощение идеи сопряжения ЕАЭС и концепции «Один пояс — один путь», пока не принесли ожидаемых результатов: они имеют весьма ограниченное воздействие, особенно в части реализации евразийских региональных проектов в сфере инфраструктурного строительства. Доля российских инвестиций в общем объеме вложений в Китай и в реализацию инициативы «Один пояс — один путь» (ОПОП) мизерна. Имеются возможности для их существенного расширения в указанной области, тем более в кон-

¹ Глазьев С., Ершов М., Агеев А. Вопросы и состояние процессов сопряжения евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс — один путь» в представлениях Китая и России. Доклад. М. : ИНЭС, 2019.

тексте того, что со стороны Китая идет колоссальный поток финансирования инвестиций в нужные для развития китайской экономики международные проекты. На конец 2019 г. накопленные инвестиции Китая в страны — участницы ОПОП превысили 110 млрд долл. США, что составляет порядка 40% прямых иностранных инвестиций Китая в третьи страны. Только за первые шесть месяцев 2020 г. объем китайских нефинансовых инвестиций в 54 странах мира, расположенных вдоль ОПОП, достиг 57,1 млрд юаней (около 8 млрд долл.), что на 23,8% больше по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. Инвестиции в основном направлялись в Сингапур, Индонезию, Лаос, Камбоджу, Вьетнам, Малайзию, Таиланд, ОАЭ и Казахстан.

В целом страны ЕАЭС аккумулируют только 0,7% накопленных китайских инвестиций. Согласно статистике платежного баланса, запас прямых иностранных инвестиций (далее — ПИИ), накопленных в экономиках стран ЕАЭС, на конец 2019 г. составлял 749,1 млрд долл., из которых только 1,6% или 12 млрд долл. — прямые инвестиции Китая¹. Тем не менее динамика ПИИ из Китая в страны ЕАЭС указывает на рост их накопления после кризисных 2015–2016 гг., что связано с увеличением в 3–3,5 раза накопленных ПИИ в Казахстане. Самые крупные проекты китайских ПИИ связаны с добычей углеводородов и их транспортировкой по магистральным трубопроводам.

Объем накопленных ПИИ из Китая в Россию на конец 2019 г. составлял 3,7 млрд долл. или 0,6% от совокупного объема поступивших ПИИ. Россия является вторым крупным реципиентом китайских инвестиций в ЕАЭС после Казахстана, аккумулируя 31% от общего объема китайских ПИИ.

Прямые инвестиции из государств — членов ЕАЭС в Китай значительно уступают китайским инвестициям в страны ЕАЭС. Объем инвестиций из Казахстана в Китай в 43 раза меньше китайских; по состоянию на 1 января 2020 г. их накопленный объем составил 181,5 млн долл. США². При этом казахстанские инвестиции более диверсифицированы: транспорт (45% накопленных инвестиций), черная и цветная металлургия, оптовая и розничная торговля, топливный комплекс, инфраструктура³.

Объем российских инвестиций в китайскую экономику в девять раз меньше китайских в российскую экономику — 752,1 млн долл. в 2019 г. (включая Гонконг), что составляет всего 0,15% от совокупного запаса российских ПИИ в мире⁴. Основные направления российских инвестиций в Китае — производственная отрасль, строительство, транспортные перевозки.

Таким образом, приходится констатировать, что инвестиционный ландшафт в отношениях ЕАЭС и КНР далеко не в полной мере соответствует интересам обеих сторон. Китай заинтересован в расширении своего присутствия не только в секторе добывающей промышленности, но и в сфере ретейла, транспорта, строительства. Для государств — партнеров России по ЕАЭС дополнительный приток китайских инвестиций является значимым фактором экономического роста и повышения конкурентоспособности национальных экономик. В частности, стратегически важным для ЕАЭС является интерес китайских инвесторов и приток капиталовложений в сектора обрабатывающей промышленности, инфраструктуры, сельского хозяйства, высокотехнологичных отраслей экономики.

Главным узким местом сопряжения интеграционных инициатив остается слабость финансового сотрудничества, которое должно быть многократно углублено и расширено как в традиционном банковском секторе, так и в смежных сферах, таких как страхование, фондовые рынки и другие области финансового сектора. Необходим перевод трансграничной торговли и совместной инвестиционной деятельности на расчеты в национальных валютах, что будет способствовать более тесному финансовому взаимодействию, интеграции финансовых рынков и межбанковскому сотрудничеству. Так, доля юаня в обслуживании российского импорта из Китая увеличилась с 2% в 2013 г. до 25% в 2019 г., в то время как доля рубля за этот же период выросла незначительно — с 4 до 6%. Для наращивания доли якорного для ЕАЭС российского рубля в торгово-экономических отношениях с КНР и шире — с государствами

¹ По данным Департамента ЕЭК по статистике.

² Международная инвестиционная позиция (МИП) Казахстана на 1 января 2020 г.

³ ЕАЭС и страны Евразийского континента: мониторинг и анализ прямых инвестиций, 2017.

⁴ Потоки и запасы прямых инвестиций по странам мира [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/stat_tables/Documents/Flows_stocks_di/flows_stocks_di1Q2020.xlsx (дата обращения: 09.09.2021).

ОПОП — необходимо обеспечить ряд технических условий, таких как: интеграция национальных платежных систем, хеджирование валютных рисков, обеспечение глубокой биржевой ликвидности по прямым валютным парам. На фоне разрушения сложившихся механизмов международного валютно-финансового и торгово-экономического сотрудничества под влиянием предпринимаемых властями США антироссийских и антибелорусских санкций и торговой войны против Китая ключом к долгосрочному росту значимости национальных валют выступает обеспечение опережающего роста за счет диверсификации экономик и снижения макроэкономической волатильности.

Системность в сопряжении ЕАЭС и ОПОП предполагает реализацию выверенной по направлениям и приоритетным сферам взаимодействия дорожной карты. Что необходимо предпринять?

Во-первых, учесть мероприятия сопряжения в рамках системы стратегического планирования развития ЕАЭС, включая оценку экономических эффектов от их реализации для государств — членов ЕАЭС и сценарные прогнозы развития национальных экономик. В рамках данной работы предусмотреть оценку рисков для различных составляющих сопряжения ЕАЭС — ОПОП: реализация транзитного потенциала ЕАЭС; двустороннее или многостороннее сотрудничество с прицелом на высокотехнологические сектора, развитие всестороннего стратегического партнерства, включающего в себя сотрудничество по широкому перечню направлений и отраслей.

Во-вторых, важно сформировать систему финансирования мероприятий сопряжения ЕАЭС — ОПОП путем создания совместных инвестиционных фондов, фондов развития, грантовой поддержки, прямого государственного и частного финансирования, механизмов межгосударственного частного партнерства. Сферы финансирования могут определяться в том числе с учетом действующих стратегических документов развития ЕАЭС. Для этого необходимо: разработать и внедрить специальные инвестиционные и налоговые режимы для реализации совместных проектов; сформировать эффективную модель финансирования в рамках решения задач сопряжения ЕАЭС — ОПОП, а также с целью минимизации рисков «китайского» типа финансирования (связанный характер кредитов, непрозрачность условий сделок и др.); создать совместный фонд для точечного финансирования проектов по линии сопряжения; сформировать на уровне ЕАЭС систему продвижения инвестиционных интересов и проектов стран Союза в КНР. Здесь целесообразно обратиться к опыту использования совместной грантовой системы. Одним из примеров формирования совместных институтов финансирования на грантовой основе является Европейско-китайский механизм софинансирования (The EU-China Co-Funding Mechanism, CFM) — инициатива, запущенная в 2015 г. с целью поддержки совместных исследовательских и инновационных проектов между университетами, научными учреждениями и компаниями ЕС и Китая в областях, представляющих общий интерес.

Для придания масштабности и многомерности экономической кооперации между государствами ЕАЭС и странами ядра нового мирохозяйственного уклада необходимо задуматься над формализацией долгосрочного сотрудничества. Представляется, что наиболее удобной формой является создание межгосударственных научно-технологических и инвестиционных консорциумов (фондов). Такие консорциумы могли бы осуществлять крупные — евразийской значимости — проекты в сфере транспорта, логистики и инфраструктуры. Образующим консорциумам можно было бы предоставлять в концессию транспортные коридоры для сооружения дорог и развития прилегающей к ним территории, а финансирование инвестиций осуществлять за счет размещения облигаций на финансовом рынке государств ОПОП и ЕАЭС, привлечения кредитов Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Фонда Шелкового пути (ФШП), Нового банка развития БРИКС (НБР) и Евразийского банка развития (ЕАБР). Необходимо также определить роль уже существующих совместных с КНР целевых инвестиционных фондов: Китайско-белорусского инвестиционного фонда, Фонда регионального развития китайско-армянских отношений, Совместного казахстанско-китайского инвестиционного фонда, Российско-китайского инвестиционного фонда.

Перспективной повесткой работы ЕЭК по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. определено одно из ключевых мероприятий «Создание механизма реализации совместных инфраструктурных проектов, инвестиционных и научно-технологических консорциумов» (пп. 6.4.7 Стратегии). Эта основа позволяет обобщить отечественный и зару-

бежный опыт формирования таких структур, разработать типовые формы многосторонних контрактных соглашений, подготовить конкретные предложения по реализации пилотных проектов. Важно при этом оценить целесообразность создания евразийской юрисдикции для совместных проектов и консорциумов и разработать прозрачные и однозначно трактуемые механизмы урегулирования споров между инвесторами-участниками. Для этого целесообразно в том числе провести анализ опыта запуска и функционирования Международного центра приграничного сотрудничества «Хоргос» (Казахстан — КНР) и парка «Великий камень» (Беларусь — КНР).

Синергетика институциональных, нормативно-правовых и регулятивных мер при активном участии ЕЭК и многосторонних институтов развития позволит наполнить содержанием формулу сопряжения интеграционных инициатив и оформить контуры БЕП. Нередко эксперты, обсуждая экономическое обустройство Евразии, указывают на отсутствие оформленной концепции БЕП. Позволю себе с ними не согласиться. Автор настоящего материала уже три года назад представил широкой общественности соответствующую концепцию с принципами многостороннего сотрудничества и предложениями по интенсификации работы в направлении формирования трансевразийской зоны гармоничного экономического сотрудничества. Однако, учитывая многогранность конструкции БЕП, мы не можем здесь и сейчас определить, каким сложится это партнерство, какие многосторонние механизмы гармонизации интересов стран станут преобладающими, какие проекты образуют каркас БЕП в среднесрочной перспективе. Пока предлагается определить строительство БЕП как последовательный процесс формирования пространства доверия, нехватка которого так остро ощущается сегодня. С другой стороны, понимание БЕП как новой возможности вести диалог по вопросам формирования в Евразии бесшовного пространства равноправного и взаимовыгодного сотрудничества позволяет осмыслить эту концепцию с позиции экономических интересов. В числе таких проблемных зон — несоординированность национальных стратегий развития, нестыковки технических стандартов, вопросы региональных финансовых взаиморасчетов, дефицит информации, необходимость скорейшего восстановления экономики, создание новых производственно-сбытовых цепочек, формирование условий для перехода к новому технологическому укладу.

Перспективной, с моей точки зрения, является трактовка БЕП как интегратора общих пространств — экономического, гуманитарного с совместной повесткой в сферах культуры, науки и образования, а также пространства безопасности. Чтобы эти три «кита» стали полноценными несущими конструкциями партнерства, очевидна необходимость подключения к намеченной работе ШОС, ОДКБ, АСЕАН, имеющих свои управляющие органы, а также осмысление опыта формирования широкой зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском экономическом сотрудничестве (АТЭС) — Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП).

Кроме всего прочего, по аналогии с евразийской экономической интеграцией в рамках ЕАЭС, которую не следует воспринимать как самоцель, а как инструмент реализации национальных конкурентных преимуществ, БЕП также не должно превращаться в мифическую «шкатулку», открыв которую находчивый стратег обретает универсальные рецепты достатка и гарантии безопасности. Напротив, как показано выше, партнерство пока является набором переменных, подверженных факторному влиянию геополитического, экономического и мировоззренческого свойств. Однако, если смотреть на этот интеграл как на инструмент, то он при правильном освоении обращения с ним может быть неплохим подспорьем для демпфирования рисков догоняющего развития на периферии двух технологических зон — европейской и китайской. Подчинив этот инструмент интересам союзного строительства, появляется возможность аннигиляции объективного воздействия на приращение нашего экономического и научно-технологического развития за счет переработки «их» лучшего в конкурентоспособное «наше».

При всем разнообразии форм и механизмов субрегиональной и континентальной экономической интеграции (за исключением процессов в сегодняшнем ЕС) все они исходят из представления о суверенитете и субъектности интегрируемых государств, ориентированы на общее понимание взаимной выгоды и недискриминацию одних по отношению к другим. Такой подход полностью соответствует философии интегрального мирохозяйственного уклада. В отличие от уходящего — имперского уклада, исповедующего доктрину либеральной глобализации, новый уклад (называемый также «Азиатским циклом

накопления капитала») сегодня формируют Китай, Индия и другие страны БРИКС и ШОС. Не соглашаясь с несущим постулатом т. н. «Вашингтонского консенсуса» о дерегулировании экономик, эти страны с теми или иными оговорками создают систему управления экономическим развитием, сочетающую государственное планирование и рыночную самоорганизацию, подчиняя свободу предпринимательства задачам повышения общественного благосостояния. Не максимизация прибыли любой ценой, характерная для имперского мирохозяйственного уклада, а наращивание производства для повышения уровня жизни населения, исходя из принципа гармонизации интересов различных социальных групп, является движущим мотивом производственных отношений нового мирохозяйственного уклада.

Сергей Глазьев, *главный редактор, академик РАН*

Качество управления и качество информации: некоторые итоги 2020 г. для постсоветского пространства

Шамахов В. А.^{1,*}, Межевич Н. М.²

¹ Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Российская Федерация;

* shamakhov-va@ranepa.ru

² Институт Европы РАН, Москва, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Внешняя политика ряда государств не всегда поддается рациональному объяснению. Антитезой модели всеобъемлющей рациональности стала модель инкрементализма, впервые предложенная профессором Йельского университета Ч. Линдбломом. Именно он впервые отметил то, что в процессе принятия решений наблюдается постоянный дефицит знаний, информации, ресурсов, а также велика роль неопределенности внутренней и внешней среды, плохо поддающейся контролю. Однако даже в условиях идеальной информированности политики могут принимать иррациональные решения. Инкрементализм как теоретический подход обращает внимание на ситуации, когда принимаемые решения не базируются на доступной и проверенной информации. Политические процессы и соответствующие управленческие решения в Армении и Беларуси в 2020 г. свидетельствуют о том, что качество информации и качество управления не всегда коррелируют между собой.

Ключевые слова: инкрементализм, теории управления, Беларусь, Армения, внешняя политика, информация, аналитическая работа

Для цитирования: Шамахов В. А., Межевич Н. М. Качество управления и качество информации: некоторые итоги 2020 г. для постсоветского пространства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 3. С. 15–21.

Management Quality and Information Quality: Some Results of 2020 for the Post-Soviet Space

Vladimir A. Shamakhov^{a,*}, Nikolay M. Mezhevich^b

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; * shamakhov-va@ranepa.ru

^b Institute of Europe of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The foreign policy of some states does not always lend itself to rational explanation. The antithesis of the all-embracing rationality model was the model of incrementalism, first proposed by C. Lindblom, professor at Yale University. It was he who first noted that in the decision-making process there is a constant lack of knowledge, information, resources; and the role of uncertainty is great in the internal and external environment, which is difficult to control. However, even when ideally informed, politicians can make irrational decisions. Incrementalism as a theoretical approach draws attention to situations where decisions are not based on available and verified information. Political processes and relevant management decisions in Armenia and Belarus in 2020 indicate that the information quality and the management quality do not always correlate with each other.

Keywords: incrementalism, management theories, Belarus, Armenia, foreign policy, information, analytical work

For citing: Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. Management Quality and Information Quality: Some Results of 2020 for the Post-Soviet Space // Eurasian integration: economics, law, politics. 2021. Vol. 15. No. 3. P. 15–21.

Формирование внешней политики — сложный и многогранный процесс, протекающий как на правительственном, так и на неправительственном уровнях. От того, насколько отлажена работа высших государственных органов, отвечающих за выработку международного курса страны, насколько оптимизирован процесс принятия внешнеполитических решений, существует ли поддержка правительству со стороны общества, зависит успех или неудача предпринимаемых инициатив. Изучение этой тематики весьма плодотворно как в научно-теоретическом, так и практическом планах.

Во-первых, анализ внутренних факторов механизма выработки внешней политики позволяет обнаружить истоки тех или иных международных акций, выяснить их истинные мотивы, часто скрывающиеся от общественности. В свою очередь, это дает возможность полнее восстановить историческую картину той или иной эпохи, тех или иных коллизий в международных отношениях.

Во-вторых, изучение процесса принятия внешнеполитических решений помогает понять сами принципы функционирования государственно-политической системы и ее институтов. Ведь в ходе разработки международных акций многие государственные учреждения и общественные институты довольно ясно обнаруживают свои функции, внутреннюю структуру, связи с другими участниками политического процесса. Применительно к внешней политике ситуация иная. Объект представляется понятным, но таковым совсем не является. Любой объем информации по умолчанию неполный, а количество акторов и их роль трудно определяемы.

Внешнеполитическое решение — «итог сложного взаимодействия самых разных факторов, в числе которых далеко не последнее место занимают и личные качества его субъектов, и стремления человеческого разума к простоте, последовательности и устойчивости структуры принимаемого решения, при этом задача исследования системы принятия внешнеполитических решений представляется чрезвычайно трудной по причине количества и сложности переменных, которые должны приниматься во внимание исследователем» [10, с. 247].

Эффективность государственного управления — ключевой критерий его оценки. Обилие теорий в сфере государственного управления, увы, не прямо пропорционально отражается на качестве самого управления. Потенциальные результаты от тех или иных управленческих решений практически всегда выше реальных. Ситуация часто напоминает коэффициент полезного действия крайне нужного, но сугубо неэффективного механизма, к примеру паровоза. Однако заменить паровоз в течение весьма долгого времени было нечем. Иными словами, желание ориентироваться на максимально возможную эффективность государственного управления абсолютно оправданно, но трудно достижимо. Ориентируясь на высокие показатели качества управления, нельзя не видеть дистанцию до условного оптимума.

Идеальная эффективность — категория теоретическая. Какие-то управленческие решения всегда будут запаздывать, какие-то искажаться в процессе движения по управленческой вертикали. Правильно будет признать объективную недостижимость в среднесрочной перспективе качественного перелома в обеспечении нового уровня и качества государственного управления.

Разговоры о неэффективности тех или иных управленческих решений достаточно часто, хотя и опосредованно, ведут к лицам, которые эти управленческие решения принимают. Сознательная переоценка фактора хаоса в международных отношениях или национальной экономике служит вполне понятной цели: снятию ответственности с лиц, принимающих управленческое решение. Право на ошибку бесконечно увеличивается в том случае, если мы изначально договариваемся о том, что в политике, экономике существует среда, неблагоприятная для анализа [5, с. 25–35].

Снятие ответственности за неверное управленческое решение возможно и вторым способом, через делегирование ответственности на информационно-аналитические службы, которые якобы не сумели или не смогли увидеть те или иные тенденции в экономической, политической, военной сфере. Просчетам и победам аналитических служб, в том числе разведки, посвящены десятки трудов, анализ которых не входит в задачи авторов. Общий вывод заключается в том, что какой-то одной модели взаимоотношений аналитических служб и лиц, принимающих решения, нет. Сложность принятия эффективных управленческих решений во внешнеполитической сфере очевидна. Глобальный бунт, вероятно, некоторое преувеличение, име-

ющее тем не менее очевидный прогностический характер¹. Проблема лишь в качестве прогноза и выборе решения. «Игра в крестики-нолики проста, и мы можем без труда обнаружить совершенно рациональное, минимаксное решение. Но нам не удастся найти рациональные решения на больших “глубинах” шашек и, несомненно, тем более на “глубинах” шахмат и го» [11, с. 406]. Укажем на то, что в данном случае речь идет о выборе решения в международных отношениях, т. е. игре, заведомо не имеющей одних правил.

Мы многократно наблюдали и в течение прошедшего XX в., и в 2020 г. интуитивно верные решения политиков при недостаточном информационно-аналитическом обеспечении. Однако мы видели и прямо противоположную ситуацию, когда аналитические службы давали верный прогноз развития ситуации, а политики принимали полностью или частично ошибочное решение.

Важнейший вопрос, имеющий определяющее значение в оценке эффективности управления, — это количество, качество информации, обеспечивающей систему принятия решений. Очевидно то, что претензии к эффективности решения, принятого в условиях демонстративной нехватки информации, предъявляться не могут или же они легко объяснимы.

«В эпоху ускорения всех экономических процессов также перестает действовать как долгосрочное, так и среднесрочное планирование: пока будет сформулирован долгосрочный план, условия на мировом рынке изменятся. Как следствие, многие ученые предлагают проявлять большую гибкость, импровизировать, быстро реагировать на новую ситуацию и находить необычный ответ на действия конкурентов» [4, с. 63]. Но только ли к экономике относится данное положение? Хаотичность, неопределенность, непредсказуемость изменений внешней среды становятся нормой для внешней политики. Все это объективно создает трудности управления и порождает дополнительные проблемы для достижения внешнеполитических целей. Реагируя на эти трудности, следует разрабатывать методы и практические рекомендации, призванные обеспечить эффективную работу организаций в условиях нестабильности и риска. Одним из таких подходов является инкрементализм. «В условиях неопределенности внешней среды альтернативой методу инкрементализма могут быть только меры по стабилизации среды» [6, с. 73–77].

Проблема «Порядка и Хаоса» при принятии управленческих решений обсуждаются в академической и экспертной литературе достаточно давно. Знаменитая книга «Законы Паркинсона» — не первая и не последняя с юмором написанная работа по теме, которая совсем не смешная. Эффективность управленческих государственных решений определяет уровень и качество жизни страны, а иногда и существования самой страны. Несмотря на понятное желание засекретить все или очень многое, вспомним классическое от братьев Стругацких: «Совершенно секретно, перед прочтением сжечь», информация о системе принятия решений в целом доступна.

Лица, причастные в прошлом или настоящем к значимым экономическим и политическим решениям, могут самостоятельно сформировать и высказать свое мнение по тем или иным вопросам управления. Сразу же отметим, эффективность принятия управленческих решений может быть заметной в разной степени. Если речь идет об эффективности бюджетного процесса, то дать оценку здесь могут только компетентные специалисты, которых закономерно немного [2]. При этом сам процесс оценки предельно сложен, что очевидно даже непрофессионалу. Во внешней политике ситуация иная. Проблемы представляются весьма доступными, выводы поражают доступностью, но их информационная обеспеченность, как правило, скрыта. Чарлз Линдблом, классик по данному направлению, фиксировал достаточно очевидный факт: политики принимают решения из сиюминутной политической ситуации, при этом принимается во внимание лишь часть информации, возможных сценариев, вероятных вариантов дальнейшего политического поведения [13, с. 79–88].

В данной статье рассмотрены не только вопросы качества управленческих решений во внешней политике. Больше внимание уделено проблеме неопределенности во внешнеполитических решениях, а именно инкременталистской модели, выросшей из критики рационалистских концепций в теории международных отношений.

¹ Барabanов О. Н. Глобальный бунт и глобальный порядок: революционная ситуация в мире и что с ней делать [Электронный ресурс] // Портал Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2017. 22 февраля. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/14649/> (дата обращения: 13.05.2021).

В жизни вне профессиональной деятельности люди используют источники информации так, что заранее отсекают доступ к «неправильным сведениям». Пользование социальными сетями способно усугубить эту ситуацию [7, с. 11–15]. На этом этапе алгоритмы автоматически продолжают фильтрацию информации, инициированную человеком. В результате индивидuum достаточно медленно, но неуклонно попадает в информационный пузырь, состоящий из определенной политической информации и соответствующих новостей. Ситуация осложняется таким явлением, как эффект эхо-камеры, или просто эхо-камера. Суть эффекта — усиление направленности информационного поля при многократном повторении сообщений, формально приходящих из разных источников [1].

Сформированный политический интерес и количественное разнообразие средств массовой информации не помогают людям избежать угроз эхо-камер. Логика эхо-камер предполагает то, что люди выбирают информацию, соответствующую их предпочтениям. Профессиональный подход не исключает, а скорее предполагает общение не просто с профессионалами, но и единомышленниками. Так идет процесс «замыкания» в эхо-камере. Специалист предполагает то, что он политически нейтрален или, по крайней мере, способен к восприятию разнонаправленной информации. На самом деле его способности к системному анализу поставлены под вопрос. Специалист-аналитик стал заложником информационного пузыря, причем каждая конкретная единица информации вполне релевантная. В «информационном пузыре» информация выглядит сугубо правдивой, но на самом деле она правдоподобна.

Следующий вопрос — оценка эффективности работы информационно-аналитических структур, в т. ч. фабрик мысли¹. Нетрудно заметить то, что эффект пузыря или эхо-камеры проникает и сюда. Однако здесь он осложняется другой проблемой, названной нами «угадай мелодию». Впервые об этом стали говорить в США после Второй мировой войны [12]. Желание информационно-аналитических служб сделать продукт, устраивающий заказчика, опасно для бизнеса, напрямую угрожает существованию государства. «...Если аналитические сотрудники стремятся оказывать “влияние” на политический процесс вместо “объективности” его изложения, они рискуют не добиться ни того, ни другого» [8, с. 334]. Классическим стал пример информационной и управленческой ошибки, связанной с войной «Судного дня». Разведка на уровне аналитиков увидела подготовку Египта к войне, но руководство разведки решило побереечь руководство страны от неприятной информации. Результат известен, причины ошибки тоже: недооценка противника и переоценка эффекта победы в 1967 г. [9, с. 284]

В отличие от событий середины прошлого века мы не располагаем адекватными источниками, относящимися к системе принятия решений и информационно-аналитической работе соседних стран в 2020 г.

Весьма вероятно, какая-то часть архивов Армении или Белоруссии в дальнейшем будет опубликована. Тем не менее уже сейчас можем сделать определенные предположения, касающиеся уровня качества информационной работы и, соответственно, качества управленческих решений. Начнем с Республики Армении. Будем исходить из того, что гражданские и военные, государственные и частные информационно-аналитические центры по умолчанию в качестве приоритетных имеют направления работы, связанные с национальной безопасностью Республики Армении. Равно как и то, что проблематика китайско-австралийских отношений имеет для Армении заведомо вторичный и третичный характер.

Предположим также, что исследование внешнеполитических угроз для республики ведется примерно в тех же практических формах, как и во всем мире. Существуют индикаторы, анализируется открытая и закрытая информация, имеется несколько уровней координации и, наконец, информация докладывается всем лицам, от которых в государстве зависит практически все. Теперь поставим следующий вопрос. Информационно-аналитические службы республики, выстраивая матрицу безопасности своей страны, могут сознательно игнорировать потенциальные вызовы со стороны соседнего государства?

¹ *Rojansky M., Shapiro J. Why Everyone Hates Think Tanks. The World Needs Policy Professionals. Respecting Them Is Another Matter [Электронный ресурс]. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/05/28/why-everyone-hates-think-tanks/> (дата обращения: 28.05.2021).*

Ответ очевиден: не могли. Далее, могли ли указанные службы в силу каких-то причин прийти к выводу о решенности территориально-политических вопросов в отношениях Армении, Нагорного Карабаха и Азербайджана? Ответ очевиден: это исключено.

Следующий вопрос: могли ли информационно-аналитические службы исключить вариант, связанный с применением военной силы со стороны Республики Азербайджан? Могли ли информационно-аналитические службы Армении не заметить военно-технические усилия Республики Азербайджан? Могли ли быть у информационно-аналитических служб Армении малейшие основания предполагать то, что Турция в той или иной форме не поддержит Республику Азербайджан? Были ли основания у информационно-аналитических служб предполагать непосредственную военную поддержку России в военном конфликте вокруг Карабаха, который не признан самой Арменией? И последний вопрос: были ли беспилотники неким Wunderwaffe, чудо-оружием, о котором никто не знал? Ответы очевидны.

Да, мы можем обсуждать уровень и степень эффективности анализа ситуации, сделанного аналитиками, но то, что люди, получающие зарплату за выявление угроз национальной безопасности республики, эти угрозы видели, сомнений нет. Эти угрозы не увидеть невозможно, и вот здесь начинается самое интересное.

Прослеживается два варианта оценки сложившейся ситуации. Первая версия — тревожная информация передавалась лицам, принимающим решения, и была ими проигнорирована. Вторая — внутри аналитического сообщества произошло самозакрытие информации.

Несколько иная ситуация складывалась в Республике Беларусь. История взаимоотношений в течение последних тридцати лет с Польшей, Литвой, Латвией, Украиной не была однозначной. В любом случае она никак не походила на практики отношений Армении с Азербайджаном. Взаимовыгодные торгово-экономические связи с этими странами считались весьма важным фактором, способным повлиять на акцентирование политических противоречий. «В реальности усиление экономических связей, возникающих в условиях силовой политики, неизбежно ведет к конфликту, если не сопровождается сильными институциональными сдерживающими механизмами, какие, например, были созданы внутри Европы. Отношения России и Европы после холодной войны — это также пример того, как взаимозависимость ведет к революционной ситуации, если не сопровождается институциональным сотрудничеством, основанным на балансе сил»[3, с. 438]. Можно ли этот тезис экстраполировать на отношения Белоруссии и Литвы? С нашей точки зрения, да. Экономические отношения Белоруссии с Польшей и Прибалтикой не стали даже минимальной гарантией от вмешательства этих стран, но основания для данного предположения у аналитиков в погонах и без них были.

Время от времени обостряющиеся торговые споры, как правило, по обоюдному согласию и не публично решались. Весьма сдержанное, а затем и резко негативное отношение Варшавы к политическому режиму Республики Беларусь в предшествующие избирательные кампании было раздражающим фактором на определенное время, затем двусторонние отношения возвращались к условной норме в рамках известной формулы «бизнес как прежде». Иными словами, у информационно-аналитических служб Республики Беларусь были определенные основания полагать то, что в 2010 и 2015 гг. ситуация не выйдет из-под контроля.

Наличие многочисленных некоммерческих организаций, весьма критически относящихся к внешней и внутренней политике Республики Беларусь, также не было новым явлением, такие организации были значимым фактором избирательных кампаний всей современной белорусской истории. Формирование белорусского среднего класса в тот момент, когда в Европе он начал стремительно разрушаться, также демонстрировали все социологические исследования.

Ключевые направления критики белорусского режима не менялись в последние двадцать лет. Соответственно, не заметить угрозу в принципе было невозможно. Организация массовых протестов и управление демонстрациями через телеграмм-каналы может считаться новой технической практикой, но никак не принципиально новым видом институционализации воздействия на массовое сознание. Действия органов государственной власти и управления начиная с сентября 2020 г. свидетельствуют о том, что выводы были сделаны быстро, иными словами, информация не собиралась и анализировалась «с нуля», а была в заранее подготовленном виде передана первым лицам.

Таким образом, мы можем предположить то, что информационно-аналитические службы Республики Беларусь недооценили масштаб угроз, но сами угрозы были диагностированы заранее и выделены верно. В августе–сентябре 2020 г. никаких стратегических просчетов в анализе ситуации, вероятнее всего, сделано не было. В результате управленческие решения во второй половине 2020 г. постепенно приобретали качество, которое и требуется в условиях чрезвычайной ситуации. Абсолютно верно было прочитано и то, что Российская Федерация поддержит республику, причем практически дав прямые гарантии государственной безопасности Беларуси.

Армянский и белорусский кейс убедительно свидетельствует о том, что управленческие решения в постсоветских государствах плохо согласуются с реальной ситуацией. Желание найти «хорошие» решения становится не результатом серьезного анализа, а продуктом ситуативных предпочтений, вызванных политическими причинами, к государственной безопасности имеющими косвенное отношение.

Концепция принятия внешнеполитических решений, согласно которой внешняя политика является результатом процесса взаимодействия и взаимной адаптации позиций множества субъектов, отстаивающих разные ценности, представляется абсолютно верной, однако важно постоянно учитывать то, что субъекты не только представляют разные интересы, но и обладают разной информацией. В результате согласование интересов косвенно становится процессом согласования информации. Сказанное выдвигает серьезные требования не столько к аналитикам, сколько к политикам.

Литература

1. Барсуков Н. С. «Эхо камеры» в Интернете: иллюстрация «эффекта эха» на примере Брексита // Государство и граждане в электронной среде. Выпуск 2. СПб. 2018.
2. Баяндина Е. Д. Политическое измерение бюджетного процесса: теория инкрементализма // Управленческое консультирование. 2011. № 3.
3. Бордачев Т. В. Европа и Россия в посткоронавирусном мире [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. Вып. 4. С. 438. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.401> (дата обращения: 13.05.2021).
4. Климова И. И. Концепция инкрементализма и ее эволюция // Финансовый журнал. 2011. № 4 (10). С. 63.
5. Кобылко Э., Хаддад Х. Теория хаоса, изменение мировой системы и гибридные войны [Электронный ресурс] // Сравнительная политика. 2016. № 7 (4 (25)). С. 25–35. URL: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4\(25\)-25-35](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-25-35) (дата обращения: 13.05.2021).
6. Кузьмин С. С. Инкрементализм как стратегический ответ на неопределенность внешней среды // Вопросы экономики и права. 2015. № 3. С. 73–77.
7. Русаков А. Ю. Эхо-камеры в современной массовой культуре // Вестник СПбГИК. 2019. № 2 (39). С. 11–15.
8. Старкин С. В. Проблемы типологизации разведывательной информации в американском теоретическом дискурсе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Международные отношения. Политология. Регионоведение. 2011. № 1. С. 334.
9. Хьюз-Уилсон Дж. История катастрофических провалов военной разведки. Екатеринбург : Гонзо, 2014. С. 284.
10. Цыганков П. А. Грэм Аллисон о моделях принятия решений в области национальной безопасности // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 6. С. 247.
11. Arthur W. B. Inductive Reasoning and Bounded Rationality // American Economic Review. May 1994. Vol. 84. No. 2. P. 406.
12. Kent S. The Need for an Intelligence Literature // Studies in Intelligence. 1955. No. 1; Kent S. Strategic Intelligence for American World Policy. Princeton, N J : Princeton University Press, 1949.
13. Lindblom C. E. The Science of “Muddling Through” // Public Administration Review. Spring, 1959. Vol. 19, No. 2. Blackwell Publishing on behalf of the American Society for Public Administration. P. 79–88.

Об авторах:

Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

Межевич Николай Маратович, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН (Москва, Российская Федерация), президент Российской ассоциации прибалтийских исследований, доктор экономических наук; mez13@mail.ru

References

1. Barsukov N. S. "Echo cameras" on the Internet: an illustration of the "echo effect" on the example of Brexit // State and citizens in the electronic environment. Issue 2. SPb. 2018. (In rus)
2. Bayandina E. D. Political dimension of the budgetary process: the theory of incrementalism // Management consulting. 2011. No. 3. (In rus)
3. Bordachev T. V. Europe and Russia in the post-coronavirus world [Electronic resource] // Bulletin of St. Petersburg University. International relationships. 2020. Vol. 13. Issue 4. P. 438. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.401> (date of access: 13.05.2021). (In rus)
4. Klimova I. I. The concept of incrementalism and its evolution // Financial journal. 2011. No. 4 (10). P. 63. (In rus)
5. Korybko E., Haddad H. Chaos theory, change in the world system and hybrid wars [Electronic resource] // Comparative politics. 2016. No. 7 (4 (25)). P. 25–35. URL: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4\(25\)-25-35](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-25-35) (date accessed: 05/13/2021). (In rus)
6. Kuzmin S. S. Incrementalism as a strategic response to the uncertainty of the external environment // Issues of Economics and Law. 2015. No. 3. P. 73–77. (In rus)
7. Rusakov A. Yu. Echo chambers in modern mass culture // Bulletin of SPbGIIK. 2019. No. 2 (39). P. 11–15.
8. Starkin S. V. Problems of typologization of intelligence information in the American theoretical discourse // Bulletin of Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky. International relationships. Political science. Regional studies. 2011. No. 1. P. 334. (In rus)
9. Hughes-Wilson J. The History of Catastrophic Failures of Military Intelligence. Ekaterinburg : Gonzo, 2014. P. 284. (In rus)
10. Tsygankov P. A. Graham Allison on National Security Decision Making Models // Social and humanitarian knowledge. 2000. No. 6. P. 247. (In rus)
11. Arthur W. B. Inductive Reasoning and Bounded Rationality // American Economic Review. May 1994. Vol. 84. No. 2. P. 406.
12. Kent S. The Need for an Intelligence Literature // Studies in Intelligence. 1955. No. 1; Kent S. Strategic Intelligence for American World Policy. Princeton, N J : Princeton University Press, 1949.
13. Lindblom C. E. The Science of "Muddling Through" // Public Administration Review. Spring, 1959. Vol. 19. No. 2. Blackwell Publishing on behalf of the American Society for Public Administration. P. 79–88.

About the authors:

Vladimir A. Shamakhov, Director of North-West Institute of Management of RANEPa (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-va@ranepa.ru

Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of Institute of Europe of the Russian Academy of Science (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

От Беловежских соглашений до Евразийского экономического союза: опыт тридцатилетия

Кротов М. И.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
mi-krotov@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются экономические, политические и идеологические причины саморазрушения СССР, итогом которого стало подписание 8 декабря 1991 г. Беловежских соглашений. Анализируется роль Содружества Независимых Государств в процессах региональной экономической интеграции, осуществляемой в 90-х гг. XX в., в условиях цивилизованного развода постсоветских республик. Показано, что государства — участники Евразийского экономического союза и Организации Договора о коллективной безопасности в полной мере выполняют обязательства, принятые в рамках Беловежских соглашений при выходе из СССР. Выявлена объективная обусловленность участия стран СНГ в антироссийских, псевдоевропейских проектах политикой разновекторности. Исследованы новые экономические приоритеты евразийской интеграции, институциональные проблемы и перспективы Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: распад СССР, Беловежские соглашения, Содружество Независимых Государств, Евразийский экономический союз, политика разновекторности, Организация Договора о коллективной безопасности, Союзное государство, новые экономические приоритеты ЕАЭС

Для цитирования: Кротов М. И. От Беловежских соглашений до Евразийского экономического союза: опыт тридцатилетия // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 3. С. 22–34.

From the Belovezhskiye Agreements to the Eurasian Economic Union: 30 Years of Experience

Mikhail I. Krotov

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation; mi-krotov@yandex.ru

ABSTRACT

The article examines the reasons for the collapse of the USSR and the signing of the Belovezhskiye Agreements. The thirty-year experience of Eurasian integration in the post-Soviet space is summarized. There is an analysis of role of the Commonwealth of Independent States in the processes of regional economic integration carried out in the last decade of 20th century, in the context of the separation of the post-Soviet republics. It is shown that the members which are states of the Eurasian Economic Union and the Collective Security Treaty Organization fully fulfill the obligations assumed within the framework of the Belovezhskaya Agreements upon secession from the USSR. The article reveals the objective conditionality of the participation of the CIS countries in anti-Russian, pseudo-European projects by a policy of different directions. New economic priorities of Eurasian integration, institutional problems and prospects of the Eurasian Economic Union are investigated.

Keywords: USSR disintegration, Belovezhskiye Agreements, Commonwealth of Independent States, Eurasian Economic Union, multi-directional policy, the Collective Security Treaty Organization, the Union State, new economic priorities of the EAEU

For citing: Mikhail I. Krotov. From the Belovezhskiye Agreements to the Eurasian Economic Union: 30 Years of Experience // Eurasian integration: economics, law, politics. 2021. Vol. 15. No. 3. P. 22–34.

Беловежские соглашения — итог процесса саморазрушения Советского государства

8 декабря 2021 г. исполняется 30 лет с момента распада СССР. О причинах этой геополитической катастрофы до сих пор идет дискуссия. Одни политики и эксперты доказывают неизбежность распада Советского Союза, связывая это с господствующей в нем коммунистической идеологией и государственной монополией в экономике. Другие считают, что никаких объективных причин для этого не было, объясняя крушение великой державы исключительно субъективными факторами. На наш взгляд, распад СССР произошел вследствие целой системы грубых экономических, политических и идеологических ошибок руководства страны, которые ни в коем случае нельзя повторять как в управлении современной России, так и других стран СНГ.

Распад СССР происходил на фоне экономической и политической катастрофы: пустых полок в магазинах, забастовок, недовольства населения и армии, межнациональных конфликтов, беспомощности президента и правительства Союза. Каким образом это произошло?

В конце 70-х гг. XX в. руководство СССР, исходя из идеологического постулата ведущей роли рабочего класса, начало форсировать повышение заработной платы рабочих вне связи с ростом производительности труда. В результате был грубо нарушен социалистический принцип распределения по труду: заработная плата рабочих существенно обогнала заработную плату инженерно-технических и научных кадров, а также других работников сложного труда. Это, во-первых, формировало отсутствие необходимых моральных и экономических стимулов к развитию научно-технического прогресса, подрывало авторитет управленческих кадров всех уровней, порождало иждивенческие настроения у простых работников и разрушало социальное единство в обществе. В период перестройки определенную популярность получили взгляды С. Андреева, который довел идею гегемонии пролетариата до абсурда и доказывал, что в СССР господствует класс управленцев-эксплуататоров, к которым относил и все инженерно-технические кадры [2].

Во-вторых, необоснованный рост заработной платы нарушил баланс спроса и предложения в стране. К 1987 г. денежная масса на руках у населения в два раза превысила ее товарное покрытие. Предложения о плановом двукратном повышении цен не получили поддержку Политбюро ЦК КПСС, члены которого считали, что в этом случае «рабочий класс нас не поймет». (Четыре года спустя при правительстве Е. Гайдара цены в Российской Федерации выросли в сотни раз, и это не привело к социальному взрыву.) Идеологически неприемлемым было и покрытие значительной части спроса путем введения платы за уравнилельно-распределяемое строящееся жилье и продажи земельных участков. Решено было наполнить полки магазинов импортными товарами за счет форсированного экспорта энергоресурсов и других видов сырья на Запад. Однако в условиях неблагоприятной мировой конъюнктуры это привело к существенному падению цен на сырьевые ресурсы, и разрыв между денежным спросом и товарным предложением в СССР продолжал критически возрастать. Свою лепту в удар по бюджету и товарному покрытию спроса внесла и антиалкогольная кампания. Выведенная из оборота алкогольная продукция не компенсировалась предложением других товаров и существенно снизила доходную часть государственного бюджета.

В итоге руководство страны во главе с М. С. Горбачевым стало набирать кредиты на Западе в целях приобретения на них потребительских товаров. США и контролируемые ими международные финансовые институты охотно предоставляли такие кредиты, однако связывали их с выгодными для Запада экономическими, политическими и идеологическими реформами. В экономике, в том числе за счет западных кредитов, под флагом конверсии закрывались самые высокотехнологичные оборонные производства. В политике из-за внешней финансовой зависимости СССР руководство страны не реагировало на выход прибалтийских республик в 1989 г. из советского правового поля, а в 1990 г. — на отделение Армении, Грузии и Молдовы. Развал вооруженных сил проявился в неподготовленном и необоснованном выводе наиболее боеспособных войск из Восточной Европы (600 тыс. чел). Правительство Коля готово было выделить 300 млрд марок за вывод советских войск из Германии, однако советские власти по непонятным причинам запросили лишь 14 млрд марок, которых не хватило даже на покрытие транспортных расходов. Сотни тысяч военнослужащих оказались в чистом поле, а затем без работы. Ликвидация

Варшавского договора и Совета Экономической Взаимопомощи привела к ликвидации основанного на переводном рубле общего рынка стран Центральной Европы и СССР.

Окончательно добило советскую экономику разрешение переводить безналичные деньги в наличные. Дело в том, что на предприятиях за ряд лет накапливались безналичные средства на покупку станков, машин, оборудования, проведения реконструкции и нового строительства. Эти деньги строго расходовались в безналичной форме при условии получения в Госплане и Госснабе СССР соответствующих фондов на приобретение средств производства. И когда Правительство Союза разрешило тратить эти многомиллиардные суммы не по их назначению, предприятия стали создавать аффилированные с ними малые предприятия, кооперативы и НТТМ, куда по договорам переводились заводские средства амортизационного фонда и фонда накопления. Результат — полный экономический коллапс, многократное превышение спроса над товарным покрытием.

В то же время перевод миллионов и миллиардов рублей в частные фирмы обеспечил первоначальное накопление капитала. Разбогатевшие хозяева малых предприятий, кооперативов и НТТМ затем в начале 90-х гг. скупили приватизационные ваучеры рабочих, став хозяевами обесцененных госпредприятий, используя при этом и административный ресурс.

Параллельно с деструктивными экономическими процессами в последние годы СССР в его информационном пространстве силами самого государства проводилась антигосударственная пропаганда: информационная политика критики господствующей коммунистической идеологии и истории страны превратилась в критику самого государства СССР. В республиках это дополнялось пропагандой региональными государственными СМИ преимуществ отделения от России, что неизбежно вело к конфликтам с автономиями (Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, Крым). Поэтому в сфере идеологии главный вклад в развал Союза создала государственная пропаганда как на союзном, так и республиканском уровнях. Создание благоприятных условий для деятельности иностранных агентов — НПО, НКО, фонда Сороса, воспитание через западные гранты у советской элиты западных ценностей — дополняло идеологические предпосылки развала СССР, но играло вторичную роль.

Тем не менее в условиях глубочайшего экономического, политического и идеологического кризисов народы СССР (в том числе Украины) 17 марта 1991 г. на общесоюзном референдуме проголосовали за сохранение Союза. Однако союзное и республиканские руководства того периода проигнорировали волю народа и больше занимались борьбой между собой за власть. Фактическую точку в развале СССР поставили сторонники его сохранения, организовавшие 19–21 августа 1991 г. ГКЧП, руководители которого использовали советские войска против президента и парламента России. Действия ГКЧП окончательно подорвали авторитет союзного руководства и исключили возможность отстранения от всех постов М. Горбачева законным путем в сентябре на Съезде народных депутатов и в октябре на намеченном Съезде КПСС. Провал ГКЧП во многом побудил Верховную Раду Украины 24 августа 1991 г. проголосовать за отделение от СССР, а 5 сентября 1991 г. «самораспуститься» (по предложению М. Горбачева) высший орган власти — Съезд народных депутатов СССР. В итоге сам президент и Правительство СССР потеряли какую-либо легитимность в отличие от республиканских властей. Созданный М. Горбачевым 5 сентября неконституционный временный орган управления СССР — Государственный Совет — был недееспособен и дискредитировал себя, признав 6 сентября по настоянию Запада и в нарушение советского законодательства независимость трех прибалтийских республик. Таким образом, за четыре месяца до Беловежских соглашений сложилась практика доминирования на распадающемся советском пространстве США, которые превратились в арбитра конфликта между союзным центром и республиками.

В этих условиях возникла не только новая политическая, но и экономическая ситуация: государственные предприятия оказались бесхозными. Предприятия союзного значения составляли 51% от предприятий страны, предприятия республиканского значения — 47%, местная промышленность — 2% от всех предприятий. Объявление независимости союзной республики означало одновременно национализацию предприятий всех уровней на территории этой республики, что позволяло в дальнейшем региональным элитам самостоятельно приватизировать общесоюзные предприятия и, не оглядываясь на центр, республиканские предприятия.

Проявилась главная ошибка перестройки: проведение политических реформ без предварительного проведения соответствующих экономических реформ. Опыт КНР и Вьетнама показал эффективность проведения радикальных рыночных экономических реформ при сохранении старой политической системы, в которой господствует сильная государственная власть. Неудачный советский опыт подтвердил этот вывод, показав, что без сильного государства невозможен успешный переход от плана к рынку, в том числе эффективная приватизация госпредприятий, предполагающая сохранение государственного контроля над стратегическими производствами.

Если бы все же в СССР была проведена эффективная приватизация и основные предприятия имели частных хозяев, в том числе состоявших в партнерстве с государством, экономический интерес к распаду СССР был бы существенно меньше. Объявление союзной республики независимой непосредственно не влияло бы на структуру собственников предприятий. Более того, эти собственники, скорее всего, были бы заинтересованы в сохранении СССР как единого государства с большим общим рынком. Получение независимости Индии не изменило структуру собственников ведущих финансово-промышленных групп страны. Советы директоров этих групп, как правило, проходят в Лондоне, то есть глубокая финансово-промышленная кооперация разделенных географически британской и индийской экономик сохранилась. Тем более такой вывод был бы справедлив к частным предприятиям различных постсоветских республик как звеньям единого народно-хозяйственного комплекса. Однако возможность создания заинтересованности региональных элит в сохранении СССР через эффективную и своевременную приватизацию союзных и республиканских предприятий была упущена.

Региональная интеграция в условиях цивилизованного развода государств — участников СНГ

К моменту подписания Беловежских соглашений сложилась следующая политическая ситуация. О полной независимости в 1990 г. объявили шесть республик. Верховный Совет Российской Федерации, реагируя на их действия и двойные стандарты союзного центра, принял 12 июня 1990 г. Декларацию о государственном суверенитете, где провозглашалось верховенство российских законов над союзными. Еще две республики находились между собой в состоянии военного конфликта, в Таджикистане шла гражданская война. Наконец, 1 декабря 1991 г. население Украины проголосовало за независимость. Поэтому, негативно оценивая Беловежские соглашения, необходимо признать, что они отражали фактическое положение дел. Принципиальный правовой порок этих соглашений, как справедливо отмечал первый мэр Санкт-Петербурга профессор А. Собчак, заключался в том, что аннулирование Союзного Договора не сопровождалось обязанностью выходящих из СССР стран вернуться к границам, в которых они вошли в Союз [6]. В результате были нарушены законные права России на территории, входившие в ее состав на момент подписания Договора 1922 г.

В то же время широко распространенное *фокусирование историков и экспертов на критике Беловежских соглашений уводит общественное мнение и научные оценки в сторону от критики невыполнения этих соглашений*. Между тем они были ратифицированы, не денонсированы и имеют до сих пор юридическую силу.

Согласно Беловежским соглашениям, ликвидация СССР и получение независимости Белоруссии, России и Украины, а затем и остальных советских республик (Алма-Атинская декларация от 21 декабря 1991 г.) были непосредственно увязаны с созданием Содружества Независимых Государств как межгосударственного объединения, образующего общее социально-экономическое пространство, общее военно-стратегическое пространство под объединенным командованием, проводящего скоординированную внешнюю политику и защищающего этнические, культурные, языковые и т. п. права национальных меньшинств.

Создание СНГ предполагало принятие Устава Содружества. В ходе подготовки такого Устава, идя навстречу позициям ряда государств, прежде всего в надежде на то, что Украина подпишет Устав СНГ, разработчики ослабляли в нем интеграционное единство. В основополагающем документе СНГ был

существенно снижен уровень интеграции, ограничены ее сферы и исключены наднациональные функции органов Содружества. Однако даже такой ослабленный вариант Устава СНГ Украина не подписала. То есть она грубо нарушила условия своего выхода из СССР. Поэтому никак нельзя согласиться с утверждением бывшего премьер-министра Швеции К. Бильдта и других западных политиков, считающих, что вывод Президента России В. В. Путина о том, что «Украина не совсем законно получила независимость», противоречит Беловежским соглашениям [4]. Наоборот, как видим, этот вывод прямо вытекает из Беловежских соглашений.

В итоге Устав СНГ был подписан 22 января 1993 г. семью государствами и без учредителя Содружества — Украины. В дальнейшем его подписали еще три государства, но не Украина. Следует согласиться с З. Бжезинским, считающим: «Именно действия Украины... помешали СНГ стать просто новым наименованием более федерального СССР» [3, с. 116]. При этом последняя, не будучи юридически членом СНГ, была фактически представлена в руководящих органах СНГ. Такой противоречивый подход к интеграционному процессу отражал непонимание диалектики двусторонних и многосторонних отношений на постсоветском пространстве. Участие или неучастие наших соседей в интеграционных проектах, где ведущую роль играет Российская Федерация, — яркий показатель их действительного отношения к нашей державе. В 90-е гг. Украина на словах заявляла о приоритете двусторонних отношений с Россией, противопоставляя их Беловежским обязательствам по участию в многостороннем формате — СНГ. Россия, к сожалению, мирилась с этим, предоставляя нечлену СНГ ряд преимуществ Содружества (зону свободной торговли, безвизовый режим и т. д.).

Почему основным трендом социально-экономического развития постсоветских республик в 90-е гг. была дезинтеграция, а не интеграция в рамках Содружества?

Дело в том, что главной задачей России, как и других государств СНГ, в 90-е гг. XX в. было создание независимого государства со всеми атрибутами суверенитета: признанными границами, пограничным и таможенным контролем, национальной валютой, вооруженными силами, принятием конституции и свода национальных законов. Все это создавало административные, экономические и правовые барьеры между постсоветскими республиками.

Одновременно бывшие республики СССР форсировали проведение радикальных рыночных реформ, зачастую методами «шоковой терапии». Приватизация создавала условия для частных инвестиций, которые в период первоначального накопления национального капитала могли быть только иностранными. Иностранные инвесторы переформатировали сложившуюся в СССР систему разделения труда и кооперации между предприятиями в интересах транснациональных корпораций (в результате, например, разрывались связи между находящимися рядом российским Магнитогорским металлургическим комбинатом и казахстанским Соколово-Сарбайским железнорудным месторождением). Очевидно, что это были дезинтеграционные в своей основе процессы, поэтому в 90-е гг. Содружество Независимых Государств вынуждено было выполнять функцию организации по обеспечению цивилизованного развода бывших республик СССР.

В 90-е годы произошло сращивание вновь возникшего национального капитала с ввозимым в страны СНГ иностранным капиталом. Национальные элиты, стремясь защитить свои доходы от экономической и политической нестабильности, а также уйти от национального налогообложения, начали вывозить свои личные капиталы на Запад, где стали жить и учиться их дети и куда в перспективе эти элиты планировали переехать на постоянное жительство. Во всех странах СНГ возник мощный слой влиятельных политиков и бизнесменов, личные интересы которых стали совпадать с интересами западных стран и существенно отличаться от национальных интересов государств Содружества. Западно-ангажированную группу политиков и бизнесменов дополнил еще более широкий слой интеллигенции, прошедшей обучение на Западе и живущей на иностранные гранты. В итоге в 90-е гг. во всех странах СНГ сформировалась влиятельная группа граждан, незаинтересованных в евразийской интеграции.

Во всех процессах трансформации советских социалистических республик активно участвовали «помощники»: ведущие западные государства и контролируемые ими международные финансовые институты (Международный валютный фонд, Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития).

За десять лет реализации экономической политики, навязанной извне, ВВП стран СНГ к началу XXI в. по сравнению с ВВП СССР уменьшился на 40%, а доля СНГ в мировом ВВП за этот период по сравнению с долей СССР снизилась с 10% до 3% [1, с. 51], что являлось самым худшим экономическим показателем в мире. В условиях саморазрушения экономик страны СНГ вынуждены были занимать на Западе огромные кредитные ресурсы и попали в сильную экономическую и политическую зависимость от него. Доминирование США и их союзников привело к системе частичного внешнего управления государствами СНГ, необходимости согласовывать экономическую, политическую и культурно-идеологическую деятельность с МВФ, Всемирным банком, ЕБРР и контролирующими их США и ЕС. Западные «партнеры» негативно относились к любым формам постсоветской интеграции и активно выступали против многостороннего экономического, политического, оборонного и культурного сотрудничества стран СНГ, которые они принципиально называли только ННГ (новые независимые государства).

В то же время неправильно переоценивать вклад западных стран в достижение республиками СНГ независимости и проведение рыночных реформ. Главным донором построения экономического и политического суверенитета бывших республик СССР была Российская Федерация. Она предоставляла этим республикам, во-первых, режим свободной торговли на своем шестом по величине в мире и относительно малоконкурентном рынке товаров; во-вторых, надежное обеспечение относительно дешевыми энергоресурсами; в-третьих, свободный доступ на российский рынок труда миллионов граждан СНГ и поступление от них переводов значительных денежных средств; в-четвертых, огромные доходы от транзита российских ресурсов и товаров и загрузки портов. Кроме того, Российская Федерация обеспечивала безопасность в странах СНГ, способствуя разрешению возникших при распаде СССР конфликтов либо их замораживанию. Тем самым она, с одной стороны, создавала условия для цивилизованного развода стран СНГ, с другой стороны, способствовала формированию у других республик бывшего Советского Союза уверенности в том, что такие особые отношения с Российской Федерацией у них будут всегда, в том числе и в условиях геополитической разноректорности. Тем более что в 90-е гг. существовала большая зависимость нашей страны от западных стран СНГ при транзите энергоресурсов на европейский рынок.

Ведущая экономическая и политическая роль России создавала объективную основу для интеграционных процессов даже на фоне цивилизованного развода государств СНГ. Так, в рамках Содружества неоднократно предпринимались попытки глубокой экономической интеграции. Например, в 1994 г. большинством государств СНГ был подписан договор об Экономическом союзе, который предполагал создание таможенного и валютного союза. В этих целях в 1995 г. был создан Межгосударственный комитет Экономического союза, который обладал контрольными, координирующими и даже распорядительными функциями, добровольно делегируемыми государствами — участниками Экономического союза. Однако этот проект закончился неудачей.

В 1996 г. был подписан Договор между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях. Этот договор имел более успешную судьбу и является одним из истоков создания в 2001 г. Евразийского экономического сообщества, а затем в 2015 г. и Евразийского экономического союза. Другой предтечей ЕАЭС явилось Единое экономическое пространство Беларуси, Казахстана, Российской Федерации и Украины, соглашение о котором было подписано в 2003 г. И хотя в ходе оранжевой революции на Украине (2004–2005 гг.) она, не денонсировав это соглашение, фактически вышла из него, нормативно-правовая база, наработанная в рамках Единого экономического пространства четверки, была в значительной степени использована Беларуссией, Казахстаном и Россией при создании Таможенного Союза (2009 г.), Единого экономического пространства (2012 г.) и Евразийского экономического союза.

В научной литературе и общественном мнении отсутствует общее понимание роли СНГ в постсоветской истории. Причем относительно негативную оценку Содружеству дают как сторонники глубокой социально-экономической интеграции, так и ее противники. Первые недовольны тем, что не оправдались завышенные ожидания того, что СНГ будет чем-то вроде конфедеративного СССР или хотя бы Европейского союза. Вторые, наоборот, видят в Содружестве базу для возможного возрождения евразийского лидера глобализации.

При оценке деятельности СНГ необходимо четко различать СНГ как международное интеграционное объединение и СНГ как совокупность стран, создавших это объединение. Негативные социально-экономические результаты постсоветских республик в 90-е, а у большинства стран СНГ и в последующие годы, не означают неэффективности, а тем более бесполезности Содружества как организации. СНГ смягчило кризисные явления на постсоветском пространстве, не допустило югославского варианта кровавого развода в рамках СССР. Так, именно на основе решений СНГ в 1993 г. была обеспечена защита афгано-таджикской границы вооруженными силами России, Казахстана, Киргизии и Узбекистана, оказавших военную поддержку Таджикистану. В дальнейшем это позволило при посредничестве России разрешить дипломатическими методами конфликт в этой стране.

В другом советском конфликте в Нагорном Карабахе прекращение огня с 6 мая 1994 г. в течение более четверти века было обеспечено на основе Бишкекского протокола, подписанного сторонами конфликта 5 и 8 мая 1994 г. под эгидой Межпарламентской Ассамблеи СНГ, примиренческую миссию которой высоко оценил Совет глав государств СНГ в своем Заявлении от 15 апреля 1994 г. И в других советских конфликтах успешную миротворческую миссию также выполняло Содружество при ключевой роли Российской Федерации.

Не соответствует действительности и распространенное мнение о том, что из-за отсутствия наднациональных органов решения Содружества не выполнялись и оно не оказывало существенного влияния на экономические и политические процессы, происходящие в бывших республиках СССР. Управленческая функция Содружества реализовывалась через подписание международных соглашений и принятие решений Советами глав государств и глав правительств. В рамках СНГ было подписано более 30 договоров, которые после ратификации становились частью национального законодательства. Это такие важные соглашения, как соглашения о Зоне свободной торговли 1994 г. (в 2011 г. модернизировано в виде Договора о зоне свободной торговли), о безвизовом режиме 1992 г. и другие. Более 300 соглашений СНГ вступали в силу без ратификации после выполнения внутригосударственных процедур. Наконец, порядка 3 тыс. решений, подписанных президентами или председателями правительств, юридически приравнивались к национальным распоряжениям этих руководителей.

При этом в большинстве договоров, принимаемых в рамках Содружества, не было стопроцентного участия государств или ратификации этих договоров всеми участниками. Так, Грузия подписала и, выйдя из СНГ, до сих пор участвует только в 74 соглашениях из более трехсот. Однако важно, что ведущие страны Содружества — Россия, Белоруссия, Казахстан и до оранжевой революции Украина — выполняли свои обязательства в рамках СНГ.

Межпарламентская Ассамблея СНГ через принятие нескольких сотен модельных (типовых) законов обеспечила, во-первых, согласованный переход от советского законодательства к законодательству, адекватному правовому государству и рыночной экономике. Например, на базе модельного гражданского кодекса МПА СНГ были приняты национальные гражданские кодексы в 10 странах СНГ, что позволило на 80% унифицировать гражданско-правовые нормы в этих странах. Во-вторых, модельные акты МПА СНГ легли в основу национальных законов, регулирующих развитие информационного общества, новой индустриализации и модернизации. Так, например, принятый в 2001 г. модельный закон об электронной цифровой подписи был полностью продублирован в соответствующих законах Российской Федерации и других стран СНГ. И сегодня этот модельный акт лежит в основе развития современной интернет-экономики и цифровизации всех сфер общественной жизни стран СНГ. Поэтому благодаря работе Межпарламентской Ассамблеи СНГ сформировалось и развивается общее правовое пространство.

Вместе с тем уровень интеграции в рамках Содружества Независимых Государств далек от обязательств, взятых на себя его участниками в Беловежских соглашениях. Более того, среди членов СНГ есть государства, осуществляющие недружественные действия в отношении партнеров. В достаточной мере беловежские обязательства выполняют только участники Евразийского экономического союза и Договора о коллективной безопасности, которые поэтому вправе предъявить юридически обоснованные претензии за невыполнение обязательств, взятых при выходе из СССР.

От разновекторности к антироссийским интеграционным проектам

Все интеграционные проекты, предусматривающие ведущую роль России, торпедировались США и их союзниками. И наоборот, Запад поддерживал любые интеграционные инициативы стран СНГ, исключая участие России. В 1997 г. в Страсбурге на полях Совета Европы было создано ГУАМ (объединение за демократию и экономическое развитие), в которое вошли Азербайджан, Грузия, Молдова, Украина и в качестве наблюдателей Турция и Латвия. В отличие от СНГ это созданное Западом объединение, где ведущую роль играет Украина, получило всевозможную поддержку США и Европейского союза. ГУАМ позиционировался как проевропейская геополитическая интеграция, противостоящая евразийско-ориентированной на Россию части СНГ. В дальнейшем антироссийский геополитический курс воплотился в 2009 г. в проект Восточное партнерство (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Молдова и Украина) и проекты ассоциаций с Европейским союзом Грузии, Молдовы и Украины.

Серьезные барьеры для евразийской интеграции создало и вступление поодиночке во Всемирную торговую организацию Киргизии, Грузии, Молдовы, Армении и Украины. Другой возможный вариант: вступление в ВТО стран СНГ всех вместе, включая Россию, не был реализован. Разные условия вступления в ВТО подорвали зону свободной торговли в рамках Содружества. В ответ на неприемлемо низкие таможенные пошлины соседей Россия вынуждена была в начале XXI в. ввести ограничения на ввоз ряда товаров из стран СНГ и стала проводить политику прагматизма, разноуровневой и разноскоростной интеграции на постсоветском пространстве. Тем более что транзитная зависимость по поставкам нефти была полностью ликвидирована с запуском Приморского порта, а по поставкам газа — в значительной степени после ввода в строй «Северного-1» и «Турецкого» потоков, а также налаживания экспорта сжиженного газа. При этом политика прагматизма начала осуществляться даже в рамках Евразийского экономического союза, где после вступления в 2015 г. в ВТО Республики Казахстан из режима свободной торговли была выведена тысяча наименований товаров, поступающих из этой республики на евразийский рынок.

Антироссийские интеграционные проекты на постсоветском пространстве являются по своему существу псевдоевропейскими, антиевропейскими. Они направлены на раскол Европы, на то, чтобы сделать невозможным реализацию идеи де Голля о создании общего европейского пространства от Лиссабона до Урала (Владивостока). Бенефициаром этих проектов являются США, которые намерены разделять ЕС и ЕАЭС, чтобы властвовать, сохранить свое доминирование в мире. США будут противником общеевропейской, а тем более общеевразийской интеграции даже в том случае, если современная Россия как и в 90-е гг. признает доминирующую роль Америки. Об этом откровенно пишут в своих работах Г. Киссинджер [5, с. 741] и З. Бжезинский [3, с. 114–116, 234–236].

На базе антироссийской экономической интеграции происходит представляющая прямую угрозу безопасности России военная интеграция ряда стран СНГ с НАТО. Так, Украина зафиксировала вступление в НАТО в качестве своей конституционной цели. К сожалению, у истоков военной интеграции стран СНГ с НАТО лежит и ошибочная внешняя политика в 90-х гг. России, которая первая из стран СНГ приняла участие в программе НАТО «Партнерство во имя мира».

Приходится констатировать, что в течение 30 лет по ряду причин происходило ослабление интеграционно-притягательной роли России. Во-первых, деиндустриализация бывших советских республик существенно ослабила заинтересованность в промышленной кооперации, а тем самым и в выходе на российский рынок. Этому способствуют и навязанные западными кураторами антироссийские санкции, например, запрет на поставки украинских двигателей оборонного назначения. Во-вторых, девальвация рубля по отношению к доллару резко снизила количество украинских и молдавских трудовых мигрантов в России, миллионы граждан этих стран теперь работают в Польше, Италии и других странах Европейского союза (доля денежных переводов гастарбайтеров из России в общем объеме этих переводов в Молдавию уменьшилась к 2020 г. с 80% до 15%). В-третьих, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан диверсифицировали поставки своих нефтегазовых ресурсов и существенно уменьшили транзитную зависимость от России. В свою очередь, потребители российских энергоресурсов получают их теперь

по мировым ценам, то есть в принципе могут приобретать у других поставщиков. В-четвертых, страны СНГ накопили огромные финансовые долги как перед западными странами, так и перед КНР. Поэтому в современных условиях они вынуждены выполнять геополитические установки кредиторов. Наконец, в-пятых, самое главное, за 30 лет выросло новое поколение, которое не жило в СССР и не имеет достаточной позитивной информации об опыте своей страны в советский период. При этом противостоящий евразийской интеграции сложившийся в 90-е гг. прозападный элитный и культурный слой существенно укрепился и расширился.

Цивилизованный развод с Россией и друг с другом стран СНГ не означает невозможности обратного процесса: евразийской интеграции при ведущей роли Российской Федерации. Страны СНГ, как и другие страны мира, не могут интегрироваться в мировую экономику в одиночку, вне вступления в региональные межгосударственные объединения. Только при этом условии они будут конкурентоспособны, иметь возможность новой индустриализации и модернизации экономики, коллективной защиты от новых вызовов и угроз их национальной безопасности.

На наш взгляд, главную роль в будущем евразийской интеграции сыграют как результаты прозападного, антироссийского опыта ассоциаций стран СНГ с Европейским союзом, так и результаты участия постсоветских государств в Евразийском экономическом союзе.

Семилетний «европейский» опыт Украины, Молдавии, Грузии показал, что они, во-первых, потеряли значительную долю евразийского рынка и не компенсировали эту потерю рынком Европейского союза. В 2020 г. главным торговым партнером Украины вместо России, которая, несмотря на санкции, заняла 3-е место, стала КНР, существенно обгоняющая Германию. Причем надо учитывать и упущенную выгоду. В Евразийском союзе товарооборот России и Белоруссии составляет 35–45 млрд долл. Следовательно, товарооборот России с евразийской Украиной был бы 140–200 млрд долл. Во-вторых, в этих странах ускорился процесс деиндустриализации: они разорвали кооперационные связи с Россией и в то же время не смогли перейти на европейские технические регламенты и стандарты, сохранив барьеры для высокотехнологичного сотрудничества с Европейским союзом. Финансовая помощь Запада обеспечивает лишь выживание этих стран, а не развитие. В-третьих, деиндустриализация заставила миллионы трудоспособного населения выехать на заработки в Европейский союз и Российскую Федерацию с намерением остаться жить и работать за границей. В-четвертых, участники ассоциации с ЕС при попустительстве его политических структур грубо нарушили заложенные в Беловежских соглашениях и национальных конституциях обязательства по соблюдению этнических, культурных, языковых и других прав национальных меньшинств, что привело к обострению межнациональных и межрегиональных конфликтов. В-пятых, официальное доминирование США и Европейского союза не сопровождается получением хотя бы в перспективе конкретных обещаний (сроков) возможности вступления этих стран в ЕС и НАТО. В целом в этих трех государствах, также как и в СССР в 90-е гг., идут процессы саморазрушения, которые смягчаются благодаря поддержке западных стран. Однако опыт Афганистана показал, что такая поддержка может носить только временный характер.

Несмотря на проводимую антироссийскую политику на Украине, в Грузии, Молдове, во всех этих странах получают развитие преследуемые властью политические движения за евразийскую интеграцию. При этом Молдова даже получила статус наблюдателя в Евразийском экономическом союзе, что вызвало серьезное недовольство на Западе, который оказал прямое политическое давление на положение в этой стране.

Успех евразийской экономической интеграции будет главным стимулом для евразийского выбора неопределившихся стран и возможного геополитического разворота прозападных стран СНГ. При этом этот успех должен быть воплощен как в более высоких темпах экономического роста, так и в высоком уровне доходов населения. Очевидно, что если бы заработная плата украинских и молдавских гастарбайтеров в России была выше, чем в Польше и Италии, то она дала бы мощный стимул для возврата в Россию украинских трудовых мигрантов, заинтересованности последних и членов их семей в восстановлении российско-украинских и развитии российско-молдавских отношений.

Евразийский экономический союз — приоритет региональной экономической интеграции

За прошедшие 6 лет существования ЕАЭС существенно уменьшилось количество барьеров для формирования общего рынка товаров, услуг, капиталов и труда. Можно констатировать, что общий рынок труда сформирован. В обеспечении равенства прав граждан Евразийского союза последнюю точку поставило Соглашение 2020 г. о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС. При этом трудности функционирования общего рынка труда в связи с пандемией преодолеваются за счет действия специального мобильного приложения.

Развитию общего рынка товаров способствует Таможенный кодекс Евразийского экономического союза, соответствующий самым передовым таможенным технологиям (электронное декларирование) и нацеленный не столько на решение фискальных задач, сколько на содействие развитию бизнеса. Важно, что уже 75% евразийских товаров производятся по техническим регламентам ЕАЭС. Страны союза подошли вплотную к формированию общего рынка в энергетической сфере. (В России ратифицирован соответствующий протокол об изменении в договоре ЕАЭС, касающийся формирования общего электроэнергетического рынка.)

ЕАЭС подходит к самому сложному вопросу: формированию общего нефтегазового рынка, где сохраняются противоречия экспортеров и импортеров этих ресурсов. Благодаря налоговому маневру в 2021 г. в федеральный бюджет за счет поступлений от НДСПИ дополнительно поступит более 300 млрд руб. Это ведет к повышению цен на сырую нефть, и, чтобы стабилизировать цены на нефтепродукты, нефтеперерабатывающие предприятия России получают существенные дотации (в 2019 г. дотации составили 100 млрд руб. при повышении величины НДСПИ всего лишь на 50 млрд руб.). В результате они оказываются в лучших условиях, чем белорусские нефтеперерабатывающие предприятия.

В известной степени такая ситуация противоречит смыслу ЕАЭС — обеспечить равные условия для субъектов хозяйствования стран-участниц. Однако этот принцип должен работать на всех рынках: и товаров, и капиталов ЕАЭС. Если мы планируем предоставить белорусскому бизнесу возможность свободно приобретать нефтегазовые месторождения и добывать на них сырье для своих предприятий, то и промышленные предприятия России должны иметь возможность продавать без посредников газ конечным потребителям и покупать предприятия в Белоруссии. Однако пока политэкономическая природа рынка и крупных предприятий в наших странах разная. И тот же Газпром в Белоруссии не может напрямую продавать газ потребителям, а КамАЗ не сможет купить МАЗ, создав совместное предприятие с контрольным пакетом. Хотя такое объединение было бы очевидно взаимовыгодно и более конкурентоспособно на мировом рынке.

Представляется, что разрешению этих противоречий должна способствовать реализация дорожных карт по формированию экономической интеграции Белоруссии и России в рамках Союзного Государства. Это прямо вытекает из белорусско-российских обязательств, взятых еще при подписании Союзного договора в 1999 г. В этом случае Союзное Государство действительно станет локомотивом евразийской интеграции.

ЕАЭС развивается в рамках процесса мировой глобализации и должен учитывать новые экономические приоритеты, сформировавшиеся после подписания Договора о ЕАЭС в 2014 г. Во-первых, необходимо ускорить формирование общего цифрового пространства ЕАЭС. С задержками, но в 2021 г. будет обеспечена цифровизация маркировки товаров легкой, табачной промышленности, отдельных видов лекарств, автомобильных шин, а также начнется маркировка молочной продукции. Этот процесс вызывает напряжение у производителей, поскольку исключает продажу контрафакта, доля которого иногда достигает до 60–70%. Всеобщая цифровизация делает товары ЕАЭС конкурентоспособными на внешних рынках и позволяет обеспечить необходимый контроль (прослеживаемость) соблюдения евразийских обязательств во всех сферах интеграции внутри Союза.

Второй приоритет — это разработка евразийской программы импортозамещения, которая должна дать ответ на санкционное ограничение внешних капиталовложений и доступа к современным технологиям. В России в этих целях начали наконец бороться с офшорами и выводом за рубеж капиталов,

использовать средства национального благосостояния и предоставлять целевые льготные кредиты. Существенно, на 40%, была снижена ключевая ставка ЦБ, однако выход на китайский уровень (4,5%) пока не дал необходимого эффекта, поскольку пропорционально не уменьшилась маржа коммерческих банков. Очевидно, нужен закон, ограничивающий эту маржу двумя-тремя процентами.

Третий приоритет — сопряжение евразийской интеграции с проектом «Один пояс — один путь» и Транспортным Союзом Индии, Ирана и России. Здесь также важно оцифровать все автомобильные коридоры; внедрить электронные навигационные пломбы для трансграничных, в том числе санкционных грузов; модернизировать автодорогу «Западная Европа — Западный Китай». Для коридора «Север — Юг», где иранские порты готовы принимать индийские грузы, важно реализовать Заявление о разблокировке транспортных коридоров в Закавказье, чему сегодня способствует миротворческая деятельность России.

Наконец, четвертый приоритет, реализация которого представляет самую трудную и масштабную задачу, — это переход Евразии к экономике «Углеродной нейтральности». Два года назад, когда США вышли из соглашения по климату и планировали модернизировать действующую индустрию, эта задача не была такой актуальной. Сегодня, когда США так же, как и ЕС, заняли позицию радикального перехода к зеленой индустрии, а КНР приняла программу достижения «углеродной нейтральности» к 2060 году, Евразийскому союзу и России ничего не остается, кроме как полностью включиться в этот процесс. В противном случае мы окажемся в изоляции и будем платить запретительные пошлины в экспортно-импортной сфере.

Поэтому надо активно договариваться о том, кто кому должен платить за выбросы углекислого газа в атмосферу. Россия, ее леса — главный поглотитель вредных выбросов, и это надо учитывать во взаиморасчетах с зарубежными партнерами и во внутренней политике. Очевидно, надо во всех странах ЕАЭС увеличивать финансирование МЧС и Росприроднадзора. Ликвидация пожаров, защита лесов, контроль над выбросами в атмосферу — важный фактор достижения «углеродной нейтральности». В то же время необходимо форсировать развитие электротранспорта, переходить к водородной энергии. Тем более что водород, получаемый от конверсии метана, в четыре раза дешевле, чем водород, получаемый на базе ветровой энергии. В проекте Концепции развития водородной энергетики до 2024 г., разработанном Минэнерго РФ, предполагается, что к 2050 г. Россия будет зарабатывать от экспорта водорода от 23,6 млрд долл. до 100,2 млрд долл. США.

Институциональные проблемы и перспективы евразийского строительства

Тридцатилетний опыт постсоветской интеграции показывает, что политика Российской Федерации должна быть прагматичной и дифференцированной. Мы должны обеспечивать приоритет союзникам по ОДКБ и Евразийскому экономическому союзу, положительно реагировать на получение статусов наблюдателя или партнера в этих интеграционных проектах другими странами. В этом ряду отметим придание статуса наблюдателя в ЕАЭС Кубе, Молдове, Узбекистану и соглашения ЕАЭС о зоне свободной торговли с Вьетнамом, Ираном, Сербией.

С другой стороны, нельзя повторять ошибку взаимоотношений с Украиной, закрывая глаза на участие членов Евразийского союза в антиевразийских проектах. Между тем Армения и Белоруссия участвуют в Восточном партнерстве, которое предполагает в конечном итоге создание таможенного союза этих стран с ЕС. Представляется, что, подписав договор о ЕАЭС, Армения и Белоруссия должны были бы денонсировать соглашение о Восточном партнерстве. Белоруссия в ответ на санкции в 2021 г. пока лишь приостановила свое участие в этом проекте.

В этом же году вступило в силу соглашение «о всеобъемлющем расширенном партнерстве Армении с ЕС». Это соглашение было подписано в 2017 г. еще старыми властями Армении без консультаций с Евразийской экономической комиссией, поскольку заявлялось, что данное соглашение не противоречит Договору о ЕАЭС. Однако знакомство с текстом этого соглашения говорит о том, что таможенно-тарифные отношения, технические барьеры Армении с ЕС определяются без какого-либо участия

евразийских органов, что, безусловно, противоречит Договору о ЕАЭС. Поэтому в интересах Армении и Евразийского экономического союза решить эту проблему.

Недостатком Евразийского союза является его узко экономическая направленность и отсутствие парламентского измерения. Европейский союз в отличие от ЕАЭС охватывает все сферы общественной жизни, кроме оборонной сферы, что существенно повышает эффективность органов ЕС, которые образуют систему разделения властей: Европейский Совет, Европейская комиссия, Европейский Парламент и Европейский Суд. В ЕАЭС структура органов управления включает: Высший экономический совет, Евразийский межправительственный совет, Евразийскую экономическую комиссию, Суд Евразийского союза. Отсутствие евразийской парламентской структуры затрудняет работу по унификации и гармонизации национального законодательства, приведения его в соответствие с евразийским правом. Без парламентского института, утверждающего общий бюджет ЕАЭС, невозможно делегирование евразийскому центру финансово-налоговых, таможенных полномочий, как это имеет место в Европейском союзе.

По мере развития евразийской интеграции необходимо расширять полномочия Евразийской экономической комиссии. Наконец, эффективность ЕАЭС сдерживает абстрагирование его деятельности от гуманитарной сферы и вопросов безопасности. Поэтому важно в перспективе расширять сферу деятельности ЕАЭС и активнее развивать взаимодействие ЕАЭС с другими интеграционными объединениями на постсоветском пространстве: ОДКБ, СНГ и Союзным Государством, которые в разной степени охватывают сферы безопасности, политики и культуры.

Особенно важно тесное взаимодействие с ОДКБ как в сферах оборонной промышленности, так и в сферах экономической безопасности. Например, сейчас и в ЕАЭС, и в ОДКБ разрабатывается система обеспечения цифровой безопасности. Очевидно, у ОДКБ и ЕАЭС должна быть одна такая единая система. Да и связь на уровне исполнительных органов организаций должна быть усилена. В отличие от генсека НАТО и председателя Европейской комиссии нет практики совместных заявлений председателя Евразийской экономической комиссии и генсека ОДКБ. Тем не менее интеграционное сотрудничество в противодействии инфекционным заболеваниям, особенно пандемии Covid-19, в равной мере затрагивает и ОДКБ, и ЕАЭС. Добавим и новые вызовы и угрозы, возникшие в связи с бегством США и НАТО из Афганистана, которые не только непосредственно затрагивают коллективные интересы государств — членов ОДКБ в сфере военно-политической безопасности, но и прямо влияют на экономическую интеграцию стран Евразийского экономического союза в Центральной Азии.

ЕАЭС важно развивать взаимодействие и с СНГ, которое единственное сегодня обеспечивает интеграцию в сфере культуры и включает евразийские, неопределившиеся и антиевразийски ориентированные страны. Поэтому оно может быть площадкой для сотрудничества всех стран СНГ.

Успешное развитие Евразийского экономического союза во взаимосвязи с ОДКБ, Союзным Государством и СНГ обеспечит поступательный экономический рост стран — членов ЕАЭС, что создаст предпосылки для восстановления глубоких экономических, политических и культурных связей между государствами, входившими в состав СССР.

Литература

1. 20 лет Содружеству Независимых Государств. Межгосударственный статистический комитет СНГ. М., 2011.
2. Андреев С. Структура власти и задачи общества // Нева. № 1, 1989.
3. Бжезинский З. Великая шахматная доска / пер. с англ. О. Уральской. М. : АСТ, 2021. 256 с.
4. Бильдта удивили слова Путина о «не совсем законной» независимости Украины [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unian.net/politics/895902-bildta-udivili-slova-putina-o-ne-sovsem-zakonnoy-nezavisimosti-ukrainyi.html> (дата обращения: 15.08.2021).
5. Киссинджер Г. Дипломатия / пер. с англ. В. В. Львова, послесл. Г. А. Арбатова. М., Ладомир, 1997. 848 с.
6. Путин В. Об историческом единстве русских и украинцев [Электронный ресурс]. 2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 15.08.2021).

Об авторе:

Кротов Михаил Иосифович, доктор экономических наук, профессор СПбГУ (Санкт-Петербург, Российская Федерация); mi-krotov@yandex.ru

References

1. 20 years of the Commonwealth of Independent States. Interstate Statistical Committee of the CIS. M., 2011. (In rus)
2. Andreev S. The structure of power and the tasks of society // Neva. No. 1, 1989. (In rus)
3. Bzhezinskii Z. The Great Chessboard / transl. from English O. Uralskaya. M. : AST, 2021. 256 p. (In rus)
4. Bildt was surprised by the words of Putin about the "not entirely legal" independence of Ukraine [Electronic resource]. URL: <https://www.unian.net/politics/895902-bildta-udivili-slova-putina-o-ne-sovsem-zakonnoy-nezavisimosti-ukrainyi.html> (date of access: 15.08.2021). (In rus)
5. Kissindzher G. Diplomacy / trans. from English V. V. Lvov, after. G. A. Arbatova. M., Ladomir, 1997. 848 p. (In rus)
6. Putin V. On the historical unity of Russians and Ukrainians [Electronic resource]. 2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181> (date of access: 15.08.2021). (In rus)

About the author:

Michael I. Krotov, Doctor of Science (Economics), Professor of St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation); mi-krotov@yandex.ru

Союзное государство в восприятии бизнеса: есть ли эффекты для экономической интеграции?¹

Потапцева Е. В.

Институт экономики Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Российская Федерация;
potaptseva.ev@uiec.ru

РЕФЕРАТ

Союзное государство России и Беларуси — самый продолжительный на постсоветском пространстве проект региональной интеграции. При этом наибольший объем противоречий аккумулируется в области экономической интеграции, в том числе и во взаимодействии российских и белорусских предприятий. Однако именно корпоративная интеграция («интеграция снизу») создает предпосылки для достижения экономических интеграционных целей и задач Союзного государства. Цель исследования — анализ восприятия Союзного государства российскими региональными предприятиями как проекта экономической интеграции России и Беларуси. Метод исследования — полуструктурированное фокусированное интервью с представителями предприятий Свердловской области, работающих в Беларуси. Научная значимость исследования заключается в развитии системы научных знаний о возможностях и ограничениях корпоративной интеграции на перспективы развития Союзного государства. Ценность проведенного исследования — полевое исследование. Анализ восприятия региональными предприятиями такого интеграционного проекта, как Союзное государство, показывает, что для большинства респондентов это политический проект, не дающий существенных экономических выгод российским предприятиям. Результаты исследования: а) большинство предприятий не стремятся к углублению экономической интеграции России и Беларуси; б) российские предприятия не рассматривают Союзное государство как единое и экономически выгодное пространство для ведения бизнеса; в) российские предприятия видят необходимость в устранении национальных барьеров для облегчения взаимодействия между предприятиями России и Беларуси. Прикладная значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов для формирования программ экономической интеграции России и Беларуси в рамках Союзного государства.

Ключевые слова: экономическая интеграция, корпоративная интеграция, Союзное государство, Россия, Беларусь, интервьюирование предприятий, региональная интеграция

Для цитирования: Потапцева Е. В. Союзное государство в восприятии бизнеса: есть ли эффекты для экономической интеграции? // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 3. С. 35–43.

The Union State in the Perception of Business: Are There Any Effects on Economic Integration?²

Ekaterina V. Potaptseva

Institute of Economics, Ural Branch of the RAS, Ekaterinburg, Russian Federation; potaptseva.ev@uiec.ru

ABSTRACT

The Union State of Russia and Belarus is the longest-lasting regional integration project in the post-Soviet space. The biggest volume of contradictions is accumulated in the area of economic integration,

¹ Исследование выполнено по плану НИР Института экономики УрО РАН на 2021–2023 гг.

² The research was carried out according to the research plan of the Institute of Economics, Ural Branch of RAS for 2021–2023.

including the interaction between Russian and Belarusian enterprises. However, it is the corporate integration (“integration from below”) that creates prerequisites for achieving economic integration goals and objectives of the Union State. The aim of the research is to analyze the perception of the Union State by Russian regional enterprises as a project of economic integration of Russia and Belarus. The method of research is a semi-structured focused interview with representatives (owners, managers) of Sverdlovsk Region enterprises operating in Belarus. The article is structured as follows: the first part analyzes the economic integration of Russia and Belarus in the framework of the Union State. The second part is devoted to the description of the research design and characteristics of the sample. The third part answers the question whether the perception of Russian regional business has any effects on economic integration from the Union State. The analysis of regional enterprises’ perception of such integration project as the Union State shows that for the majority of respondents it is a political project that does not give significant economic benefits to Russian enterprises. Research results: a) most enterprises do not seek deeper economic integration of Russia and Belarus; b) Russian enterprises do not view the Union State as a single and economically beneficial space for doing business; c) Russian enterprises see the need to remove national barriers to facilitate interaction between Russian and Belarusian enterprises.

Keywords: economic integration, corporate integration, Union State, Russia, Belarus, interviewing enterprises, regional integration

For citing: Potapitseva E. V. The Union State in the Perception of Business: Are There Any Effects on Economic Integration? // Eurasian integration: economics, law, politics. 2021. Vol. 15. No. 3. P. 35–43.

Введение

Союзное государство России и Беларуси — самый продолжительный на постсоветском пространстве проект региональной интеграции. Несмотря на это, российско-белорусская интеграция носит реверсивный характер. Российско-белорусские экономические отношения развиваются в двух интеграционных проектах: Союзное государство и ЕАЭС. Вопросы о роли каждого интеграционного объединения в общем процессе интеграции рассматриваются многими российскими, белорусскими и зарубежными исследователями [2; 5; 6; 7; 8; 10; 15; 16; 17]. Наибольшего взаимопонимания России и Беларуси удалось достичь во внешнеполитической и военно-стратегической сферах [4; 11]. При этом наибольший объем противоречий аккумулируется в области экономической интеграции [1; 4; 5; 11]. Вместе с тем на словах Россия и Белоруссия заинтересованы в дальнейшем развитии интеграционного взаимодействия.

Статья структурирована следующим образом: в первой части проанализирован процесс экономической интеграции России и Беларуси в рамках Союзного государства. Вторая часть посвящена описанию дизайна исследования и характеристике выборки. Третья часть отвечает на вопрос о том, есть ли в восприятии российского регионального бизнеса эффекты для экономической интеграции в рамках Союзного государства.

Постановка проблемы

Ключевую роль в формировании барьеров экономической интеграции России и Беларуси играет несовпадение экономических интересов сторон [5; 6; 10; 13]:

- для России интеграция с Беларусью изначально имела преимущественно геополитический интерес. Начиная с 2018 г. Россия заинтересована в смене формата Союзного государства, в связи с чем инициировала работу над программой экономической интеграции России и Беларуси¹. Основные этапы по интенсификации экономической интеграции России и Беларуси на межправительственном уровне представлены в таблице 1.

¹ Березина Е. Союз открывает карты: главы правительств России и Беларуси обсудят «дорожные карты» по дальнейшей экономической интеграции [Электронный ресурс] // Российская газета. № 260 (8018). 19.11.2019. URL: <https://rg.ru/2019/11/19/rossiia-i-belarus-obsudiat-dorozhnye-karty-po-ekonomicheskoj-integracii.html> (дата обращения: 23.03.2021).

Таблица 1

Этапы интенсификации экономической интеграции России и Белоруссии, направленные на изменение существующего формата Союзного государства, 2018–2021 гг.

Table 1. Stages of intensifying the economic integration of Russia and Belarus aimed at changing the existing format of the Union State, 2018–2021

Год	Экономическая интеграция России и Беларуси
Июнь 2018	Утверждена программа «Приоритетные направления и первоочередные задачи дальнейшего развития Союзного государства на 2018–2022 годы», в соответствии с которой Приоритетными направлениями и первоочередными задачами определены проведение согласованной макроэкономической, промышленной, бюджетной политики, углубление торгово-экономических отношений, формирование единого правового пространства и развитие институциональных основ Союзного государства ¹
Декабрь 2018	Президенты РФ и Белоруссии приняли решение о создании межправительственной рабочей группы по развитию экономической интеграции: с российской стороны ее возглавил министр экономического развития М. Орешкин; с белорусской — министр экономики Д. Крутой ²
Июнь 2019	Премьер-министр Белоруссии С. Румас сообщил, что к ноябрю 2019 планируется согласовать все интеграционные дорожные карты, а в декабре 2019 представить программу экономической интеграции
Август 2019	Руководитель межправительственной рабочей группы по развитию интеграции с российской стороны М. Орешкин отметил, что практически все принципиальные разногласия по вопросу экономической интеграции двух стран сняты. В соответствии с программой углубления интеграции в рамках Союзного государства к 1 ноября 2019 года должны быть подготовлены 28 дорожных карт, которые будут предусматривать перечень мер по созданию общих рынков в различных отраслях экономики ³
Сентябрь 2019	Разработка 31 дорожной карты, посвященных углублению торгово-экономического сотрудничества, гармонизации налогового и миграционного законодательства, формированию единого правового пространства, унификации отчетности, сближению макроэкономической политики, созданию единой системы маркировки и т. д.
Декабрь 2019	Согласовано только 16 дорожных карт из 31. Проект Программы не подписан Президентом России и Президентом Беларуси
Февраль 2021	По утверждению Президента Беларуси в процессе согласования находятся уже 33 дорожные карты ⁴
30 марта 2021	В. Семашко в интервью «РГ» рассказал, что «из 30 [дорожных] карт, а точнее из 28, потому что три карты — по унификации налогового законодательства и две карты по таможенному регулированию — слились в одну, 21 карта уже готова к подписанию. Осталось всего семь карт, до конца апреля, я надеюсь, они будут согласованы. И тогда дорожные карты и Программу их реализации возможно будет подписать в первой половине этого года» ⁵
16 апреля 2021	Правительственная делегация РФ посетила Беларусь. Премьер-министр РФ отметил, что «сегодня мы посмотрим, как можно интегрировать системы наши» ⁶
22 апреля 2021	Президент Беларуси А. Лукашенко считает, что Беларусь и Россия серьезно продвинулись в вопросе согласования союзных программ: «26 или 27 программ мы уже согласовали на уровне правительства. Немного осталось, 2–3 очень серьезные программы экономического характера, в том числе и налогообложение» ⁷

- Беларусь видит основной приоритет в развитии экономической интеграции, т. к. Россия — важнейший торговый партнер и крупнейший инвестор / кредитор⁸ в белорусскую экономику [5; 11]. Дифференциация в экономическом потенциале двух стран, с одной стороны, приводит к лидерству России как экономически более мощного партнера, что противоречит стремлению Беларуси к равноправной интеграции и формирует страх потери суверенитета. С другой — руководство Беларуси хорошо осознает свою геостратегическую важность для России и использует это для получения еще большей экономической выгоды и укрепления своей власти [15; 16; 18]. Все вышеперечисленное приводит к расхождению моделей Союзного государства в России и в Беларуси [19].

¹ Березина Е. Союз открывает карты: главы правительств России и Беларуси обсудят «дорожные карты» по дальнейшей экономической интеграции [Электронный ресурс] // Российская газета. № 260 (8018). 19.11.2019. URL: <https://rg.ru/2019/11/19/rossiya-i-belarus-obsudiat-dorozhnye-karty-po-ekonomicheskoy-integracii.html> (дата обращения: 23.03.2021).

² История интеграции России и Белоруссии в рамках Союзного государства [Электронный ресурс] // ТАСС. 16.09.2019. URL: <https://tass.ru/info/6890804> (дата обращения: 19.03.2021).

³ Там же.

⁴ Александр Лукашенко заявил о согласовании почти всех дорожных карт с Россией [Электронный ресурс] // Официальный сайт Постоянного комитета Союзного государства. 22.02.2021. URL: https://www.postkomsg.com/news/politika_ekonomika/227542/ (дата обращения: 24.03.2021).

⁵ Дорожные карты по интеграции России и Беларуси согласуют в апреле [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/03/30/dorozhnye-karty-po-integracii-rossii-i-belarusi-soglasuiut-v-aprele.html> (дата обращения: 26.04.2021).

⁶ Встреча Путина и Лукашенко пройдет 22 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/ru/vstrecha-putina-i-lukashenko-projdet-22-aprelja/a-57229447> (дата обращения: 18.04.2021).

⁷ Лукашенко: Беларусь и Россия серьезно продвинулись в вопросе согласования союзных программ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-belarus-i-rossiya-serjezno-prodvinulis-v-voprose-soglasovanija-sojuznyh-programm-438460-2021/> (дата обращения: 23.04.2021).

⁸ Ткачев И. Всемирный банк «рассекретил» суверенных должников России [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/31/03/2021/606349f99a7947a9b6d1f95c> (дата обращения: 05.04.2021).

На уровне экономического взаимодействия конкретных хозяйствующих субъектов (бизнеса), имеющего корпоративной интеграцией («интеграция снизу»¹), количество противоречий также велико [11]. Вместе с тем именно корпоративная интеграция создает предпосылки для достижения экономических интеграционных целей и задач [14; 18]. Большинство исследований на уровне корпоративной интеграции опираются на анализ макроэкономических показателей: товарооборот, инвестиции и пр. А. М. Либман изучал роль корпоративной интеграции в Центральной Азии, где характерна активная «интеграция снизу» российского бизнеса [3]. Ф. Ирнарзоров и З. Салманов исследовали корпоративную интеграцию в Казахстане и Узбекистане и выявили, что предприятия зачастую не видят смысла в углублении региональной экономической интеграции [12].

Мы считаем, что именно предприятия являются двигателем российско-белорусской экономической интеграции, т. к. их деятельность может как стимулировать, так и сдерживать углубление экономической интеграции в рамках Союзного государства. Изучение Союзного государства в контексте корпоративной интеграции позволит получить более объемную картину российско-белорусского экономического взаимодействия.

Методы исследования и данные

Цель исследования — анализ восприятия Союзного государства российскими региональными предприятиями как проект экономической интеграции России и Беларуси.

Методы исследования — полуструктурированное фокусированное интервью с представителями (собственники, руководители) предприятий Свердловской области, включающее следующие блоки:

- поведение предприятий на рынках Республики Беларусь;
- отношение к интеграционным объединениям с участием России и Беларуси;
- оценка эффективности организационной поддержки федеральной, региональной и местной власти;
- восприятие предприятиями процесса экономической интеграции России и Беларуси;
- перспективы углубления экономической интеграции.

Объект исследования — предприятия и организации Свердловской области:

- с 07.08.2019 по 01.06.2020 оформившие сертификаты происхождения на экспорт продукции (работ, услуг) в Беларусь;
- по информации, предоставленной Уральской ТПП, заинтересованные в сотрудничестве с предприятиями Беларуси;
- по информации Министерства международных и внешнеэкономических связей Свердловской области, имеющие деловые контакты с партнерами в Беларуси.

Сроки проведения интервью: сентябрь — ноябрь 2020 г. Средняя продолжительность интервью — 45 мин.

В выборку попало 45 предприятий (гражданская продукция), после отбраковки интервью в исследовании приняли участие 23 предприятия. 78% опрошенных предприятий расположено в г. Екатеринбурге, 22% — в Свердловской области. Распределение предприятий, участвовавших в опросе, по численности персонала и длительности работы на белорусском рынке представлено в таблице 2. В выборке примерно одинаковое число, приходящееся на малый и средний бизнес (с численностью до 250 чел.) и на крупные компании — 52% (12 респондентов) и 48% (11 респондентов) соответственно. 21,7% респондентов сохранили экономические связи со времен СССР; около 70% предприятий вышли на рынок Беларуси уже после создания Союзного государства.

Результаты

Все опрошенные предприятия отмечают положительный момент в рамках Союзного государства — отсутствие границ между Россией и Беларуссией:

¹ Понятие корпоративной интеграции (идея «интеграции снизу») было предложено в работах А. М. Либмана и Б. А. Хейфеца.

«Ну, я, конечно, не политик, но я понимаю, что в рамках договора о Союзном государстве эти процессы прописаны, наверное. То, что таможня между Россией и Беларусью упрощена (таможенное оформление), это уже плюс. Она [таможня], естественно, гораздо проще, чем с Казахстаном, и Киргизией». Восприятие Союзного государства респондентами представлено на рисунке 1.

Таблица 2

Распределение респондентов по численности персонала предприятий

Table 2. Distribution of respondents by the number of employees of enterprises

Количество сотрудников предприятия, чел.	Длительность взаимодействия				Итого	
	I – сохранились со времен СССР, в т. ч. были прерваны в 90-х и возобновлены в 2000-х гг.	II – после развала СССР до создания Союзного государства (90-е гг.)	III – с момента создания Союзного государства до начала работы ЕАЭС (2000–2014 гг.)	IV – с момента создания ЕАЭС (2015 г. по настоящее время)	Количество предприятий	Доля предприятий, %
16–50			1	3	4	17,4
51–100			3	2	5	21,8
101–250		2		1	3	13,0
251–500	2		1		3	13,0
501 и более	3		3	2	8	34,8
Итого	5	2	8	8	23	100,0
Доля предприятий, %	21,7	8,7	34,8	34,8	100,0	

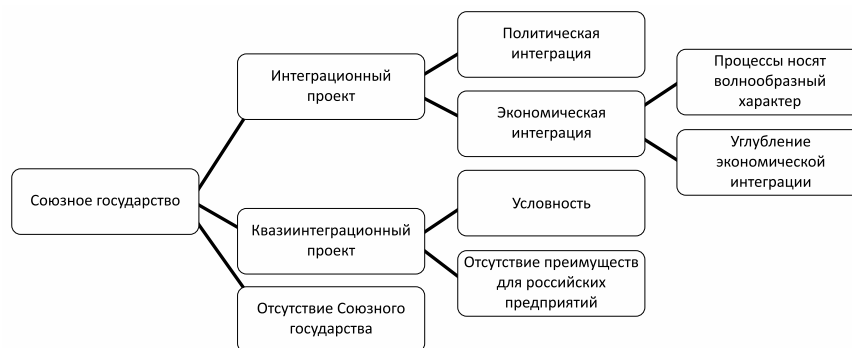

Рис. 1. Восприятие Союзного государства российским региональным бизнесом

Fig. 1. Perception of the Union State by Russian regional business

1. Союзное государство как интеграционный проект:
 - а) изначально политический проект, не предполагающий никакой экономической интеграции:
 - «Союзное государство — политический проект...»
 - «[Союзное государство] — политический проект пока [и] в экономический никак не переводится...»
 - «Я считаю, что пока [Союзное государство] это больше политическая [сущность]. Это мое субъективное мнение...»
 - «Считаю, что это политический проект. С точки зрения экономики вот как все было, так все эти [нерешенные] экономические моменты и остались!»
 - б) Союзное государство как проект экономической интеграции:
 - на протяжении всего периода существования Союзного государства экономическая интеграция углубляется:
 - «Можно ли сейчас говорить о том, что это экспорт [продукции из России в Республику Беларусь]? Дело в том, что мы сейчас Союзное государство плюс еще к тому единое таможенное пространство. Будет ли это являться экспортом?»

- «На протяжении всего периода интеграционные процессы углубляются. Но политика вмешивается, конечно. Но мы смотрим срез на пять лет и за все время работы...»
- экономическая интеграция между Россией и Беларусью идет волнообразно:
- «На мой взгляд, [экономическая интеграция между нашими странами с момента создания Союзного государства] происходит волнообразно, [поскольку] нет стабильности в этом вопросе...»
- «Действительно, все идет волнообразно, и мы являемся хозяйствующим субъектом и ищем, где дешевле и лучше; и они [белорусские контрагенты] никогда не упустят выгоды».
- 2. Квазинтеграционный проект — де-юре это должно способствовать экономической интеграции, но де-факто российские производители этого не ощущают:
 - «Кто мы такие для Союзного государства?! Возможно, сейчас что-то произойдет. Мы не знаем, кто там сейчас у них победит, может быть, и начнется процесс интеграции сейчас...»
 - «Нам больше Таможенный союз помогает, чем Союзное государство. Для нас именно эта часть [интеграции] актуальна...»
 - «Союзное государство — это условность! Та [белорусская] продукция, которую мы сегодня видим на [российском] рынке, в том числе спецтехника, та же самая сельскохозяйственная, — хорошая техника. Она примерно так же, как наша продукция. Она находится в такой интересной нише: она достойного качества, но она не претендует по ценам “на Европу”, однако она по качеству лучше самых дешевых “китайцев”. Поэтому она присутствует на [российском] рынке — это чистой воды экономика. Здесь нет ничего союзного, здесь только экономика...»
 - «Помощи [нам] никакой нет [от Союзного государства]!»
- 3. Де-факто нет никакого Союзного государства:
 - «Мы все прекрасно понимаем, что нет никакого Союзного государства! Это и не политический проект, я не знаю, какой это проект, т. к. политических результатов нет никаких. Союзное государство не дает никаких преимуществ, только недостатки!»
 - «Я не вижу интеграцию России хоть с кем-либо. Наш последний интеграционный друг — это Монголия. Конечно, все это наши амбиции. Нет людей, которые могут общественные интересы ставить выше своих личных...»
 - «Исходя из того, что я вижу, и того, что я знаю, — да, я не вижу никаких вещей на уровне [Союзных] государств [России и Беларуси]...»
 - «Затруднюсь ответить, [поскольку] я вообще не понимаю, что такое Союзное государство!»

Анализ восприятия региональными предприятиями Союзного государства показывает, что для большинства респондентов это политический проект, не дающий существенных экономических выгод российским предприятиям, т. е. существенных выгод от Союзного государства для российско-белорусской экономической интеграции российский бизнес не ощущает.

Результаты исследования позволили выявить модели построения Союзного государства для углубления экономической интеграции с точки зрения российского регионального бизнеса (рисунок 2).

Большинство респондентов высказываются за снятие барьеров при взаимодействии российских и белорусских предприятий на территории Союзного государства (модель 3). Несмотря на то, что ряд респондентов высказываются за дальнейшее углубление экономической интеграции России и Беларуси, для многих предприятий этот вопрос не является актуальным. Доказательством чему является тот факт, что многие опрошенные не слышали про программу экономической интеграции:

- «Все, что Вы перечислили, — нет, я такого не слышал!»
- «Можете даже не называть! Я вообще ничего не слышал, потому что я сразу могу вам сказать, почему мне даже неинтересно их слушать!»

Среди тех респондентов, которые либо слышали о Программе экономической интеграции, либо слышали о некоторых ее мероприятиях, преобладает скепсис в ее реализации:

- «Я слышал про все это, но выхода, точнее, выхода из этого ведь никакого нет!»

Такое восприятие бизнесом процесса экономической интеграции свидетельствует о недоверии в целом к продолжающемуся уже двадцать первый год российско-белорусскому интеграционному проекту.

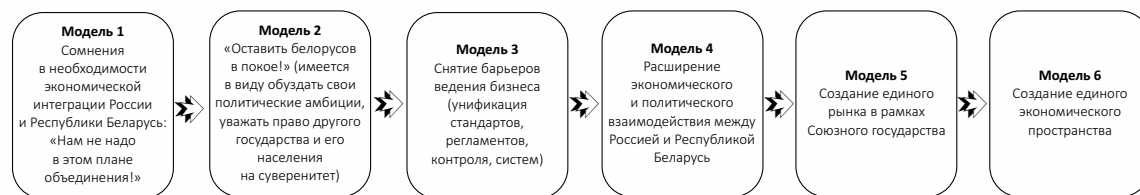

Рис. 2. Модели построения Союзного государства с целью углубления экономической интеграции России и Беларуси с точки зрения российского регионального бизнеса

Fig 2. Models of building the Union State in order to deepen the economic integration of Russia and Belarus from the point of view of Russian regional business

Заклучение

Выводы по результатам исследования:

- ✓ большинство предприятий не стремятся к углублению экономической интеграции России и Беларуси — предприятия выступают за прозрачные правила ведения бизнеса на территории Союзного государства;
- ✓ российские предприятия, несмотря на культурную и историческую взаимосвязь между двумя странами, наличие более двадцати лет интеграционного проекта и пр., не рассматривают Союзное государство как единое и экономически выгодное пространство для ведения бизнеса;
- ✓ российские предприятия видят необходимость устранения национальных барьеров для облегчения взаимодействия между предприятиями России и Беларуси;
- ✓ правительства России и Беларуси одновременно воспринимаются российским региональным бизнесом, с одной стороны, как основные двигатели интеграционного процесса, а с другой, являются основным препятствием экономической интеграции между странами.

Сознавая преимущества корпоративной интеграции, существует несколько способов реализации интеграционной политики в рамках Союзного государства:

- ✓ создание равных условий ведения бизнеса для российских и белорусских предприятий на территории Союзного государства;
- ✓ снятие барьеров и ограничений, препятствующих взаимодействию предприятий России и Беларуси;
- ✓ стимулирование промышленной кооперации (производственных цепочек) между российскими и белорусскими предприятиями, их выход на международные рынки.

Эти меры должны помочь экономической конвергенции между Россией и Беларусью в рамках Союзного государства.

Литература

1. Абрамов Р. А., Стрельченко С. Г., Деревянко С. В. Межрегиональное сотрудничество в интеграционных процессах Союзного государства // Пространственная экономика. № 4. 2016. С. 153–173.
2. Буконкин Д. А. Проблемы отложенной интеграции: что мешает Беларуси и России усилить Союзное государство [Электронный ресурс] // Евразия. Эксперт. 03.03.2021. URL: <https://eurasia.expert/chto-meshaet-belarusi-i-rossii-usilit-soyuznoe-gosudarstvo/> (дата обращения: 23.03.2021).
3. Либман А. М. «Интеграция снизу» в Центральной Азии [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая интеграция. 2009. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-snizu-v-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 23.05.2021).
4. Селиванова И. Ф. Российско-белорусские отношения: Союзное государство или союз государств? // Мир перемещений. 2006. № 2. С. 184–187.
5. Суздальцев А. И. Кризис Союзного государства Беларуси и России // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 3. С. 56–67. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-3-56-67.

6. Суздальцев А. И. Республика Беларусь: эволюция политики балансирования между Союзным государством Белоруссии и России и Евразийским экономическим союзом // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 1 (109). С. 193–232. DOI: 10.31249/ape/2021.01.09.
7. Ушкалова Д. И. К вопросу о применимости существующих теорий экономической интеграции к взаимодействию России со странами «пояса соседства» // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2013. № 5. С. 150–160.
8. Филькевич И. А. Новые приоритеты макроэкономического сотрудничества государств — членов ЕАЭС // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2020. № 2. С. 104–112.
9. Хейфец Б. А., Либман А. М. Корпоративная интеграция. Альтернатива для постсоветского пространства. М. : ЛКИ, 2008. С. 162.
10. Шурубович А. В. Союзное государство и актуальные проблемы российско-белорусской интеграции // Проблемы постсоветского пространства. 2019. № 6. С. 244–258. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-3-244-258>.
11. Эпштейн В. А., Вильчинский А. С. Проблемные узлы интеграционного взаимодействия России и Белоруссии // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 1 (3). С. 22–34. DOI: 10.20323/2658-7866-2020-1-3-22-34.
12. Irnazarov F., Salmanov Z. Regional Integration in Central Asia: Measuring the Perceptions of Economic Actors in Uzbekistan and Kazakhstan. Norwegian Institute of International Affairs (NUPI), Regional Competence — Building for Think-Tanks in the South Caucasus and Central Asia, 2012.
13. Kłysiński K., Chawryło K., Wiśniewska I. The Failure of the Russian-Belarusian Summit [Электронный ресурс] // Ośrodek Studiów Wschodnich. 09.12.2019. URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2019-12-09/failure-russian-belarusian-summit> (дата обращения: 23.03.2021).
14. Maloletko A. N., Kaurova O. V., Ermilov A. N. et al. Approaches to the Study of Factors Stimulating the Development of Cooperation Between Large and Small Businesses in Russia and the Republic of Belarus // Springer, Cham. 2021. Vol. 316. P. 325–334. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-57831-2_34.
15. Newnham R. Russia and Belarus: Economic Linkage in a Patron-Client Relationship // Journal of Belarusian Studies. 2020. Vol. 9. No. 1. P. 3–26. DOI: <https://doi.org/10.30965/20526512-12340002>.
16. Polglase-Korostelev G. The Union State: A Changing Relationship between Belarus and Russia // Journal of the Belarusian State University. International Relations. No. 2. P. 38–46.
17. Pugačiaskas V. The Russian-Belarusian Integration: Political Puzzles of “31 Roadmaps” // Lithuanian Annual Strategic Review. 2020. Vol. 18. No. 1. P. 177–193. DOI: <https://doi.org/10.47459/lasr.2020.18.8>.
18. Vieira A. A. Tale of Two Unions: Russia-Belarus Integration Experience and Its Lessons for the Eurasian Economic Union // Journal of Borderlands Studies. 2017. Vol. 32. No. 1. P. 41–53. DOI: <https://doi-org.gate3.library.lse.ac.uk/10.1080/08865655.2016.1211959>.
19. Žulys A. Towards a Union State of Russia and Belarus [Электронный ресурс] // Lithuanian Foreign Policy Review. 2005. No. 15–16. P. 148–169. URL: <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=22322> (дата обращения: 26.04.2021).

Об авторе:

Потапцева Екатерина Викторовна, доцент Института экономики Уральского отделения РАН, старший научный сотрудник Центра структурной политики (Екатеринбург, Российская Федерация), кандидат экономических наук; potaptseva.ev@uiec.ru

References

1. Abramov R. A., Strelchenko S. G., Derevyanko S. V. Interregional cooperation in the integration processes of the Union State // Spatial Economics. No. 4. 2016. P. 153–173. (In rus)
2. Bukonkin D. A. Problems of delayed integration: what prevents Belarus and Russia from strengthening the Union State [Electronic resource] // Evraziya. Ekspert. 03.03.2021. URL: <https://eurasia.expert/chto-meshaet-belarusi-i-rossii-usilit-soyuznoe-gosudarstvo/> (date of access: 23.03.2021). (In rus)
3. Libman A. M. "Integration from below" in Central Asia [Electronic resource] // Eurasian economic integration. 2009. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-snizu-v-tsentralnoy-azii> (date of access: 23.05.2021). (In rus)

4. Selivanova I. F. Russian-Belarusian Relations: Union State or Union of States? // *Mir peremen*. 2006. No. 2. P. 184–187. (In rus)
5. Suzdal'tsev A. I. Crisis of the Union State of Belarus and Russia // *World Economy and International Relations*. 2020. Vol. 64. No. 3. P. 56–67. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-3-56-67. (In rus)
6. Suzdal'tsev A. I. The Republic of Belarus: the evolution of the policy of balancing between the Union State of Belarus and Russia and the Eurasian Economic Union // *Actual problems of Europe*. 2021. No. 1 (109). P. 193–232. DOI: 10.31249/ape/2021.01.09. (In rus)
7. Ushkalova D. I. To the question of the applicability of the existing theories of economic integration to the interaction of Russia with the countries of the "neighborhood belt" // *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2013. No. 5. P. 150–160. (In rus)
8. Filkevich I. A. New priorities of macroeconomic cooperation of the EAEU member states // *International cooperation of Eurasian states: politics, economics, law*. 2020. No. 2. P. 104–112. (In rus)
9. Kheifets B. A., Libman A. M. Corporate integration. Alternative for the post-Soviet space. M. : LKI, 2008. P. 162. (In rus)
10. Shurubovich A. V. Union State and Actual Problems of Russian-Belarusian Integration // *Problems of the Post-Soviet Space*. 2019. No. 6. P. 244–258. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-3-244-258>. (In rus)
11. Epshtein V. A., Vil'chinskii A. S. Problematic nodes of integration interaction between Russia and Belarus // *World of Russian-speaking countries*. 2020. No. 1 (3). P. 22–34. DOI: 10.20323/2658-7866-2020-1-3-22-34. (In rus)
12. Irnazarov F., Salmanov Z. Regional Integration in Central Asia: Measuring the Perceptions of Economic Actors in Uzbekistan and Kazakhstan. Norwegian Institute of International Affairs (NUPI), Regional Competence — Building for Think-Tanks in the South Caucasus and Central Asia, 2012.
13. Kłysiński K., Chawryło K., Wiśniewska I. The Failure of the Russian-Belarusian Summit [Electronic resource] // *Ośrodek Studiów Wschodnich*. 09.12.2019. URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2019-12-09/failure-russian-belarusian-summit> (date of access: 23.03.2021).
14. Maloletko A. N., Kaurova O. V., Ermilov A. N. et al. Approaches to the Study of Factors Stimulating the Development of Cooperation Between Large and Small Businesses in Russia and the Republic of Belarus // *Springer, Cham*. 2021. Vol. 316. P. 325–334. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-57831-2_34.
15. Newnham R. Russia and Belarus: Economic Linkage in a Patron-Client Relationship // *Journal of Belarusian Studies*. 2020. Vol. 9. No. 1. P. 3–26. DOI: <https://doi.org/10.30965/20526512-12340002>.
16. Polglase-Korostelev G. The Union State: A Changing Relationship between Belarus and Russia // *Journal of the Belarusian State University. International Relations*. No. 2. P. 38–46.
17. Pugačiauskas V. The Russian-Belarusian Integration: Political Puzzles of “31 Roadmaps” // *Lithuanian Annual Strategic Review*. 2020. Vol. 18. No. 1. P. 177–193. DOI: <https://doi.org/10.47459/lasr.2020.18.8>.
18. Vieira A. A. Tale of Two Unions: Russia-Belarus Integration Experience and Its Lessons for the Eurasian Economic Union // *Journal of Borderlands Studies*. 2017. Vol. 32. No. 1. P. 41–53. DOI: <https://doi-org.gate3.library.lse.ac.uk/10.1080/08865655.2016.1211959>.
19. Žulys A. Towards a Union State of Russia and Belarus [Electronic resource] // *Lithuanian Foreign Policy Review*. 2005. No. 15–16. P. 148–169. URL: <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=22322> (date of access: 26.04.2021).

About the author:

Ekaterina V. Potaptseva, Associate Professor, Senior Research Fellow Institute of Economics, Ural Branch of the RAS (Ekaterinburg, Russian Federation), PhD in Economics; potaptseva.ev@uiec.ru

Торгово-экономическое сотрудничество в рамках БРИКС

Погодин С. Н.^{1*}, Ягья Т. С.²

¹ Высшая школа международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *pogodin56@mail.ru

² Санкт-Петербургский электротехнический университет (ЛЭТИ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Статья посвящена торгово-экономическому сотрудничеству России со странами — участницами БРИКС и торговому взаимодействию внутри союза БРИКС. Вначале изучаются особенности развития стран — членов БРИКС и возможности их торгового взаимодействия в рамках данного объединения. Рассматривается торгово-экономическое сотрудничество внутри группировки БРИКС: структура экспортных и импортных поставок, динамика внешнеторгового оборота и особенности взаимной торговли. Говорится о взаимодополняемости национальных экономик стран БРИКС, о конкурентоспособных направлениях каждой ее страны в сферах предоставления тех или иных услуг. Акцент делается на исследовании торгово-экономического сотрудничества России со странами — членами БРИКС за последние годы. Анализируются экспорт, импорт, внешнеторговый оборот России с каждой страной данной организации. При этом все расчеты в статье выполнены самостоятельно на основе статистических данных. Выявляются особенности торгового взаимодействия России в рамках группировки БРИКС, делаются соответствующие выводы, а также говорится об инвестиционном направлении как составляющей роста торгового взаимодействия, увеличения внешнеторгового оборота и роста ВВП.

Ключевые слова: торгово-экономическое сотрудничество, Российская Федерация, страны — участницы БРИКС, экспорт, импорт, внешнеторговый оборот, ВВП, взаимная торговля, интеграция, инвестиционное направление

Для цитирования: Погодин С. Н., Ягья Т. С. Торгово-экономическое сотрудничество в рамках БРИКС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 3. С. 44–54.

Trade and Economic Cooperation within the Framework of BRICS

Sergey N. Pogodin^{a*}, Talie S. Yagya^b

^a Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation; *pogodin56@mail.ru

^b St. Petersburg Electrotechnical University “LETI”, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The article is devoted to trade and economic cooperation between Russia and the BRICS member countries and trade cooperation within the BRICS Union. First, the authors study the peculiarities of the development of the BRICS member countries and the possibilities of their trade cooperation within the framework of this association. Trade and economic cooperation within the BRICS group is being considered: structure of export and import supplies, dynamics of foreign trade turnover and features of mutual trade. Authors consider the complementarity of the national economies of the BRICS countries, about the competitive directions of each of its countries in the provision of certain services. The focus is on the study of trade and economic cooperation between Russia and the BRICS member countries in recent years. The article analyzes the export, import, and foreign trade turnover of Russia with each

country of this organization. At the same time, all the calculations in the article are made independently based on statistical data. The authors identify the specifics of Russia's trade cooperation within the BRICS grouping, draws relevant conclusions, and discusses the investment direction as a component of the growth of trade cooperation, the increase in foreign trade turnover, and GDP growth.

Keywords: trade and economic cooperation, the Russian Federation, the BRICS member countries, export, import, foreign trade turnover, GDP, mutual trade, integration, investment direction

For citing: Pogodin S. N., Yagya T. S. Trade and Economic Cooperation within the Framework of BRICS // Eurasian integration: economics, law, politics. 2021. Vol. 15. No. 3. P. 44–54.

Для эффективного решения множества проблем — социально-экономических, политических, глобальных и др. — страны мира стремятся развивать межхозяйственные связи друг с другом, вступая в различные интеграционные объединения. Тем самым создается возможность для государств усилить свое положение на мировой арене и поднять уровень развития своих национальных экономик. Это напрямую относится к группировке БРИКС (BRICS), которая включает Бразилию, Россию, Индию, Китай и Южно-Африканскую Республику. Общеизвестным фактом является то, что на страны БРИКС приходится 42% мирового населения, 24,2% мирового ВВП и 26% территории Земли [2]. Отсюда следует, что в развитии глобальной экономики государства БРИКС играют важную роль. В целом можно говорить и о том, что процессы функционирования и развития международных интеграционных формирований усиливают и расширяют торгово-экономическое сотрудничество. Это, безусловно, относится и к БРИКС. По этой причине очевиден интерес к исследованию основных направлений сотрудничества стран — участниц БРИКС.

Актуальность темы статьи обусловлена огромным потенциалом государств — членов БРИКС, который позволит в перспективе стать экономически мощным объединением, способным создать новую систему управления в мире и многополярную систему международных отношений взамен однополярной.

Целью нашей статьи является рассмотрение торгово-экономического сотрудничества в рамках группировки БРИКС и участия Российской Федерации в данном объединении.

Для выполнения данной цели следует: рассмотреть торгово-экономическое сотрудничество внутри союза и показать взаимодействие России со странами — участницами БРИКС.

Мировые интеграционные процессы способствуют росту мировых развивающихся экономик. Это касается и экономик Бразилии, Индии, Китая, Российской Федерации, Южно-Африканской Республики. Можно сказать, что партнерами России в БРИКС, по нашему убеждению, выступают мощные государства с прогрессирующей экономикой. Географически страны — участницы объединения расположены в различных частях планеты, что, по нашему мнению, осложняет торговое сотрудничество. Однако можно предположить, что БРИКС в перспективе станет моделью развития своеобразного многополярного мира.

Эффективность данного объединения и увеличение его влияния на мировой арене зависят от уровня развития отношений стран этого союза, от степени партнерства Бразилии, Индии, России, Китая и ЮАР в экономической и политической сферах, а также от внешнеторгового взаимодействия стран-участниц, позволяющего применять их потенциал как производственный, так и научно-технический для динамичного развития национальных хозяйств. Сказанное подтверждает актуальность изучения торгово-экономического взаимодействия стран БРИКС.

Торговая деятельность государств внутри объединения показывает наличие тенденции к сближению и углублению их взаимодействия в торгово-экономическом направлении.

Для начала необходимо рассмотреть, чем же интересны страны друг другу с точки зрения торгово-экономических отношений, что они экспортируют в другие страны БРИКС и что импортируют из этих стран.

Прежде всего, как нам представляется, обоюдный интерес государств — членов БРИКС заключается в возможной взаимодополняемости экономик стран этого союза. Каждое государство БРИКС идет в направлении развития своих экономик и занимает важные позиции в своих регионах. У них есть огромный потенциал, который может создать синергетический эффект.

Стоит отметить, что участники БРИКС занимают выгодные позиции в мировой экономике в связи с тем, что обладают большим количеством важных для нее ресурсов.

Бразилия — крупный экспортер прежде всего продовольствия, несмотря на это, экономика страны направлена на внутренний рынок. Также в государстве имеется большое количество энергоресурсов, поэтому энергетическая сфера тоже имеет немалое значение для Бразилии. Помимо этого, значительную площадь в стране занимают пахотные земли. Бразилия является лидером в мире по запасам пресной воды. Государство богато минеральными ресурсами, такими как ниобий, железная и марганцевая руда, бокситы, никель, урановая руда, вольфрам, золото, цирконий, а также имеет новейшие технологии производства и генетической инженерии, делает успехи и в области программного обеспечения.

Бразилия отличается развитым сельскохозяйственным производством, добывающей отраслью и сферой услуг. К тому же она — лидер в мире по производству сахарного тростника и кофе. Это результат успешной модернизации, проводимый в стране с 1996 г. по 2006 г., позволившей увеличить производительность труда на 365% [1, с. 480].

Принимая во внимание все вышесказанное, именно Бразилия может взять на себя значительную часть производства продовольствия в мире. Вместе с тем Бразилия способна распространять влияние БРИКС на Южную Америку, пользуясь своим географическим положением.

Россия обладает значительным количеством энергоресурсов, а также пахотными землями. Россия — самое крупное по площади государство в мире, занимающее 40% всей Европы и 30% Азии. Экономика государства пока еще зависит от экспорта минеральных ресурсов, хотя правительство и решает задачи по изменению структуры экономики. Россия располагается на шестом месте в мире по доказанным запасам нефти, обладая 6,2% мировых запасов, и занимает первое место в мире по запасам газа с долей 19,1% мировых запасов¹. Государство, кроме этого, имеет огромные территории пахотных земель, что имеет большое значение для решения острой проблемы нехватки продовольствия в некоторых странах. В БРИКС Российская Федерация может играть значительную роль в сфере энергетики и в продовольственной сфере. Россия также способна представить идеологию БРИКС в рамках G8, если эта организация зарекомендует себя как жизнеспособная альтернатива существующего миропорядка.

Индия — один из лидеров по производству чая и специй в мире. В стране имеются дешевые интеллектуальные ресурсы. Индия — вторая в мире страна по численности населения. Сектора экономики этого государства довольно разнообразны: это и сельское хозяйство, различные ремесла, современные отрасли промышленности, широкий спектр услуг, включая сферу программного обеспечения, которая достаточно хорошо развита. Это свидетельствует о наличии в стране высококвалифицированной рабочей силы. Но вместе с тем в Индии существуют серьезные демографические проблемы, обусловленные стремительным приростом населения. Одно из самых слабых мест Индии — это сфера энергетики, в стране недостаточно нефти и газа, поэтому имеет место зависимость Индии от импорта полезных ископаемых. Несмотря на развитое сельскохозяйственное производство, стремительный рост населения приводит к дефициту продовольственных товаров. Исходя из всего вышеизложенного, Бразилию и Россию можно считать важными партнерами для Индии. Индия, в свою очередь, может обеспечить БРИКС трудовыми ресурсами за счет стремительного их увеличения.

Китай — первая страна в мире по численности населения. Сегодня КНР — вторая экономика мира и выступает главным соперником экономики США. Китай — крупнейший экспортер в мире, который получает 80% валютных доходов от внешней торговли. Экспортирует Китай, помимо машин и оборудования, также металлы, сталь, текстиль, продукты питания, одежду и пр.²

КНР с 1978 г., основываясь на своей собственной модели построения «социализма с китайской спецификой», достиг колоссальных успехов во всех практически направлениях. Китай — это крупное индустриальное государство. Подтверждением «китайского чуда» стал стремительный рост экономики

¹ Россия заняла третье место по доле на рынке нефти в 2019 году. [Электронный ресурс] // Российская ежедневная общественно-политическая газета «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4380441> (дата обращения: 08.03.2021).

² Топ-10 крупнейших стран-экспортеров // Investfuture.ru [Электронный ресурс]. URL: www.investfuture.ru/news/id/top-10-krupneyshih-stran-eksporterov (дата обращения: 18.03.2021).

страны, которая возросла в 90 раз по сравнению с 1978 г. В среднем ВВП страны каждый год увеличился на 9% [2].

Китай имеет мировое лидерство в большинстве отраслей промышленности: электроника, переработка ископаемых, ядерная энергетика, космонавтика, авиация. Вместе со строительством промышленность занимает примерно 47% ВВП [7]. Важное место в промышленности Китая занимает выпуск автомобилей и компьютеров. В этом направлении страна стремится стать лидером также.

К тому же Китай доминирует в мире и по запасам угля. Вероятно, КНР не сможет самостоятельно удовлетворять потребности в энергии, несмотря на достаточный нефтяной потенциал.

Сельское хозяйство занимает весомое место в экономическом состоянии страны. Сфера услуг на сегодня является пока скромной отраслью экономики, и поэтому руководство страны все делает для ее улучшения, чтобы вывести эту отрасль на новый уровень.

Сегодня Китай находится на пути решения экологических проблем, которые обусловлены использованием химикатов для увеличения объемов производимой продукции, выбросами предприятий в атмосферу тонн отравляющих веществ, портящих качество земель и воды и пр. Если их не решать, страна может столкнуться с проблемой в области продовольствия.

Таким образом, для БРИКС Китай играет существенную роль, поскольку эта страна с огромным технологическим, экономическим и человеческим потенциалом, способная доказать миру, что можно успешно развиваться, идя собственным путем.

ЮАР — обладатель больших запасов природных ресурсов. ЮАР является лидером в мире по запасам золота и марганца, на нее приходится 10% мировых запасов алмазов. Южно-Африканская Республика является самой экономически развитой страной в Африке, обладает богатыми запасами минеральных ресурсов, имеет довольно прочные позиции на мировой арене. Можно сказать, что экономика государства быстро развивается, невзирая на то, что в стране есть проблемы безработицы и бедности. Кроме этого, существуют определенные трудности в сфере энергетики: ЮАР совсем небогата нефтью и газом, но обладает достаточным количеством угля [4]. ЮАР имеет потенциал в сфере производства продовольствия. Однако для БРИКС ЮАР — это в первую очередь «проводник» в страны Африки, через который группировка может влиять на африканский континент.

В целом стоит отметить, что в объединении БРИКС Россия, Бразилия и ЮАР выступают как экспортеры промышленного сырья и полуфабрикатов, а Китай и Индия — импортеры этой продукции в огромных размерах и на длительный период.

Таким образом, сказанное выше позволяет утверждать о возможности реальной взаимодополняемости национальных экономик стран БРИКС в различных сферах, включая продовольственную и энергетическую, которую можно считать основной предпосылкой интеграции стран. К тому же взаимодополняемость экономик — это основа для развития взаимной торговли в будущем. Но не следует забывать, что взаимодополняемость может привести к определенной взаимозависимости, и тогда, как нам представляется, наступит равновесие между странами.

Для выполнения целей, стоящих перед организацией БРИКС, странам-членам важно развивать в первую очередь как раз торгово-экономическое направление, не забывая и об инвестиционном направлении как существенной составляющей роста торгового взаимодействия, увеличения внешнеторгового оборота.

Основные группы товаров, торговля которыми происходит внутри объединения БРИКС, — машины, оборудование и механизмы, минеральные продукты и топливо.

Следует отметить, что экспорт Китая в страны — члены БРИКС — это, прежде всего, машины, оборудование, ядерные реакторы и механизмы, а также текстиль и химические продукты. Столь важные категории экспортных поставок подтверждают, на наш взгляд, успех в реализации экономических реформ, приведшие страну к достижению высоких экономических показателей.

Экспортные поставки Бразилии, Индии и ЮАР в государства БРИКС представлены в последние годы (2017–2020 гг.) в основном рудами, золой, шлаками и также минеральным сырьем. Однако в этом объединении Бразилия доминирует в экспортных поставках продукции растительного происхождения:

масличные семена, плоды, лекарственные растения. Индия — в экспорте фармацевтической продукции, продукции химической промышленности, драгоценных камней, текстиля и программного обеспечения. В БРИКС Китай превосходит в экспорте промышленных товаров, электротехнического оборудования, мебельной продукции и текстиля. А ЮАР — в экспортных поставках природных ресурсов, топлива и драгоценных камней. Россия в БРИКС экспортирует в отличие от Бразилии, Индии и ЮАР в большей степени минеральное топливо: нефть и газ. В целом стоит отметить, что несхожая в определенной мере структура экспорта членов БРИКС дает основание считать это преимуществом экономического сотрудничества между странами данного объединения, придает им взаимодополняемость, тем самым формируя основу взаимовыгодной обоюдной торговли. Говоря о взаимодополняемости, можно упомянуть ситуацию 2014 г., связанную с санкциями Запада в отношении России. Именно, за 2014 г. страны БРИКС увеличили поставки продуктов питания на 22% в РФ (на ту продукцию, на которую были введены западные санкции) [1, с. 480].

Импортными поставками всех стран БРИКС является определенная продукция из государств данного объединения. В структуре импорта КНР значимое место занимают электрические машины и оборудование, минеральные ресурсы, но вместе с тем в страну из стран-участниц поставляется продукция животного происхождения, разнообразные изделия из камня и стекла. Можно сказать, что в структуре импорта и экспорта Китая первое место занимают машины и оборудование. Но при этом следует отметить, что импорт этой категории примерно в два с лишним раза больше экспорта данной категории. Это свидетельствует о том, что на сегодня КНР не обладает достаточными производственными мощностями для полного обеспечения страны современной высокотехнологичной продукцией машиностроительной промышленности. Но страна, как нам представляется, движется в правильном направлении, поскольку одновременно с политикой импортозамещения применяет экспортно-ориентированную модель развития в отношении этой отрасли.

Бразилия закупает в странах БРИКС в большей степени машины и оборудование, суда, лодки, ядерные реакторы, но также текстиль, кожу, меха, изделия из стекла и камня. В структуре импорта Индии из так называемой «пятерки» преобладают машины и оборудование, ядерные реакторы, продукция химической промышленности. Кроме того, в страну поступают продовольственные товары, меха, кожа. В отношении импортных поставок ЮАР из стран — членов БРИКС можно сказать, что они такие же, как у Индии, а именно машины, оборудование, ядерные реакторы. Эта продукция занимает первые строчки в импортной структуре ЮАР, но также в эту страну поступает транспортная продукция, металлы, текстиль, кожа, меха. Закупки России в странах БРИКС — это прежде всего машины и оборудование, котлы, реакторы, продукция транспортной промышленности, а также текстиль, меха, обувь, кожа.

Помимо экспорта и импорта товаров, страны БРИКС активно занимаются экспортом и импортом услуг. В связи с возрастанием значимости услуг в общей структуре мировой торговли их роль во взаимной торговле государств — членов БРИКС будет увеличиваться. По нашему мнению, странам — участникам БРИКС следует сосредоточиться на тех сферах, в которых они имеют конкурентные преимущества в сравнении со странами объединения. Так, например, конкурентоспособным направлением Индии является предоставление информационных услуг. Транспортные, туристические и строительные услуги представляют конкурентное преимущество Китая. Россия лидирует в предоставлении строительных услуг и обслуживании энергетического сектора. Конкурентоспособной отраслью ЮАР являются туристические и финансовые услуги, а Бразилии — розничная торговля. Как нам представляется, каждому государству БРИКС в перспективе следует расширять спектр предоставляемых услуг.

Итак, на сегодняшний момент в рамках торговли внутри самой группировки Бразилия, Россия, Индия и ЮАР выступают в основном как экспортеры ресурсов в КНР и как импортеры из этой страны промышленной продукции.

Взаимная торговля стран — членов БРИКС характеризуется довольно небольшими объемами в стоимостном выражении. Но вместе с тем можно говорить о наличии тенденции роста внешнеторгового оборота до 2018 г., а в 2019 г. этот показатель экспортно-импортных операций снизился во всех странах-участницах, за исключением Российской Федерации. Это снижение вызвано обстоятельствами

политической нестабильности в ряде стран этой группировки, о которых речь пойдет дальше. По нашему мнению, такое состояние во внешнеторговом взаимодействии обусловлено в определенной степени распространением и, конечно, последствиями мировой пандемии.

Товарную структуру можно назвать вполне диверсифицированной, поскольку она имеет достаточное количество базовых статей в процессе двусторонней торговли. Стоит отметить, что во взаимной торговле стран — членов этого объединения в значительной степени диверсифицирован экспорт товаров Китая и в меньшей степени его импорт. На наш взгляд, понятным становится стремление стран реализовать свой потенциал именно внутри союза.

Торговое взаимодействие внутри организации БРИКС до 2018 г. развивалось динамично, что отразилось на росте внешнеторгового оборота всех стран. Так, в 2018 г. внешнеторговый оборот Бразилии составил 119,14 млрд долл. США, РФ — 125,21 млрд долл. США, Индии — 166,55 млрд долл. США, Китая — 385,3 млрд долл. США, ЮАР — 51,54 млрд долл. США [6]. Но в 2019 г. в рамках объединения БРИКС показатель внешнеторгового оборота снизился во всех странах, кроме России, внешнеторговый оборот которой показал рост 2% и составил 127,8 млрд долл. США. Итак, в рамках блока БРИКС на 2019 г. внешнеторговый оборот Китая достиг 359,9 млрд долл. США, а России — 127,8 млрд долл. США, Бразилии — 112,5 млрд долл. США, Индии — 112,0 млрд долл. США. Самый незначительный показатель у ЮАР — 36,9 млрд долл. США [2].

Итак, в 2019 г. по сравнению с 2018 г. падение внешнеторгового оборота в Бразилии составило 5,5%, в Индии 32,7%, в Китае 6,5%, а в ЮАР 28,4%¹. Все вышеизложенное, а также представленные статистические данные подтверждают тем не менее лидерство Китая по внешнеторговой деятельности в рамках группировки БРИКС. При этом КНР, являясь основным торговым партнером каждого из участников группировки БРИКС, ведет активную торговлю в рамках объединения.

Именно рост объемов торговли Китая с другими странами объединения оказал, оказывает и в дальнейшем будет оказывать влияние на рост внешнеторгового сотрудничества в рамках БРИКС. К сожалению, объемы торговли между остальными четырьмя государствами незначительны, что объясняется отсутствием двусторонних соглашений, которые и тормозят дальнейшее развитие торгово-экономического взаимодействия государств БРИКС. Так, России приходится взаимодействовать с Китаем через Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), Бразилии и Индии — через МЕРКОСУР (MERCOSUR — Mercado Comun del Sur — общий рынок стран Южной Америки, экономическое и политическое соглашение между Аргентиной, Бразилией, Уругваем, Парагваем и Венесуэлой).

По нашему мнению, для более глубокого понимания эффективности БРИКС важно исследовать торгово-экономическое сотрудничество России в рамках этой организации.

В 2017 г. Россия осуществила экспортные поставки в Китай на сумму 38,9 млрд долл. США, а в 2019 г. — 56,8 млрд долл. США, рост составил 46% в год. Основу российского экспорта в Китай в указанный промежуток времени составили группы товаров, такие как: минеральное топливо — 25,3 млрд долл. США (2017 г.) и 39,6 млрд долл. США (2019 г.), то есть наблюдается увеличение в 1,6 раза, рост — 36,1%; древесина и изделия из нее как в 2017 г., так и в 2019 г. без изменений — 3,3 млрд долл. США. Третью строчку экспортных поставок составляют руды, шлаки и зола. В 2019 г., в сравнении с 2017-м, произошло увеличение почти в два раза, рост составил 90% в год (1 млрд долл. США в 2017 г. и 1,9 млрд долл. США в 2019 г.) [Там же].

Что касается импортных поставок из Китая в Россию в рассматриваемый период 2017 и 2019 гг., наблюдается увеличение в 1,1 раза, рост составляет 12,7% в год (48 млрд долл. США в 2017 г. и 54,1 млрд долл. США в 2019 г.). В структуре российского импорта из Китая первое место занимает в рассматриваемый отрезок времени электрическое оборудование, которое в 2017 г. было закуплено на сумму 11,8 млрд долл. США, а в 2019 г. — 14,4 млрд долл. США; далее следуют машины и оборудование. В 2017 г. данная статья импорта составила 13,6 млрд долл. США, а в следующем, 2018 г., наметилась тенденция к снижению (12,1 млрд долл. США). Однако в 2019 г. снова наблюдался рост импортных поставок из Китая машин и оборудования (12,4 млрд долл. США).

¹ Все расчеты в данной статье выполнены самостоятельно на основе статистических данных.

В целом внешнеторговый оборот России и Китая в 2017 г. составил 86,9 млрд долл. США, а в 2019 г. — 110,9 млрд долл. США. Этот показатель в 2019 г. увеличился по сравнению с 2017 г. в 1,3 раза, рост его составил 27,6%. Как нам представляется, тенденция к увеличению товарооборота происходит за счет реализации: договоров о торгово-экономическом сотрудничестве и развития стратегического партнерства, экономической стратегии Китая, которая направлена на завоевание внешних товарных рынков. Кроме того, рост товарооборота обеспечивается благодаря стабильным темпам роста экономики Китая.

На текущий момент торговля между Китаем и Россией характеризуется динамичностью и обладает тенденцией к расширению. Торговое сотрудничество этих стран, начиная с конца XX в. и по настоящее время, отличается стратегической направленностью и постановкой собственных стратегических целей. Но тем не менее для увеличения результативности этого сотрудничества, по нашему мнению, следует модернизировать структуру торговли, а также направить вектор взаимодействия на сферы технологического обмена и инвестирования.

Экспортные поставки российских товаров в Индию в 2017 г. составили 6,5 млрд долл. США, а в 2019 г. — 7,3 млрд долл. США, рост составил 12,3%. При этом основными статьями экспортных поставок стали минеральные продукты, машины и оборудование. Объем экспорта минеральных продуктов увеличился в 1,5 раза — 1,5 млрд долл. США в 2017 г. и 2,2 млрд долл. США в 2019 г. Уровень поставок машин и оборудования остался практически без особого изменения: 0,7 млрд долл. США в 2017 г. и 0,8 млрд долл. США в 2019 г. [2]

Объем российских импортных поставок из Индии в 2017 г. и в 2019 г. возрос в 1,3 раза, увеличение составило 34,4% в год (2,9 млрд долл. США в 2017-м и 3,9 млрд долл. США в 2019 г.). За рассматриваемый период основными статьями импорта России из Индии являются электрическое оборудование, фармацевтическая продукция, а также машины и оборудование. Статистика показывает довольно скромные значения по всем трем статьям: электрическое оборудование в 2017 г. с 0,1 млрд долл. США до 0,7 млрд долл. США в 2019 г.; поставки фармацевтической продукции остались на том же уровне — 0,6 млрд долл. США в те же годы; машины и оборудование — с 0,2 млрд долл. США до 0,4 млрд долл. США соответственно.

В итоге во внешнеторговом обороте России и Индии наблюдается также рост в 1,2 раза, увеличение составило 19,1% (с 9,4 млрд долл. США в 2017 г. до 11,2 млрд долл. США в 2019 г.).

Развивая сельское хозяйство, Индия испытывает нехватку минеральных удобрений, восполнить которую может Россия, став главным их поставщиком на индийский рынок. Нельзя оставить без внимания тот факт, что у России имеются сильные конкуренты — страны Ближнего Востока ввиду их географической близости с Индией, что существенно сокращает транспортные расходы и делает их продукцию более дешевой по сравнению с российской.

Индия заинтересована в стабильных долгосрочных поставках минеральных ресурсов, высокотехнологичного оборудования, а также в создании и функционировании платформы сбыта собственной продукции различных отраслей на территории России.

Экономический подъем Индии в последние годы ведет к росту потребления энергоресурсов, которыми богата Россия. В связи с этим экспортные поставки энергоресурсов из России могут возрасти. Россия обладает высококвалифицированными специалистами в сфере современных технологий, в которых нуждаются индийские компании для развития собственной технологической сферы.

Поставки экспортной продукции из РФ в Бразилию в 2017 г. составили 2,0 млрд долл. США, в 2019 г. этот показатель достиг 2,5 млрд долл. США. Таким образом, мы видим увеличение в 1,25 раза, рост составил 25% в год. При этом поставки удобрений, как основной статьи экспорта России в Бразилию, увеличились в 1,4 раза в 2019 г. по сравнению с 2017 г. (с 1,4 млрд долл. США до 1,9 млрд долл. США в рассматриваемые годы). В поставках таких категорий товаров, как минеральное топливо и каучук и изделия из него, не наблюдалось ни роста, ни уменьшения — показатели как в 2017 г., так и в 2019 г. остались на одинаковом уровне: 0,3 млрд долл. США и 0,05 млрд долл. США соответственно.

Однако противоположная тенденция наблюдается в отношении импортных поставок из Бразилии в Россию, а именно снижение составило 34,3% в год (с 3,2 млрд долл. США в 2017 г. до 2,1 млрд долл.

США в 2019 г.). При этом произошло значительное снижение по такой статье, как мясо и субпродукты, в 2,8 раза — с 1,4 млрд долл. США до 0,5 млрд долл. США, а по статье масличные культуры имело место также снижение в 1,2 раза — с 0,6 млрд долл. США до 0,5 млрд долл. США. Резкое снижение поставок бразильского мяса в Россию связано с запретом, введенным Россельхознадзором 1 декабря 2017 г. в связи с обнаружением рактопамина — стимулятора роста мышечной массы, использование которого в России запрещено [1, с. 480]. Следует отметить, что до введения запрета Российская Федерация рассматривала Бразилию в качестве крупнейшего поставщика мясной продукции. Несмотря на то, что в ноябре 2018 г. был снят запрет на поставки мяса в Россию, Бразилии не удалось достичь прежних показателей, что можно объяснить тем, что разрешение получили лишь девять бразильских предприятий.

Бразильский экспорт товаров в Российскую Федерацию на данный момент незначителен. Россия закупает у Бразилии в основном продукцию сельского хозяйства и неорганические соединения. В отношении экспорта России в Бразилию заметна, как нам представляется, тенденция уменьшения поставок высокотехнологичной продукции и рост удельного веса сырьевой составляющей [5].

Во внешнеторговом обороте России и Бразилии в 2017 г. и в 2019 г. наблюдается снижение — с 5,2 млрд долл. США до 4,6 млрд долл. США, то есть в 1,1 раза. Уменьшение этого показателя составило 11,5% в год. Такое снижение объясняется ситуацией, описанной выше.

Что касается России и ЮАР, внешнеторговый товарооборот составил всего 0,8 млрд долл. США в 2017 г. и 1,1 млрд долл. США в 2019 г. Эти данные свидетельствуют о небольших объемах торговли между этими странами. Тем не менее рост этого показателя составил 37,5% в год.

Основными категориями экспорта России в ЮАР в рассматриваемый период являются: злаковые культуры, удобрения, железо и сталь. К сожалению, показатели очень незначительны. Так, удобрения, железо и сталь в 2017 г. и в 2019 г. имели следующие значения: 0,03 млрд долл. США и 0,08 млрд долл. США; 0,01 млрд долл. США и 0,03 млрд долл. США соответственно. Что касается экспорта злаковых культур, за указанный период времени они оставались на одном и том же уровне — 0,09 млрд долл. США.

Среди основных статей импортных поставок из ЮАР в Россию можно выделить: фрукты и орехи; руды, шлаки и зола; неорганические соединения. Импорт в Россию такой категории, как фрукты и орехи, за рассматриваемые годы остается без изменений — на уровне 0,2 млрд долл. США. Однако стоит обратить внимание на рост в два раза объема поставок руды, шлаков и золы (с 0,1 млрд долл. США до 0,2 млрд долл. США соответственно), а также возрастание в 2,5 раза импорта в РФ неорганических соединений (алюминия и радиоактивных элементов) — с 0,04 млрд долл. США до 0,1 млрд долл. США в 2017 г. и 2019 г. [2]

Как нам представляется, торговое сотрудничество России и ЮАР затруднено в связи с географической удаленностью стран. Поэтому страны находятся в поиске наиболее оптимальных способов и направлений сотрудничества. Одним из перспективных направлений взаимодействия двух стран, по нашему мнению, может стать энергетическая промышленность, преимущественно атомная энергетика, а также развитие инфраструктуры, цифровая экономика, профессиональная подготовка кадров и сельское хозяйство.

Однако, если сравнивать значения экспорта, импорта, внешнеторгового товарооборота 2018 г. с 2019 г., картина вырисовывается несколько иная. Так, экспортные поставки России в Бразилию, России в Индию за данный период несколько снизились: экспорт с 2,6 млрд долл. США до 2,5 млрд долл. США и с 7,8 млрд долл. США до 7,3 млрд долл. США соответственно, падение составило 3,8% и 6,4% соответственно. Импорт в Россию из Бразилии также имел тенденцию к снижению с 2,5 млрд долл. США в 2018 г. до 2,1 млрд долл. США в 2019 г., падение составило 16% в год. Что касается импортных российских поставок из Индии, то в этот период имел место рост с 3,2 млрд долл. США до 3,9 млрд долл. США, что и способствовало незначительному росту внешнеторгового товарооборота в 2019 г. по сравнению с 2018 г. с 11,0 млрд долл. США до 11,2 млрд долл. США соответственно, рост — 1,8% в год [Там же].

В целом в отношении внешнеторгового оборота России с Китаем за 2018 г. и за 2019 г. можно сказать, что показатели экспорта, импорта и внешнеторгового оборота имели тенденцию роста. Так, внешнеторговый оборот России и Китая увеличился с 108,2 млрд долл. США до 110,9 млрд долл. США соответственно, его рост составил 2,4% в год [Там же].

В отношении России и ЮАР следует отметить, что за 2018 и 2019 гг. ни роста, ни падения в экспортных, импортных поставках не происходило: цифровые значения оставались на том же уровне — 0,3 млрд долл. США и 0,8 млрд долл. США соответственно. Отсюда и внешнеторговый оборот за этот временной отрезок времени оставался на том же уровне — 1,1 млрд долл. США.

Как нам представляется, торгово-экономическое сотрудничество России со странами БРИКС могло быть более плодотворным, если бы на пути к интегрированию не встречались определенные сложности как политического, так и экономического характера. Как было ранее отмечено, запрет на ввоз мяса из Бразилии, затем его частичное снятие, а также политическая нестабильность в стране, связанная с кризисом в Венесуэле¹, не могли не повлиять на рассматриваемые показатели торгового обмена. Некоторое снижение российского экспорта в Индию связано с конкуренцией на рынке минеральных удобрений со стороны стран Ближнего Востока, а также конфликтная ситуация Индии с Китаем из-за приграничной территории на плато Доклам могла в определенной степени отвлекать страну от торгового взаимодействия, хотя индийский импорт, как ранее было сказано, имел рост. В отношении торгового взаимодействия России и ЮАР, на наш взгляд, обе страны ведут себя сдержанно, объяснение тому — географическая удаленность. В целом можно считать, что ЮАР просто не стала пока ближе и к остальным членам БРИКС.

Итак, торговое взаимодействие России с каждой из стран — участниц группировки БРИКС характеризуется в целом колебаниями небольших объемов, исключение составляет Китай, имеющий значительные объемы как экспортных, так и импортных поставок. Сравнение показателей торговли РФ с государствами этого объединения за 2017 г. и за 2019 г. позволяет сказать о незначительной, но положительной динамике в экспортных и импортных поставках России со всеми странами, исключение составляет бразильский импорт в Россию, имеющий тенденцию к снижению. Что касается показателя внешнеторгового оборота РФ со странами — членами БРИКС, то в эти годы имела место тенденция его роста, за исключением РФ и Бразилии, внешнеторговый оборот которых сократился.

При сравнении торгового обмена 2018 г. и 2019 г. выяснилось, что в 2018 г. показатели экспорта выше, чем в 2019 г. у РФ с Бразилией, у РФ с Индией, т. е. имела место тенденция к сокращению экспортных поставок. Тенденция к уменьшению импортных поставок за эти годы наблюдалась у России с Бразилией. Но вместе с тем внешнеторговый оборот за этот период России с Индией и с Китаем показывал рост, и только с Бразилией этот показатель снизился по выше изложенным мотивам. В отношении торгового взаимодействия РФ и ЮАР в 2018 и 2019 гг. можно сказать, что, несмотря на малые его объемы, наблюдался одинаковый уровень в экспортных, импортных поставках и во внешнеторговом обороте. Как нам представляется, ситуация в торговле России со странами БРИКС могла бы быть значительно результативнее, если бы не ряд сложившихся обстоятельств в государствах-членах, о которых говорилось в данной статье ранее.

Несмотря на все существующие сложности, страны БРИКС имеют достаточный потенциал для создания мощного, стабильного экономического союза. Для этого необходимо проделать огромную работу по переходу на более качественный этап развития интеграции и разработать эффективные меры по усилению координации взаимодействия между членами БРИКС.

Эффективность торгово-экономического сотрудничества, на наш взгляд, зависит от инвестирования. Как нам представляется, процесс инвестирования стоит рассматривать как фактор экономического роста для каждой страны, способствующий развитию национальных экономик, значительному росту внешнеторгового оборота, ВВП и ВВП на душу населения.

Но изменения в процесс инвестирования, его количественную характеристику вносит, прежде всего, мировой кризис. Так, разразившийся и в 2008 г., и в 2014 г. мировой кризис, как известно, повлиял на экономику стран мира, на экономическое развитие интеграционных объединений, в том числе и на экономическое развитие группировки БРИКС. Мировой кризис указанных лет сказался на сокращении прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в каждой из стран данной группировки. Мировая кризисная ситуация 2008 г. уменьшила ПИИ во все страны БРИКС: в Бразилию в 1,6 раза, в Россию в 2 раза,

¹ Подробнее см. конфликт Бразилии и Венесуэлы.

в Индию, Китай и ЮАР соответственно 1,2, 1,3 и 1,3 раза [3]. В отношении последствия мирового кризиса 2014 г. следует сказать, что он также повлиял на уменьшение ПИИ всех стран этого объединения, кроме Индии, у которой рост инвестиций составил 27,2% в год. У России объемы инвестиций с 2014 г. по 2015 г. уменьшились в 3,3 раза. Такое сокращение инвестиций в РФ в этот период связано с санкциями, которые были введены США и западными странами в отношении России, военными действиями в Сирии и на Украине, а также со снижением мировых цен на нефть. В 2017 г. ситуация на инвестиционном поле меняется в сторону увеличения инвестиций во всех странах БРИКС, кроме России. Начиная с 2018 г. положительная динамика в движении процесса инвестирования наблюдается во всех странах БРИКС, что и придало импульс развитию экспорта, импорта, внешнеторгового оборота. Внешнеторговый оборот между странами БРИКС, как ранее в статье было отмечено, в целом имел положительную динамику роста, особенно в России. Так, в России в 2019 г. по сравнению с 2018 г. рост внешнеторгового оборота составил 2%. Торгово-экономическое сотрудничество в рамках БРИКС способствует росту ВВП и ВВП на душу населения в каждой стране — участнице данного объединения. Так, к 2019 г. номинальный ВВП достиг в Бразилии 1,8 трлн долл. США, в России 1,6 трлн долл. США, в Индии 2,9 трлн долл. США, в Китае 14,1 трлн долл. США, в ЮАР 0,4 трлн долл. США. Во всех странах группировки наблюдается рост и по показателю ВВП на душу населения [3].

Страны БРИКС, занимая должные позиции на мировых товарных рынках, вместе с тем на сегодня характеризуются разным уровнем взаимодействия их экономических связей. К примеру, торгово-экономическое сотрудничество между Россией и Китаем, Россией и Индией имеет давнюю историю, накоплен опыт в деле сотрудничества, чего нельзя сказать в отношении России и ЮАР, поскольку их взаимодействие пока минимально. Довольно незначительный объем торгового взаимодействия России и с Бразилией.

В целом во взаимной торговле между странами БРИКС наблюдается очевидный рост, который будет способствовать дальнейшему упрочению их отношений в рамках объединения. И в перспективе само объединение БРИКС, возможно, сможет претендовать на управление будущим миропорядком.

Наше исследование подтвердило следующее: в перспективе объединение БРИКС может занять достаточно весомое место на мировой арене в результате торгово-экономического сотрудничества; на сегодня страны БРИКС не только выступают в роли крупнейшего рынка сбыта, но в самих странах активно развиваются такие отрасли промышленности, как горнодобывающая и энергетическая, сфера услуг, а также телекоммуникации; участие РФ в БРИКС создает огромный потенциал для экономического развития России, а также представляет возможность улучшения своего положения на международной арене. К сожалению, пандемия коронавирусной инфекции внесла серьезные изменения в макроэкономические показатели развития всех стран мира, в том числе и стран — участниц БРИКС.

Литература

1. Авдокушин Е. Ф. Страны БРИКС в современной мировой экономике : монография / Е. Ф. Авдокушин, М. В. Жариков. М. : Магистр; Инфра-М, 2017. 480 с.
2. Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики, апрель 2020. Взаимная торговля стран БРИКС. Выпуск № 55, апрель 2020.
3. Мировая и региональная статистика, национальные данные, карты и рейтинги // knoema.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://knoema.ru/atlas> (дата обращения 13.03.21).
4. Промышленность Южно-Африканской Республики (ЮАР) // Gecont.RU [Электронный ресурс]. URL: www.gecont.ru/articles/common/uar.htm (дата обращения: 13.03.2021).
5. Пруненко М. Бразилия в БРИКС: цели и результаты // Международный научно-общественный журнал. 21.12.2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://mirperemen.net/2018/12/braziliya-v-briks-celi-i-rezultaty/> (дата обращения: 13.03.2021).
6. Щукин О. Путин в БРИКС вскрыл «мягкое подбрюшье» США [Электронный ресурс] // Федеральное агентство новостей. 14.11.19. URL: <https://riafan.ru/1227228-putin-v-briks-vskryl-myagkoe-podbryushe-ssha> (дата обращения: 08.03.21).

7. Экономика Китая // Visasam.ru [Электронный ресурс]. URL: www.visasam.ru/emigration/economy/ekonomika-kitaya.html (дата обращения: 18.03.2021).

Об авторах:

Погодин Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор, директор Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация); pogodin56@mail.ru

Ягья Талие Саидовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Санкт-Петербургского электротехнического университета (ЛЭТИ) (Санкт-Петербург, Российская Федерация); talie2006@mail.ru

References

1. Avdokushin E. F. BRICS countries in the modern world economy : monograph / E. F. Avdokushin, M. V. Zharikov. M. : Magistr; Infra-M, 2017. 480 s. (In rus)
2. Bulletin on current trends in the world economy, April 2020. Mutual trade of the BRICS countries. Issue No. 55, April 2020.
3. World and regional statistics, national data, maps and ratings // knoema.ru [Electronic resource]. URL: <https://knoema.ru/atlas> (date of access 13.03.21). (In rus)
4. Industry of the South African Republic (South Africa) // Gecont.RU [Electronic resource]. URL: www.gecont.ru/articles/common/uar.htm (date of access: 13.03.2021). (In rus)
5. Prunenko M. Brazil in BRICS: goals and results // International scientific and social journal. 12/21/2018 [Electronic resource]. URL: <http://mirperemen.net/2018/12/braziliya-v-briks-celi-i-rezultaty/> (date of access: 13.03.2021). (In rus)
6. Shchukin O. Putin in BRICS opened the "soft underbelly" of the United States [Electronic resource] // Federal News Agency. 11/14/19. URL: <https://riafan.ru/1227228-putin-v-briks-vskryl-myagkoe-podbryushe-ssha> (date of access: 03.08.21). (In rus)
7. Economy of China // Visasam.ru [Electronic resource]. URL: www.visasam.ru/emigration/economy/ekonomika-kitaya.html (date of access: 18.03.2021). (In rus)

About the authors:

Sergey N. Pogodin, Professor, Director of the Higher School of International Relations of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History); pogodin56@mail.ru

Talie S. Yagya, Associate Professor of the Department of Economic Theory of the St. Petersburg Electrotechnical University (LETI) (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics; talie2006@mail.ru

Траектория развития Евразийского экономического союза — дорога с односторонним движением

Куклина Е. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; kuklina-ea@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

ЕАЭС, как одно из ключевых интеграционных объединений современности, находится на начальной стадии своего жизненного цикла. Этот факт объективно предполагает наряду с несомненными успехами необходимость функционирования ЕАЭС в проблемном поле, в условиях определенных вызовов угроз и рисков. Главным вызовом евразийской интеграции является «нулевой углеродный след» и намерение ЕС ввести трансграничный углеродный налог в качестве инструмента климатического регулирования. Для евразийского ответа на глобальный вызов нулевого углеродного следа целесообразно создание в рамках ЕАЭС биржи поглощающих выбросов. Для создания механизма финансирования научно-технического сотрудничества необходимо использовать экспериментальные подходы, например, введение экспортной пошлины на углеродный след.

Ключевые слова: ЕАЭС, рейтинг, нулевой углеродный след, карбоновый хаб, научно-техническое сотрудничество, экспортная пошлина

Для цитирования: Куклина Е. А. Траектория развития Евразийского экономического союза — дорога с односторонним движением // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 3. С. 55–65.

The Development Trajectory of the Eurasian Economic Union Is a One-Way Road¹

Evgeniya A. Kuklina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; kuklina-ea@ranepa.ru

ABSTRACT

The EAEU, as one of the key integration associations of our time, is at the initial stage of its life cycle. This fact objectively presupposes, along with undoubted successes, the need for the EAEU to function in a problematic field, in the face of certain challenges, threats and risks. The main challenge to Eurasian integration is the “zero carbon footprint” and the EU’s intention to introduce a cross-border carbon tax as a tool for climate regulation. For a Eurasian response to the global challenge of zero carbon footprint, it is advisable to create an exchange of absorbing emissions within the EAEU. Experimental approaches, such as the introduction of an export duty on the carbon footprint, should to be used to create a funding mechanism for scientific and technical cooperation.

Keywords: EAEU, rating, zero carbon footprint, carbon hub, scientific and technical cooperation, export duty

For citing: Kuklina E. A. The Development Trajectory of the Eurasian Economic Union Is a One-Way Road // Eurasian integration: economics, law, politics. 2021. Vol. 15. No. 3. P. 55–65.

¹ Статья подготовлена по результатам подготовки автором экспертного заключения о работе сессии ПМЭФ-2021 «ЕАЭС: успехи и вызовы интеграции, новая парадигма развития».

Анализ современного состояния и перспектив развития Евразийского экономического союза (ЕАЭС) как ключевого интеграционного объединения современности, имеющего цивилизационное значение, необходимо начать с краткого исторического экскурса.

Несмотря на то, что в 30-х гг. XX в. в силу определенных исторических обстоятельств евразийство потерпело крах как общественно-политическое движение, его идеи оказались весьма плодотворными. Классическое евразийство и взгляды русского космизма породили такого крупного и оригинального ученого, как Л. Н. Гумилев, который в своих работах сочетал исторические концепции Г. В. Вернадского и идеи П. Н. Савицкого. Именно под влиянием классического евразийства и появились его теории этногенеза и пассионарности. Возвращаясь в наше время и воспринимая тему сессии ПМЭФ-2021 «ЕАЭС: успехи и вызовы интеграции, новая парадигма развития» в контексте цивилизационного наследия Л. Н. Гумилева, можно утверждать, что залог успеха ЕАЭС — в идее евразийства, в истоках этой идеи, поэтому ЕАЭС обречен на успех. По большому счету это наш генетический код, и мы обречены быть вместе.

Траектория развития евразийской интеграции в формате ЕАЭС — дорога с односторонним движением. В конце этого пути-дороги находится конечная цель — достижение максимально возможного уровня национальной конкурентоспособности и создание оптимальных условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения всех стран-участниц. ЕАЭС является драйвером, константой и доминантой развития каждого государства-участника, в этом его сила и предназначение.

Целью предлагаемой статьи является исследование вопросов успешности и уязвимости ЕАЭС.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

- оценить результаты функционирования, привести показатели и индикаторы успешности ЕАЭС;
- сформулировать риски, выявить ключевые вызовы и проблемы евразийской интеграции на современном этапе ее развития;
- определить направления решения проблем и ответов на вызовы евразийской интеграции.

Для решения поставленных задач используются экспертно-аналитические методы исследования (поточные методы экспертизы, экспертные оценки) и системный подход.

Результаты

Для оценки результативности (успешности) функционирования ЕАЭС на современном этапе развития интеграционного объединения целесообразно использовать такие потоковые методы экспертизы, как рейтинги, представляющие собой комплексную оценку широкого круга сравнительно однородных субъектов по сопоставимой шкале ценностей, проведенную по единой технологии, в которой используется совокупность многих показателей, не всегда формализуемых. Как известно, главное предназначение любого рейтинга заключается в повышении информационной прозрачности общества, содействии расстановке субъектов в сфере деятельности по ключевым факторам успешности [4; 7].

Успешность функционирования экономической системы разного уровня в реальной экономике определяется уровнем конкурентоспособности и жизнеспособности, что позволяет обеспечить ее экономическую безопасность [9; 10]. В настоящее время в условиях экономической глобализации имеет смысл говорить только о глобальной конкурентоспособности стран и их объединений. Таким образом, для оценки успешности (результативности) ЕАЭС целесообразно использовать следующие показатели: индекс глобальной конкурентоспособности; индекс сложности экономики; индекс Целей устойчивого развития (ЦУР); индекс Doing Business.

По индексу глобальной конкурентоспособности-2019 ЕАЭС занимает 44-е место в рейтинге из 141 экономики мира. Наивысшая позиция среди государств — членов ЕАЭС у России (43-е место), далее — Казахстан (55-е место), Армения (69-е место) и Кыргызская Республика (96-е место).

Как известно, уровень конкурентоспособности национальной экономики (или национальной конкурентоспособности) определяется наличием сформированных конкурентных преимуществ. Конкурентными преимуществами ЕАЭС, согласно трактовке Всемирного экономического форума (ВЭФ)¹,

¹ Конкурентными преимуществами Всемирный экономический форум предлагает определять те факторы, по которым страна занимает в мировом рейтинге с 1-го по 50-е место.

являются «размер рынка» (11-е место в мире), «внедрение ИКТ» (24-е место), «инновационная активность» (39-е место) и «макроэкономическая стабильность» (45-е место).

В современных условиях «осыпающегося мира», слома глобальной архитектуры, структурных сдвигов и формирования новых «центров силы» [5; 8] особое значение имеет оценка показателя макроэкономической стабильности как конкурентного преимущества. Также необходимо отметить высокие позиции ЕАЭС по внедрению ИКТ и инновационной активности, которые являются индикаторами соответствия тренду цифрового и инновационного развития экономики.

Динамика позиций государств — членов ЕАЭС в рейтинге индекса глобальной конкурентоспособности в 2010–2019 гг. приведена в таблице 1.

Таблица 1

Динамика позиций государств — членов ЕАЭС в рейтинге индекса глобальной конкурентоспособности за период 2010–2019 гг.

Table 1. Dynamics of the positions of the EAEU member states in the rating of the global competitiveness index for the period 2010–2019

Показатель	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Количество стран	139	140	138	137	140	141
Республика Армения	98	82	79	73	70	69
Республика Беларусь	-	-	-	-	-	-
Республика Казахстан	72	42	53	57	59	55
Кыргызская Республика	121	102	111	102	97	96
Российская Федерация	63	45	43	38	43	43
ЕАЭС	64	45	44	40	45	44

Источник: Экономическое развитие Евразийского экономического союза и государств-членов в 2020 году: международные рейтинги: Аналитический доклад ЕАК. С. 29 [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/82a/Ekonomicheskoe-razvitiye-EAES-i-gosudarstv_chlenov-v-2020-g.-Mezhdunarodnye-reytingi.pdf (дата обращения: 05.08.2021).

По показателю «сложность экономики», оценивающему экономику страны на основе результатов анализа интенсивности использования знаний при производстве продуктов, поставляемых на экспорт, который представлен в «Атласе сложности экономики», по состоянию на 01.01.2019 ЕАЭС занимает 53-е место в рейтинге из 133 экономик [13, с. 32] и по величине этого показателя, согласно методологии ВЭФ, также приближается к формированию конкурентного преимущества (-3 позиции).

В рейтинге ООН по индексу целей устойчивого развития (ЦУР) в 2019 г. Беларусь заняла 23-е место (как и в 2018 г.), Кыргызстан — 48-е место (продвижение на 3 позиции вверх по сравнению с результатом 2018 г.), Россия — 55-е место (8 позиций вверх), Армения — 75-е место (17 позиций вниз), Казахстан — 77-е место (12 позиций вниз).

При оценке ЦУР в ЕАЭС важно идентифицировать национальные различия. Так, например, для Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана ЦУР 14 «Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития» была определена как неактуальная, так как эти страны не имеют выхода к Мировому океану, тогда как реализация ЦУР 1 «Повсеместная ликвидация нищеты во всех формах» была достигнута всеми странами ЕАЭС [1, с. 96].

Несомненным успехом ЕАЭС, потенциал которого трудно переоценить, является его институциональное оформление в денежно-кредитной сфере, проявляющееся в функционировании двух институтов развития — Евразийского банка развития (ЕАБР) и Евразийского фонда стабилизации и развития (ЕФСР).

ЕАБР является институтом содействия экономическому росту национальных экономик, расширению торгово-экономических связей между странами-участниками, развитию интеграционных процессов на евразийском пространстве посредством осуществления инвестиционной деятельности, в фокусе которой финансирование проектов с сильным интеграционным эффектом и национальных проектов развития.

В 2020 г. ЕЭК и ЕАБР сформировали правовую базу для совместной работы — была создана рабочая группа по рассмотрению кооперационных проектов с интеграционным потенциалом, утверждены критерии отнесения проекта к кооперационному и разработан порядок рассмотрения и финансирования проектов. В качестве примеров такого сотрудничества можно привести финансирование программы обновления парка подвижного состава Южно-Кавказской железной дороги¹, а также предоставление АО «Соколовско-Сарбайское горно-обогатительное производственное объединение» кредитной линии для предэкспортного финансирования, а также финансирования инвестиционной программы компании².

В 2019 г. инвестиционный портфель ЕАБР включал 85 проектов, увеличившись на 29 проектов по сравнению с 2018 г. (прирост объема инвестиций составил около \$1,4 млрд) [3].

ЕАБР имеет кредитный рейтинг Fitch — BBB+, что позволяет компаниям стран-участниц, имеющих более низкий суверенный рейтинг, приобретать активы с низким коэффициентом риска. Это актуально для всех без исключения стран ЕАЭС, кредитный рейтинг Fitch которых в 2020 г. составлял соответственно: Республика Армения — В+; Республика Беларусь — В; Республика Казахстан — BBB; Российская Федерация — BBB.

По состоянию на 01.06.2021 объем текущего финансирования инвестиционного портфеля ЕАБР составил более \$4,36 млрд³.

Анализ отраслевой структуры текущего инвестиционного портфеля ЕАБР (таблица 2) позволяет сделать вывод о том, что приоритетными отраслями и сферами деятельности являются транспорт (24,4%), энергетика (17,4%) и финансы (16,3%), составляющие в сумме более 58% общего объема инвестиций; в страновой структуре текущего инвестиционного портфеля ЕАБР доминируют Российская Федерация (38,1%) и Республика Казахстан (35,6%), на долю которых приходится около 74% общих инвестиций.

Таблица 2

Структура текущего инвестиционного портфеля ЕАБР в разрезе отраслей и стран, %

Table 2. Structure of the EDB's Current Investment Portfolio by Industry and Country, %

Отраслевая структура		Страновая структура	
Транспорт	24,4	Российская Федерация	38,1
Энергетика	17,4	Республика Казахстан	35,6
Финансовый сектор	16,3	Республика Беларусь	23,9
Химическая промышленность	14,6	Кыргызская Республика	1,3
Иная инфраструктура	9,4	Республика Армения	1,1
Горнодобывающая промышленность	8,8		
Машиностроение	5,4		
Прочие отрасли	1,9		

Источник: Экономическое развитие Евразийского экономического союза и государств-членов в 2020 году. Международные рейтинги: аналитический доклад ЕАК [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/82a/Ekonomicheskoe-razvitiye-EAES-i-gosudarstv_chlenov-v-2020-g.-Mezhdunarodnye-reytingi.pdf (дата обращения: 05.08.2021).

ЕАБР является Управляющим средствами ЕФСР, который был учрежден в 2009 г. правительствами Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана в размере \$8,513 млрд. Концептуально ЕФСР представляет собой финансовый механизм по преодолению национальными экономикami негативных последствий мирового финансового и экономического кризиса, обеспечения их экономической и финансовой устойчивости, а также содействию дальнейшему углублению экономиче-

¹ Производство вагонов ЗАО «Южно-Кавказская железная дорога» (100%-ная «дочка» РЖД) освоено на площадке Тверского вагоностроительного завода.

² Меморандум о сотрудничестве был подписан на ПМЭФ-2021 ЕАБР и Eurasian Resources Group (ERG).

³ Евразийский Банк Развития — 15 лет: цифры и факты [Электронный ресурс]. URL: <https://eabr.org/about/facts-and-figures/> (дата обращения: 05.08.2021).

ской интеграции. В «Стратегии Евразийского банка развития на период с 2018 по 2022 год»¹ драйверами экономического развития, способными положительно образом отразиться на инвестиционной активности и деятельности ЕАБР, названы: потенциал снижения процентных ставок; восстановление взаимного товарооборота и инвестиций по сравнению с низким уровнем 2014–2015 гг.; повышение суверенных и корпоративных рейтингов в странах — членах ЕАБР.

Индикатором успешности функционирования интеграционного объединения как выражение синергетического эффекта совместных усилий всех участников интеграционного процесса стало улучшение позиций всех государств — членов ЕАЭС в рейтинге ведения бизнеса Doing Business.

В рейтинге «Ведение бизнеса — 2020» ЕАЭС занимает 29-е место из 190 экономик мира. По сравнению с рейтингом 2019 г. произошло улучшение на 2 позиции (уже третий год подряд), обусловленное положительной динамикой в рейтинге крупнейших экономик ЕАЭС — Казахстана и России, которые занимают наиболее высокие позиции среди государств — членов ЕАЭС: 25 и 28 соответственно (таблица 3).

Таблица 3

Динамика позиций государств — членов ЕАЭС в рейтинге Doing Business за период 2015–2020 гг.

Table 3. Dynamics of the positions of the EAEU member states in the Doing Business rating for the period 2015–2020

Показатель	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Количество стран	189	189	190	190	190	190
Республика Армения	45	35	38	47	41	47
Республика Беларусь	57	44	37	38	37	49
Республика Казахстан	77	41	35	36	28	25
Кыргызская Республика	102	67	75	77	70	80
Российская Федерация	62	51	40	35	31	28
ЕАЭС	63	50	40	35	31	29

*Источник: Экономическое развитие Евразийского экономического союза и государств-членов в 2020 году. Международные рейтинги: аналитический доклад ЕАК. С. 64 [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/82a/Ekonomicheskoe-razvitiye-EAES-i-gosudarstv_chlenov-v-2020-g.-Mezhdunarodnye-reytingi.pdf (дата обращения: 05.08.2021).

Если говорить о ключевых макроэкономических рисках ЕАЭС, то в среднесрочной перспективе до 2022 г. таковыми являются: повышение процентной ставки ФРС США, что может привести к удорожанию кредитных ресурсов на развивающихся рынках; сохранение / усиление санкционного давления на российскую экономику; сохранение структурных дисбалансов в экономиках стран операций ЕАБР.

Но одним из главных вызовов евразийской интеграции, по нашему мнению, является так называемый «нулевой углеродный след» и намерение ЕС ввести в 2025 г. трансграничный углеродный налог в качестве инструмента климатического регулирования. Необходимо отметить при этом, что, так как раньше углеродный сбор в мировой практике не вводился, представляется достаточно сложным оценить последствия планируемого к введению ЕС механизма климатического регулирования.

В настоящее время наиболее распространенными формами климатического регулирования являются: а) непосредственно углеродный налог (carbon tax), представляющий собой установление платы за каждую единицу выбросов; б) система торговли квотами на выброс (Emission Trading Scheme), подразумевающая установление верхней границы эмиссии парниковых газов государством с последующей выдачей разрешений на такую эмиссию компаниям.

В случае если компания превышает выделенный ей объем эмиссии, то в одной из конфигураций подобной системы предприятие может купить дополнительный объем разрешенных выбросов у государства. В общем случае возможна покупка у других участников рынка, имеющих избыточные объемы квот.

¹ Стратегия Евразийского банка развития на период с 2018 по 2022 год [Электронный ресурс]. URL: <https://eabr.org/upload/iblock/298/UTVERZHDENNAYA-STRATEGIYA-EABR-NA-PERIOD-S-2018-PO-2022-GOD.PDF> (дата обращения: 05.08.2021).

В любом случае дополнительные выбросы парниковых газов приводят к росту издержек предприятия и негативно отражаются на финансовых результатах его деятельности.

Согласно данным Всемирного Банка, вопросы регулирования выбросов не решены (за исключением пилотных регионов) в большинстве стран Южной Америки, Африки, Ближнего Востока, России и США. Несмотря на то, что система торговли квотами более распространена в мире, ее сравнительная эффективность относительно прямого углеродного сбора представляет собой достаточно дискуссионный вопрос (таблица 4).

Таблица 4

Сравнительный анализ инструментов регулирования выбросов парниковых газов

Table 4. Comparative analysis of greenhouse gas emission regulation instruments

Достоинства	Недостатки
Углеродный налог	
Более низкие операционные издержки администрирования	Методологические сложности с определением ставки налога на единицу выбросов
Целевое увеличение бюджетных фондов агентств, непосредственно ответственных за изменение климата	Низкая точность прогнозирования эмиссии парниковых газов
Уверенность инвесторов в долгосрочных проектах вследствие прогнозируемости издержек и отсутствия ограничений объема эмиссии	Уже совершенные инвестиции в инфраструктуру могут создавать ситуацию, в которой выгоднее платить налог без сокращения выбросов
Торговля квотами на выбросы парниковых газов	
Рыночный механизм позволяет отраслям с низкими выбросами продавать избыточные квоты более крупным источникам выбросов	Высокие издержки создания и администрирования торговых площадок и мониторинга
Сдерживание источников выбросов в пределах заранее выделенного углеродного бюджета	Колебания цен на квоты в зависимости от параметров спроса повышают риски инвесторов
Развитие вторичного биржевого рынка торговли квотами (рыночный механизм перераспределения квот может быть эффективнее, чем налоговая ставка, которую сложно корректно рассчитать)	

Источник: Вызовы углеродного регулирования. Энергетический бюллетень. Март 2021, № 94. С. 20 [Электронный ресурс]. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/energo/2021/%D0%B1%D1%8E%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%8C_%E2%84%96_94.pdf

(дата обращения: 05.08.2021).

Необходимо отметить также, что в мировой практике в настоящее время обсуждаются гибридные подходы как по отношению к отдельным секторам, так и в целом к экономике. Не последнюю роль при этом играет сложность создания и администрирования системы торговли квотами на выбросы. Эффекты от введения рассмотренных инструментов регулирования парниковых выбросов определяются особенностями институциональной среды, что препятствует выявлению предпочтительного варианта формы пограничного углеродного сбора.

Последние инициативы ЕС в области декарбонизации предусматривают введение системы трансграничного углеродного регулирования (TCR). Евросоюз последовательно реализует стратегию по декарбонизации своей экономики и промышленности, в основе которой лежит система торговли квотами на выбросы. В рамках этой стратегии с 2019 г. ведется разработка механизма, предполагающего взимание платы за так называемый углеродный след импортируемой в ЕС продукции.

Развивая договоренности Парижского соглашения по климату¹, многие страны приняли на себя обязательства перейти к экономике с нетто-нулевыми выбросами парниковых газов. Чтобы минимизировать ущерб, просто снизить объемы выброса уже недостаточно — необходимо добиться нетто-нулевого выброса парниковых газов (Zero-carbon footprint или безуглеродный след). Нетто-нулевые выбросы означают, что выбросы должны быть не только снижены, но и сбалансированы поглощением равного количества парниковых газов, прежде всего — углекислого газа.

Цели по ограничению повышения температуры на установленную величину не более 1,5 °C должны быть достигнуты к 2050 г. Среди стран, уже принявшим на себя обязательства достичь нетто-нуле-

¹ Соглашение вступило в силу 4 ноября 2016 г.

вых выбросов к 2050 г., Германия, Испания, Великобритания, Франция, Норвегия, Дания, Швейцария, Португалия, Новая Зеландия, Чили, Коста-Рика. Швеция поставила целью добиться этого к 2045 г., Исландия и Австрия — к 2040 г., а Финляндия — к 2035 г.

О цели достижения нетто-нулевых выбросов углеводорода в Китае к 2060 г. заявил председатель Госсовета КНР Си Цзиньпин, выступая на сессии ООН; для этого до 2050 г. в Китае необходимо будет снизить долю углеводородных источников с 85% до 25%. Насколько это реально, пока непонятно, учитывая доминирующую роль угля в энергетическом балансе Китая (58% по уровню 2019 г.).

Следование принципам нетто-нейтральной политики в отношении выбросов парниковых газов к 2050 г. не только стало продолжением инициатив конвенции ООН по климату 1992 г., но и получило поддержку на законодательном уровне (Европейский закон о климате), что уже отражено в национальных законодательствах Великобритании, Дании, Норвегии, Франции и Швеции.

В настоящее время крупнейшими производителями и потребителями углеводородного сырья в мире является ЕС, КНР, Россия, Саудовская Аравия и США [8]. И хотя все они подписали и ратифицировали Парижское соглашение по климату, у каждой страны свой взгляд на то, как именно должны реализовываться меры по достижению нулевого углеродного следа. При этом есть опасность, что проблемы дня сегодняшнего, усугубленные пандемией COVID-19, могут не позволить увидеть главное: «Смена экономических укладов набирает темп, энергетический переход только ускоряется и, поскольку процесс не остановить, в выигрыше окажется тот, кто сможет его возглавить» [2, с. 20].

Евросоюз является основным покупателем экспортируемых государствами — членами ЕАЭС товаров (37,8% совокупного экспорта). Среди стран ЕС наиболее существенны поставки товаров в Нидерланды (около 8%) и Германию (более 5%). Российская Федерация лидирует по объему экспорта углеродоемких товаров в ЕС как в стоимостном выражении, так и по доле этой продукции в совокупном объеме отечественного экспорта; доля этих товаров в российском экспорте в ЕС составляет около 13%.

По прогнозу специалистов Института проблем естественных монополий (ИПЕМ), российским экспортерам введение углеродного налога ЕС может обойтись ежегодными потерями в \$2,2 млрд [12]. Эта оценка проводилась исходя из размера сбора за выброс углерода для европейских производителей в 2019 г., когда он составлял \$27,81 за 1 т CO₂. Но на конец марта 2021 г. эта ставка превышала \$50 за 1 т CO₂, поэтому объем издержек может быть еще более ощутим.

По результатам исследования ИПЕМ, существуют три возможных сценария обложения углеродной пошлиной российского экспорта в ЕС, которые различаются продуктовой глубиной налогообложения: только продукция нижних переделов (сырая нефть, необработанные металлы, удобрения, пиломатериалы); продукция нижних переделов плюс электроэнергия; продукция нижних переделов, электроэнергия плюс продукция средних (химикаты, бумага) и верхних переделов (товары машиностроения).

Необходимо отметить, что существуют и более жесткие оценки последствий введения мер углеродного регулирования ЕС, чем оценки ИПЕМ. Так, например, эксперты KPMG¹ (глобальная организация независимых фирм, предоставляющих аудиторские, налоговые и консультационные услуги) рассматривают три сценария введения европейского климатического налога для поставляемых из России товаров, и при базовом варианте российские экспортеры должны будут заплатить €33,3 млрд за период 2025–2030 гг.

По оценкам экспертов BCG (международная компания, специализирующаяся на управленческом консалтинге), согласно базовому сценарию введения налога на уровне \$30 за тонну выбросов потери составят: \$1,4–2,5 млрд в год для нефтегазового сектора, \$0,3–0,4 млрд в год для экспортеров цветных металлов, \$0,6–0,8 млрд в год для секторов черных металлов и угля [2]. В методологии расчета BCG учтены факторы потери части нефтяного рынка в пользу Саудовской Аравии в случае медленной адаптации российских производителей к низкоуглеродному вектору.

Если говорить о современных проблемах функционирования ЕАЭС и снижении его веса в мировой экономике (впрочем, как и веса ШОС), а также отставании роста ВВП ЕАЭС от мирового экономического

¹ KPMG оценила ущерб для России от введения углеродного налога в ЕС [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/business/07/07/2020/5f0339a39a79470b2fdb51be> (дата обращения: 05.08.2021).

роста на протяжении последних лет, то для изменения этой негативной тенденции необходимо развивать кооперацию и научно-техническое сотрудничество. Безусловно, мы согласны с тем, что только «целевой сценарий научно-технологического прорыва позволит переломить тенденцию отставания от стран-лидеров, поднять место ЕАЭС в глобальной экономике... вместо стратегий встраивания и догоняющего развития получают преимущества более активные стратегии» [11]; необходимо также использовать экспериментальные, нетривиальные подходы. И в данном контексте следует отметить актуальность создания Научно-технического совета (НТС) при Председателе Коллегии ЕЭК.

10 сентября 2020 г. на первом заседании президиума НТС обсуждались вопросы научного сопровождения стратегических направлений развития евразийской интеграции и перспективы реализации межгосударственных программ и инновационных проектов; в качестве ключевых направлений, требующих научного сопровождения, обоснованно определено формирование научно-технологической политики и приоритетных направлений научно-технического прогресса, повышение инновационной активности, конкурентоспособности экономик стран — членов ЕАЭС.

17 февраля 2021 г. на втором заседании президиума НТС при Председателе Коллегии ЕЭК было предложено разработать международный договор о научно-техническом сотрудничестве в ЕАЭС.

Таким образом, с достаточным на то основанием можно предположить существенные подвижки в направлении роста конкурентоспособности и жизнеспособности ЕАЭС в среднесрочной перспективе.

Обсуждение

Отвечая на вызовы климатического регулирования ЕС, ЕАЭС предстоит разработать и принять общую экономическую политику в сфере ТСР, воспользоваться коллективным переговорным ресурсом для взаимодействия с такими крупнейшими экономиками, как ЕС, США и КНР.

Российская Федерация сегодня, к сожалению, не имеет продуманной стратегии сокращения выбросов, но одним из перспективных предложений является необходимость увязки введения углеродных сборов с запуском биржи поглощающей способности и снижения выбросов. Для России это был бы выигрышный сценарий, т. к., располагая 20% всего мирового лесного фонда и объективно являясь «зелеными легкими» планеты, наша страна могла бы нивелировать негативное воздействие углеродного налога на конкурентоспособность российских компаний и товаров.

В Российской Федерации для проведения зачетов по выбросам предлагается создание специальных карбонопоглощающих систем, соразмерных по стоимости со ставками ТСР. Планируется, что российская система торговли квотами на выбросы (Emission Trading System — ETS) будет действовать на добровольной основе и принцип ее функционирования состоит в том, что если российская компания осуществляет проекты по утилизации и сокращению выбросов CO₂, то она может предложить кому-то из экспортеров выкупить эти объемы для последующего зачета в рамках ТСР стран-импортеров. Цена CO₂ в рамках ETS формируется рынком с использованием цифровых инструментов (например, технологии блокчейн). Конечно, чтобы такая система работала, она должна быть адаптирована к специализированным стандартам и признана ЕС.

В целях реализации проекта ETS перспективным также представляется изучение мирового опыта в части создания так называемых карбоновых хабов — экосистемы по снижению выбросов CO₂. Экономический эффект функционирования такой экосистемы состоит в возможности обмена квоты по утилизации в зачет вводимых налогов на выбросы CO₂. Развитие карбоновых хабов в России, с одной стороны, позволит оставить, сохранить и использовать финансовые ресурсы в национальной экономике, а с другой — даст возможность утилизировать значительные объемы парникового газа, производимого экспортерами.

Экспериментальное внедрение мер регулирования выбросов в отдельных регионах до его запуска на национальном уровне является достаточно распространенной практикой. Так, в 2020 г. в мире на региональном уровне действовали 3 углеродных налога, 17 систем торговли выбросами промышленных газов и 9 региональных систем климатических проектов. В феврале 2021 г. после завершения десятилетнего эксперимента по созданию систем торговли выбросами промышленных газов в семи провинциях национальная система была запущена в Китае.

В Российской Федерации на стадии разработки документ по эксперименту в Сахалинской области, которая стремится стать углеродно-нейтральным регионом; на территории региона планируется создание первого карбонового хаба в России¹. Сахалинский карбоновый хаб представляет собой экосистему по снижению концентрации диоксида углерода, включающую различные способы повышения энергоэффективности, строительство промышленных установок по утилизации CO₂ и последующей закачки в пласт, в том числе при добыче нефти и газа. Если результат регионального эксперимента по торговле эмиссионными квотами в Сахалинской области будет эффективным, то можно говорить о его существенном экономическом потенциале, так как объем только европейского рынка подобных квот превышает €50 млрд.

В данном контексте необходимо отметить, что в этом году Сахалинская область подписала меморандум с госкорпорацией «Росатом» и ведущим производителем промышленных газов — компанией Air Liquide; инвестиции по проекту оцениваются в 15 млрд руб. Несмотря на то, что задача по достижению углеродной нейтральности в Сахалинской области выглядит достаточно трудоемкой с учетом присутствия в регионе мощного нефтегазового комплекса, представленного компаниями «Эксон Нефтегаз Лимитед», «Сахалин Энерджи Инвестмент Компани, Лтд.» (проект «Сахалин-2», реализуемый на условиях СРП), ООО «Газпром добыча шельф Южно-Сахалинск», ООО «РН-Сахалинморнефтегаз», АО «Петросах», АО «Сахалинская нефтяная компания», АО «РН-Шельф — Дальний Восток», она решается, так как две компании являются дочерними предприятиями ПАО «Роснефть» — экологического лидера отрасли.

Вслед за Сахалином к торговле квотами на выброс углерода готовы приступить еще два субъекта РФ — Нижегородская и Калининградская области.

Биржу поглощающих выбросов, подобную проектируемой в России, можно создать в рамках ЕАЭС для общего, евразийского, ответа на глобальный вызов нулевого углеродного следа.

Для создания механизма финансирования научно-технического сотрудничества необходимо использовать экспериментальные подходы, например, введение экспортной пошлины на углеродный след. Посредством экспортной (вывозной пошлины), представляющей собой часть стоимости вывозимого за границу товара, переходящей от компании-экспортера в пользу государства, оно забирает часть доходов экспортеров и перенаправляет их на различные нужды страны. Таким образом, экспортная пошлина (вывозной сбор) на углеродный след — доля от величины углеродного налога ЕС, уплачиваемая экспортерами в пользу федерального бюджета и идущая на цели финансирования научно-технического сотрудничества в рамках евразийской интеграции.

Заключение

Переход на следующий эволюционный уровень евразийской интеграции — от Таможенного союза к Экономическому союзу, с созданием общих рынков, требует более высокого уровня интеграции, формирования другой доверенной среды. Так, достигнута принципиальная договоренность и одобрена концепция создания к 2025 г. общего рынка углеводородов, т. е. запуска системы интегрированных электронных торгов, на которых страны — члены ЕАЭС смогут устанавливать свои условия поставок, транспортировки и хранения нефти и нефтепродуктов в границах единого экономического пространства ЕАЭС. Единый рынок углеводородов ЕАЭС, который впоследствии может быть легко интегрирован в мировой рынок посредством допуска к торгам иностранных компаний, повысит экономическую эффективность процесса «монетизации» добавленной стоимости от сырьевого экспорта.

В ближайшем будущем должна быть выработана общая позиция по единой углеродной политике, единому биржевому пространству (как ключу для создания единого финансового рынка), разработаны законодательство опережающего развития и евразийская программа импортозамещения, решены вопросы цифровой безопасности (что особенно актуально в случае внедрения на евразийском пространстве цифровых навигационных пломб), созданы цифровые зеленые бесшовные коридоры.

Траектория развития ЕАЭС — дорога с односторонним движением, с которой свернуть уже невозможно.

¹ Сахалинская область достигнет углеродной нейтральности к 2025 году [Электронный ресурс]. URL: https://sakhalin.gov.ru/index.php?id=105&tx_ttnews%5Btt_news%5D=17463&cHash=4eee4ea01e90be0e10abd30c934ebcc9 (дата обращения: 05.08.2021).

Литература

1. В поисках новой архитектуры многополярности: международное сотрудничество ЕАЭС: докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Москва, 2020 г. / Ю. А. Белоус, Т. В. Бордачев, М. К. Глазатова и др. / под научн. ред. Т. А. Мешковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 132 с.
2. Вызовы углеродного регулирования [Электронный ресурс] // Энергетический бюллетень. Март 2021, № 94. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/energo/2021/%D0%B1%D1%8E%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%8C_%E2%84%96_94.pdf (дата обращения: 05.08.2021).
3. Евразийская экономическая интеграция — 2019. М. : ЦИИ ЕАБР, 2019. 140 с. [Электронный ресурс]. URL: [EDB_Centre_Report_52_Eurasian_Economic_Integration_2019_rus.pdf](http://eabr.org/EDB_Centre_Report_52_Eurasian_Economic_Integration_2019_rus.pdf) (eabr.org) (дата обращения: 05.08.2021).
4. Куклина Е. А. К вопросу использования рейтингов при оценке эффективности экономики России: Международный экономический симпозиум — 2017: материалы международных научных конференций 20–21 апреля 2017 г.; Международной конференции молодых ученых-экономистов «Развитие современной экономики России»; IV Международной научно-практической конференции «Устойчивое развитие: общество и экономика»; IV Международной научной конференции: Соколовские чтения «Бухгалтерский учет: взгляд из прошлого в будущее» / ред. колл.: О. Л. Маргания, С. А. Белозеров [и др.]. СПб. : Скифия-принт, 2017. С. 565.
5. Куклина Е. А. К проблеме устойчивого развития России в условиях системных сдвигов и вызовов // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего: XVII Международные Лихачевские научные чтения. 18–20 мая 2017 г. СПб. : СПбГУП, 2017. С. 496–498.
6. Куклина Е. А. Модель российской экономики в глобальном осыпающемся мире. Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости: XIX Международные Лихачевские научные чтения. 22–24 мая 2019 г. СПб. : СПбГУП, 2019. С. 496–498.
7. Куклина Е. А. Рейтинги России в мировой экономике и эффективность государственного управления: материалы IX Международной научно-практической конференции «Государство и бизнес. Современные проблемы экономики». 19–21 апреля 2017 г. Т. 3. СПб., 2017. С. 21–29.
8. Куклина Е. А. Устойчивое развитие и новые вызовы энергетического рынка: поправка на “new normal” // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. № 3 (25). 2018. С. 27–35.
9. Куклина Е. А. Устойчивое развитие, жизнеспособность и региональная безопасность // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Серия: Экономика. № 2. Т. 6. 2015. СПб. : ЛГУ. 2015. С. 21–27.
10. Куклина Е. А. Экономическая безопасность региона в системе координат «конкурентоспособность — успешность». Экономическая безопасность: региональный аспект: сб. материалов II Межвуз. науч.-практ. конф. СПб., 19 декабря 2014 г. / под ред. д. э. н., проф. Т. И. Безденежных, д. пед. н., проф. В. В. Шапкина. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2015. С. 142–145.
11. Место ЕАЭС в мире стратегических изменений: сценарий «Собственный центр силы» на основе научно-технологического прорыва — долгосрочный ответ на вызовы глобального экономического кризиса, вызванного пандемией: аналитический доклад. М., октябрь 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/f98/Doklad-Mesto-EAES-v-mire.pdf> (дата обращения: 05.08.2021).
12. Нулевой углеродный след: риски и возможности для нефтегазовой отрасли [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ngv.ru/magazines/article/nulevoy-uglerodnyy-sled-riski-i-vozmozhnosti-dlya-neftegazovoy-otrasli/> (дата обращения: 05.08.2021).
13. Экономическое развитие Евразийского экономического союза и государств-членов в 2020 году: международные рейтинги: аналитический доклад ЕАК [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/82a/Ekonomicheskoe-razvitie-EAES-i-gosudarstv_chlenov-v-2020-g.-Mezhdunarodnye-reytingi.pdf (дата обращения: 05.08.2021).

Об авторе:

Куклина Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук; kuklina-ea@ranepa.ru

References

1. In Search of a New Architecture of Multipolarity: International Cooperation of the EAEU: Dokl. by XXI Apr. int. scientific. conf. on the problems of economic and social development. Moscow, 2020 / Yu. A. Belous, T. V. Bordachev,

- M. K. Glazatova and others / under scientific. ed. T. A. Meshkova; Nat. issled. University Higher School of Economics. M. : Ed. House of the Higher School of Economics, 2020. 132 p. (In rus)
2. Challenges of carbon regulation [Electronic resource] // Energy bulletin. March 2021, No. 94. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/energo/2021/%D0%B1%D1%8E%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%8C_%E2%84%96_94.pdf (date accessed: 05.08.2021). (In rus)
3. Eurasian Economic Integration — 2019. M. : EDB Center for Integration Studies, 2019. 140 p. [Electronic resource]. URL: [EDB_Centre_Report_52_Eurasian_Economic_Integration_2019_rus.pdf](http://eabr.org/EDB_Centre_Report_52_Eurasian_Economic_Integration_2019_rus.pdf) (eabr.org) (date of access: 05.08.2021). (In rus)
4. Kuklina E. A. On the use of ratings in assessing the efficiency of the Russian economy: International Economic Symposium — 2017: materials of international scientific conferences on April 20–21, 2017; International conference of young scientists-economists "Development of the modern economy of Russia"; IV International Scientific and Practical Conference "Sustainable Development: Society and Economy"; IV International Scientific Conference: Sokolov Readings "Accounting: a look from the past to the future" / ed. call.: O. L. Margania, S. A. Belozero [and others]. SPb. : Scythia-print, 2017. P. 565. (In rus)
5. Kuklina E. A. On the problem of sustainable development of Russia in the context of systemic shifts and challenges // Global world: systemic shifts, challenges and contours of the future: XVII International Likhachev Scientific Readings. May 18–20, 2017, St. Petersburg : SPbGUP, 2017. P. 496–498. (In rus)
6. Kuklina E. A. Model of the Russian economy in the global crumbling world. World Development: Problems of Predictability and Controllability: XIX International Likhachev Scientific Readings. May 22-24, 2019, St. Petersburg : SPbGUP, 2019. P. 496–498. (In rus)
7. Kuklina E. A. Ratings of Russia in the world economy and the efficiency of public administration: materials of the IX International scientific-practical conference "State and business. Modern problems of the economy ". April 19-21, 2017, V. 3. SPb., 2017. P. 21–29. (In rus)
8. Kuklina E. A. Sustainable development and new challenges of the energy market: an amendment to the "new normal" // Eurasian integration: economics, law, politics. No. 3 (25). 2018. P. 27–35. (In rus)
9. Kuklina E. A. Sustainable development, viability and regional security // Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin. Series: Economics. No. 2. Vol. 6. 2015. SPb. : LSU. 2015. P. 21–27. (In rus)
10. Kuklina E. A. Economic security of the region in the "competitiveness — success" coordinate system. Economic security: regional aspect: collection of articles. materials II Interuniversity. scientific-practical conf. SPb., December 19, 2014 / ed. dr. econ. sc., prof. T. I. Bezdenezhnykh, dr. ped. sc, prof. V. V. Shapkin. SPb. : Publishing house of St. Petersburg State University of Economics, 2015. P. 142–145. (In rus)
11. The place of the EAEU in the world of strategic changes: the scenario "Own center of power" based on a scientific and technological breakthrough — a long-term response to the challenges of the global economic crisis caused by the pandemic: analytical report. M., October 2020 [Electronic resource]. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/f98/Doklad-Mesto-EAES-v-mire.pdf> (date accessed: 05.08.2021). (In rus)
12. Zero carbon footprint: risks and opportunities for the oil and gas industry [Electronic resource]. URL: <http://www.ngv.ru/magazines/article/nulevoy-uglerodnyy-sled-riski-i-vozmozhnosti-dlya-neftegazovoy-otrasli/> (date of access: 05.08.2021). (In rus)
13. Economic development of the Eurasian Economic Union and member states in 2020: international ratings: analytical report of the EAC [Electronic resource]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/82a/Ekonomicheskoe-razvitiye-EAES-i-gosudarstv_chlenov-v-2020-g.-Mezhdunarodnye-reytingi.pdf (date of access: 05.08.2021). (In rus)

About the author:

Evgenia A. Kuklina, Full Professor of the Department of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), kuklina-ea@ranepa.ru

Международно-правовые особенности реализации конституционных прав граждан государств — членов ЕАЭС в сфере пенсионного обеспечения

Мишальченко Ю. В.^{1,*}, Платонова Л. А.², Торопыгин А. В.³

¹Экономический суд СНГ; * myv2008@mail.ru

²Государственное учреждение — Отделение Пенсионного фонда РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Санкт-Петербург, Российская Федерация

³Северо-Западный институт управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В данной статье пенсионное обеспечение трудящихся государств — членов Евразийского экономического союза исследовано на основе анализа законодательства интеграционной организации ЕАЭС и сравнительного анализа внутригосударственного пенсионного законодательства государств — членов ЕАЭС с целью выявления особенностей социальной защиты их граждан при наступлении нетрудоспособности. В статье рассмотрен порядок организации пенсионного обеспечения в рамках Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС от 20 декабря 2019 г.

Ключевые слова: пенсионное обеспечение, права человека, конституционное право на пенсионное обеспечение, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), пенсионный возраст, трудовая деятельность, страховой (трудовой) стаж, интеграция, трудовая миграция

Для цитирования: Мишальченко Ю. В., Платонова Л. А., Торопыгин А. В. Международно-правовые особенности реализации конституционных прав граждан государств — членов ЕАЭС в сфере пенсионного обеспечения // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 3. С. 66–76.

International Legal Features of the Constitutional Rights Implementation of the EAEU Member States Citizens in the Field of Pensions

Yuri V. Mishalchenko^{a,*}, Lyudmila A. Platonova^b, Andrey V. Toropygin^c

^aThe CIS Economic Court; myv2008@mail.ru

^bState institution — Department of the Pension Fund of the Russian Federation in St. Petersburg and the Leningrad Region, Saint Petersburg, Russian Federation

^cRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Nord-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

This article considers the pension provision of workers of the Eurasian Economic Union member states based on an analysis of the EAEU legislation and a comparative analysis of the domestic pension legislation of the EAEU member states in order to identify the features of their citizens' social protection in the event of disability. The article discusses the procedure for organizing pensions provision with the application of an Agreement on Pension Provisions for Workers of the EAEU member states of 20 December 2019.

Keywords: pension provision, human rights, the constitutional right to pension provision, the Eurasian Economic Union (EAEU), retirement age, labor activity, insurance (work) experience, integration, labor migration

For citing: Mishalchenko Y. V., Platonova L. A., Toropygin A. V. International Legal Features of the Constitutional Rights Implementation of the EAEU Member States Citizens in the Field of Pensions // Eurasian integration: economics, law, politics. 2021. Vol. 15. No. 3. P. 66–76.

Права человека в различной степени признавались и охранялись властными структурами государств на протяжении всей истории человечества.

При этом понимание прав человека в его современной интерпретации возникло только во второй половине XX в. Создание Организации Объединенных Наций оказало неоспоримое влияние на развитие прав и свобод человека. Соответствующие положения о правах человека нашли отражение в Уставе ООН 1945 г., во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., в Международном пакте о гражданских и политических правах¹, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах² и иных правовых актах.

В преамбуле Всеобщей декларации прав человека³ заявлено, что положения Декларации носят рекомендательный характер, которые следует использовать в качестве образца, к которому должны стремиться все народы и государства, при этом права человека должны охраняться властью закона.

Международные пакты о правах человека, одобренные 16 декабря 1966 г. Генеральной Ассамблеей ООН, разделяют права человека на две группы:

- экономические, социальные и культурные права;
- гражданские и политические права.

Как отмечал Я. А. Островский, «приведенное разграничение было осуществлено при принятии Пактов по настоянию отдельных государств, возражавших против включения в разрабатываемый документ юридически обязательных положений по обеспечению прав человека в социально-экономической сфере» [9, с. 8–83]. Данный факт отображает разную степень готовности государств по принятию ответственности за соблюдение социальных, экономических и культурных прав человека. Ведь в отличие от Всеобщей декларации прав человека в случае прохождения в государствах процедуры ратификации Пактов о правах человека юридические обязанности по соблюдению обозначенных норм возлагаются на соответствующее государство.

Социальные права граждан, их реализация и защита являются одним из ключевых направлений в реализации социальной политики государства. Стремление государства в предоставлении и улучшении мер социальной защиты граждан находят отражение в том числе в ежегодных посланиях Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию. В 2021 г. были поставлены задачи по усовершенствованию систем здравоохранения и социального обеспечения, упрощению порядка обращения за соответствующими услугами, принятию мер по повышению уровня социальной защищенности отдельных категорий граждан и т. д.⁴

Формы предоставляемой государством социальной защиты граждан различаются, при этом, как отмечает И. М. Игнатьев, директор Департамента пенсионного обеспечения Минтруда России (основываясь на мнении экспертов МОТ), наиболее распространенной формой социальной защиты пожилых в мире является пенсия. При этом статистика Международной организации труда сообщает о необходимости

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах, принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения 04.03.2021).

² Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 04.03.2021).

³ Всеобщая декларация прав человека, принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 04.03.2021).

⁴ Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/65418> (дата обращения: 10.05.2021).

активизации работы по предоставлению гражданам социального обеспечения, так как до настоящего времени 32% пожилых людей по-прежнему не получают пенсии по возрасту [5, с. 29].

При этом право на пенсионное обеспечение в международных документах не ставит различий между гражданами страны, иностранными гражданами и лицами без гражданства.

Так, например, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, являющийся исполнительным органом ООН, осуществляющий надзор за соблюдением Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, в п. 36 Замечания общего порядка № 19 — Право на социальное обеспечение (ст. 9)¹, принятого 23 ноября 2007 г., дает разъяснения в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в том числе в отношении трудящихся-мигрантов, сообщая о необходимости предоставления возможности использования взносов, произведенных по программам социального обеспечения, в том числе возможности получения перечисленных средств обратно при выезде из страны. В отношении беженцев, лиц без гражданства и просителей убежища должен быть организован равный доступ к программам социального обеспечения, вне зависимости от уплаты взносов².

«Кроме источников, имеющих универсальное значение в международном масштабе, все более весомое значение для внутригосударственного, в том числе конституционного права приобретают международно-правовые акты регионального характера» [10, с. 147].

С момента распада Союза Советских Социалистических Республик начался период активного формирования интеграционного пространства Содружества Независимых Государств, в рамках которого были приняты Устав СНГ³, Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека⁴ и иные нормативные акты, направленные на защиту прав человека.

Закрепление прав человека на внутригосударственном уровне необходимо как для осуществления защиты прав самим человеком, так и для осуществления контроля по их соблюдению и защите с применением властных полномочий государства.

Основным правовым документом, закрепляющим права и свободы человека в определенном государстве, является конституция. В настоящее время в конституциях большинства цивилизованных государств включены важнейшие международно-правовые положения о правах человека.

И. А. Умнова считает, что «Конституции современных государств, особенно третьего и четвертого поколений, стремятся зафиксировать основополагающие принципы правового положения человека, исходя из норм международного права» [Там же, с. 377].

При этом конституции каждого отдельного государства, помимо положений основополагающих международных актов, в той или иной степени содержат и специфические культурные и национальные факторы, особенности исторического развития, традиции, обычаи [6, с. 33].

Права и свободы человека неразрывно связаны друг с другом и должны соблюдаться во всей их совокупности. Среди прочих равных закрепленных прав человека определено право на социальное (в том числе пенсионное) обеспечение, рассматриваемое в настоящей статье. Право на социальное (пенсионное) обеспечение закреплено в Конвенциях МОТ⁵, в нормативных документах региональных интеграционных сообществ, конституциях и законах государств. Право на социальное (пенсионное) обеспечение закреплено в конституциях государств — членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

¹ Международные договоры по правам человека. Том 1. Подборка замечаний общего порядка и общих рекомендаций, принятых договорными органами по правам человека [Электронный ресурс]. URL: https://www2.ohchr.org/english/bodies/icm-mc/docs/8th/hri.gen.1.rev9_ru.pdf (дата обращения: 28.02.2021).

² Аналогичные положения содержатся в Конвенции о статусе беженцев, ст. 23 и 24, и Конвенции о статусе апатридов, ст. 23 и 24.

³ Устав СНГ [Электронный ресурс]. URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=187> (дата обращения: 06.03.2021).

⁴ Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (заключена в Минске 26.05.1995) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6966/ (дата обращения: 06.03.2021).

⁵ Конвенция № 102 Международной организации труда о минимальных нормах социального обеспечения: заключена в г. Женеве 28 июня 1952 г.; Конвенция № 118 Международной организации труда о равноправии граждан страны и иностранцев и лиц без гражданства в области социального обеспечения: заключена в г. Женеве 28 июня 1962 г.; Конвенция № 128 Международной организации труда о пособиях по инвалидности, по старости и по случаю потери кормильца: заключена в г. Женеве 29 июня 1967 г.; Конвенция № 157 Международной организации труда об установлении международной системы сохранения прав в области социального обеспечения: заключена в г. Женеве 21 июня 1982 г. и иных документах.

В состав ЕАЭС на сегодняшний день входят пять государств: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация. Говоря о международно-правовых особенностях реализации конституционных прав граждан государств — членов ЕАЭС в сфере пенсионного обеспечения, представляется целесообразным рассмотреть положения конституции каждого государства в отдельности по вопросу предоставляемых гарантий в сфере пенсионного обеспечения.

В ст. 38 Конституции Республики Армения¹ закреплено право каждого на социальное обеспечение в случае материнства, многодетности, болезни, инвалидности, несчастных случаев на месте работы, нужды в уходе, потери кормильца, старости и иных случаях.

Конституция Республики Казахстан² в ст. 28 содержит гарантии в отношении граждан Республики Казахстан по установлению пенсий, социального обеспечения по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца и по иным законным основаниям.

В ст. 9 Конституции Кыргызской Республики³ заявлено, что Кыргызская Республика обеспечивает поддержку социально незащищенных категорий граждан, гарантирует минимальный размер оплаты труда, охрану труда и здоровья, а также развивает систему социальных служб, медицинского обслуживания, устанавливает государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты.

Кроме того, в силу традиций Кыргызской Республики в ст. 37 Конституции включены положения об обязанности осуществления заботы гражданина о родных и близких. Данная норма может быть рассмотрена как частичное возложение обязанностей по социальному обеспечению на семью и снятие с государства единоличной ответственности за обеспечение гражданина в случае нетрудоспособности. Аналогичные положения содержатся и в Конституции Российской Федерации.

Конституция Республики Беларусь⁴ гарантирует гражданам Республики Беларусь право на социальное обеспечение в старости, в случае болезни, инвалидности, утраты трудоспособности, потери кормильца и в других случаях, предусмотренных законом.

Конституция Российской Федерации⁵, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., в ст. 7 и 39 содержала гарантии социальной защиты в отношении каждого, в том числе гарантии социального обеспечения по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца.

С учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования, состоявшегося 1 июля 2020 г., помимо выше названных положений, дополнительно в ст. 75 были закреплены гарантии по формированию в Российской Федерации системы пенсионного обеспечения граждан на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений, поддержанию ее эффективного функционирования, а также положения об обязательности осуществления индексации пенсий не реже одного раза в год.

Таким образом, гарантии в сфере пенсионного обеспечения закреплены в Конституции каждого государства — члена ЕАЭС. Конституция одних государств закрепляет конституционные гарантии непосредственно на пенсионное обеспечение, в других указывает на гарантии социального обеспечения, подразумевая предоставление в их составе права на пенсии, не выделяя его в отдельный вид.

Несмотря на отличия в формулировках при определении круга лиц, на которых распространяются конституционные гарантии в сфере пенсионного обеспечения (в Республике Армения и в Российской Федерации гарантии пенсионного обеспечения распространяются на каждого, а в конституциях Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики Беларусь гарантии определены только в отношении граждан), пенсионное законодательство каждого из указанных государств действует как в отношении граждан соответствующего государства, так и в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, проживающих на его территории, в случае соблюдения иных условий, предусмотренных

¹ Конституция Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parliament.am/parliament.php?id=constitution&lang=rus> (дата обращения: 06.03.2021).

² Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 06.03.2021).

³ Конституция Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.kg/ru/p/constitution> (дата обращения: 06.03.2021).

⁴ Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 06.03.2021).

⁵ Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 06.03.2021).

соответствующим законом. Указанные нормы закреплены в ст. 7 Закона Республики Армения от 30 декабря 2010 г. № 3Р-243 «О государственных пенсиях»¹, в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 17.04.1992 № 1596-XII «О пенсионном обеспечении»², в ст. 1 Закона Кыргызской Республики от 21 июля 1997 г. № 57 «О государственном пенсионном социальном страховании»³, в ст. 2 Закона Республики Казахстан от 21 июня 2013 г. № 105-V «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан»⁴, в ст. 4 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях в Российской Федерации»⁵.

Кроме того, приоритет норм международных договоров, заключенных соответствующим государством по вопросам пенсионного обеспечения (с формулировкой «если иное не предусмотрено нормами международных договоров»), определен в законодательстве большинства государств — членов ЕАЭС, за исключением Республики Армения. В законодательстве Республики Армения международные договоры перечислены в качестве источников правового регулирования пенсионного обеспечения наряду с Конституцией Республики Армения, Законом о пенсионном обеспечении и иными правовыми актами без указания на необходимость их первостепенного применения.

Закрепленные в конституции права человека, основываясь на верховенстве указанного нормативного акта, нуждаются в специализированной защите. Механизм защиты представлен деятельностью института конституционного контроля, основная роль в котором принадлежит конституционному суду.

И. А. Иванова указывает, что, принимая решение по конкретному делу, Конституционный Суд выступает одновременно в роли правотворца, правоприменителя и субъекта толкования [4, с. 4].

Если оценивать акты Конституционного Суда Российской Федерации по силе влияния на пенсионное законодательство и частоте его применения при решении вопросов пенсионного обеспечения, особое внимание следует уделить Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 29 января 2004 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений ст. 30 Федерального закона “О трудовых пенсиях в Российской Федерации” в связи с запросами групп депутатов Государственной Думы, а также Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), Думы Чукотского автономного округа и жалобами ряда граждан»⁶. На основании указанного Постановления в Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (ч. 8 ст. 13) включены нормы о возможности (при подсчете стажа работы гражданина) применения положений законодательства, действовавшего в период выполнения работы, но утративших силу в настоящее время.

Механизм защиты конституционных прав граждан в сфере пенсионного обеспечения в Российской Федерации осуществляет свою деятельность через принятие актов конституционных судов. Аналогичные механизмы действуют на территории каждого государства — члена ЕАЭС, что подтверждается наличием соответствующих актов в каждом государстве, входящем в состав ЕАЭС⁷.

¹ Закон Республики Армения от 30 декабря 2010 года № 3Р-243 «О государственных пенсиях» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=4008&lang=rus> (дата обращения: 04.03.2021).

² Закон Республики Беларусь от 17.04.1992 № 1596-XII «О пенсионном обеспечении» [Электронный ресурс]. URL: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_pensionnom_obespechenii.htm (дата обращения: 04.03.2021).

³ Закон Кыргызской Республики от 21 июля 1997 г. № 57 «О государственном пенсионном социальном страховании» [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/557> (дата обращения: 04.03.2021).

⁴ Закон Республики Казахстан от 21 июня 2013 г. № 105-V «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан» [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31408637#pos=3;-108 (дата обращения: 04.03.2021).

⁵ Федеральный закон Российской Федерации от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38043> (дата обращения: 04.03.2021).

⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 января 2004 г. № 2-П [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29012004-n/> (дата обращения: 06.03.2021).

⁷ Например, Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 09.07.2014 № Р-944/2014 «О правовой неопределенности в правовом регулировании удостоверения личности при назначении пенсии органами по труду, занятости и социальной защите»; Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 20 апреля 2004 г. № 3 «О соответствии Конституции Республики Казахстан подпункта 5) пункта 1 статьи 23 Республики Казахстан “О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан” и подпункта 1) пункта 4 “Правил осуществления пенсионных выплат из пенсионных накоплений, сформированных за счет обязательных пенсионных взносов, добровольных профессиональных пенсионных взносов из накопительных пенсионных фондов”, утвержденных постановлением Правительства Республики Казахстан от 4 июля 2003 года, № 661»; Решение Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики от 16 ноября 2013 г. № 9-р «О проверке конституционности абзаца второго пункта 12 “О пенсиях за особые заслуги перед Кыргызской Республикой” в связи с обращением граждан Балтабаева Ташполота, Исакова Исаила Исаковича, Артыкова Анвара, Мамытова Токтокучука Болотбековича, Коркмазова Хаджимурата Зулкарнаевича; Постановление Конституционного Суда Республики Армения от 02.04.2014 № ПКС-1142 «Об определении конституционности статей 5, 7, 8, 37, 38, 45, 49 и 86 Закона РА “О накопительных пенсиях” на основании обращения депутатов Национального Собрания Республики Армения»).

Учитывая изложенное, механизм защиты конституционных прав граждан является востребованным инструментом в части защиты пенсионных прав граждан, при этом данный механизм не может распространить свое действие внутри регионального интеграционного объединения, например, реализовать защиту пенсионных прав трудящихся государств — членов ЕАЭС.

Сотрудничество в рамках интеграционных объединений в настоящее время свидетельствует о стремлении государств к сближению по экономическим и культурным вопросам, в решении демографических и социальных проблем. Евразийский экономический союз (ЕАЭС), являющийся одним из таких объединений, осуществляет свою деятельность на основании Договора о Евразийском экономическом союзе от 25 мая 2014 г. В названном договоре указаны основные направления деятельности ЕАЭС, в том числе намерения государств по укреплению свободы движения рабочей силы внутри интеграционного пространства.

Н. Г. Щеголева, оценивая интеграционный потенциал ЕАЭС на основе индекса интенсивности трудовой миграции, приходит к выводу, что «наибольшую степень интеграции в рамках всего ЕАЭС имеют Казахстан, Кыргызстан и Армения, их жители мигрируют по различным мотивам, в первую очередь трудовым, на территорию России» [12, с. 142].

Гл. XXVI Договора о Евразийском экономическом союзе полностью посвящена вопросам трудовой миграции, а в ст. 98 обозначена необходимость урегулирования вопросов пенсионного обеспечения трудящихся государств — членов ЕАЭС на основании отдельного договора.

Как отмечают ученые С. В. Дятлов, Г. В. Фейгин, Л. Ф. Лебедева, «проект ЕАЭС ориентирован на достижение высокого уровня экономической интеграции. Неотъемлемой частью экономического союза является единый рынок труда, создание которого не представляется возможным без принятия мер, направленных на координацию пенсионной политики и внедрение общих принципов пенсионного обеспечения в рамках ЕАЭС» [2, с. 1156].

Подтверждение необходимости обеспечения вступления в силу и реализация Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС, нашло отражение в п. 1.5.4. решения Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года».

До подготовки специализированного соглашения, регулирующего вопросы пенсионного обеспечения трудящихся государств — членов ЕАЭС, ряд ученых видели сложность в процессе создания общего пенсионного пространства в ЕАЭС по причине существенных различий в пенсионных системах ее государств-членов, затрагивающих уровень пенсионного обеспечения (до 2,5 раза), возраст выхода на пенсию, структуру и размер пенсионных взносов, состав элементов пенсии [Там же, с. 1160].

Пенсионное законодательство всех государств — членов ЕАЭС претерпело существенные изменения с момента распада Союза Советских Социалистических Республик. Заявленная в Соглашении о гарантиях прав граждан государств — участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения от 13 марта 1992 г. необходимость гармонизации пенсионного законодательства государств — участников СНГ по факту не осуществлялась, и развитие внутригосударственных пенсионных систем производилось без согласования с иными участниками межгосударственной организации.

В разные периоды решение о повышении пенсионного возраста было принято во всех государствах — членах ЕАЭС, при этом возраст выхода на пенсию может не соответствовать показателям, принятым в других государствах — членах ЕАЭС.

Пенсионный возраст в Армении уравнивается для мужчин и женщин и наступает по достижении возраста 63 лет. В Казахстане переходный период повышения пенсионного возраста продлится до 2027 г., и так же по достижении возраста 63 лет мужчины и женщины смогут выйти на пенсию. В Кыргызстане пенсионный возраст для мужчин увеличен до 63 лет, для женщин до 58 лет. В Республике Беларусь повышение пенсионного возраста продлится до 2022 г. и составит 63 года для мужчин и 58 лет для женщин [3, с. 84]. В Российской Федерации повышение пенсионного возраста реализуется с 2019 г. путем поэтапного повышения до 2028 г. Страховая пенсия по старости после 2028 г. будет устанавливаться мужчинам по достижении возраста 65 лет, женщинам по достижении возраста 60 лет.

Одним из обязательных условий в пенсионном законодательстве государств членов ЕАЭС является наличие у гражданина определенного количества лет страхового (трудового) стажа.

В Республике Армения для назначения трудовой пенсии по возрасту требуется не менее 10 лет трудового стажа¹.

В Республике Беларусь для назначения трудовой пенсии по возрасту требуется как минимум 20 лет страхового стажа².

Для назначения пенсионных выплат по возрасту в Республике Казахстан трудовой стаж определяется только за периоды работы до 1 января 1998 г.³, требования по его наличию для женщин составляет 20 лет, для мужчин — 25 лет. При этом выплата за неполный трудовой стаж предусмотрена при наличии не менее 6 месяцев трудового стажа. После указанного периода в составе пенсии преобладает накопительная составляющая, определяющаяся по сумме уплаченных пенсионных взносов в Единый накопительный пенсионный фонд, добровольный накопительный пенсионный фонд Республики Казахстан. Также важно отметить, что законодательством Республики Казахстан дифференцирован возраст, требуемый для установления пенсионной выплаты по возрасту и выплаты за счет обязательных пенсионных взносов. Выплата обязательных пенсионных взносов осуществляется по достижении 55 лет (для женщин возраст 55 лет постепенно будет повышен до 2027 г., а в 2021 г. он составляет 52 года)⁴.

В Кыргызской Республике требования по наличию страхового стажа определены в ст. 9 Закона от 21 июля 1997 г. № 57 «О государственном пенсионном социальном страховании», он составляет 25 лет страхового стажа для мужчин и 20 лет для женщин. При этом при неполном страховом стаже гражданин не утрачивает право на пенсию, а имеет право на ее установление в меньшем размере, пропорционально имеющемуся количеству лет стажа к требуемому (ст. 10).

В Российской Федерации для установления пенсии требуется не менее 15 лет страхового стажа (без учета переходных положений, предусмотренных Приложением № 3 к Федеральному закону от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях»). Наличие указанного показателя является правоустанавливающим фактом, и при его отсутствии или наличии стажа в меньшем количестве права на страховую пенсию по старости не имеется.

Кроме того, в соответствии с законодательством Российской Федерации, помимо достижения пенсионного возраста и наличия страхового стажа, также требуется наличие не менее 30 индивидуальных пенсионных коэффициентов.

Вступившее в силу с 1 января 2021 г. Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС, заключенное 20 декабря 2019 г., не предусматривает гармонизации пенсионного законодательства государств — участников ЕАЭС. Право на пенсию может быть определено только при выполнении требований пенсионного законодательства, установленных в соответствующем государстве.

Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС основано на смешанном, территориально-пропорциональном принципе распределения финансовых обязательств государств за расходы по выплате пенсий.

За периоды работы, выработанные после 1 января 2021 г., применяется пропорциональный метод, предусматривающий непосредственные финансовые обязательства государства ЕАЭС, на территории которого осуществлялась трудовая деятельность.

«Применение пропорционального метода позволяет распределить между государствами расходы, связанные с выплатой пенсий, исходя из продолжительности стажа, приобретенного на территории соответствующего государства, а также обеспечить экспорт пенсий» [1, с. 21].

Поскольку в период выполнения работы до 1 января 2021 г. в отношении граждан СНГ (все государства — члены ЕАЭС являются и участниками СНГ) действовало Соглашение о гарантиях прав граждан государств — участников СНГ от 13 марта 1992 г., а для граждан Республики Беларусь и Российской

¹ Ст. 9 Закона Республики Армения от 30 декабря 2010 г. № ЗР-243 «О государственных пенсиях».

² Ст. 5 Закона Республики Беларусь от 17.04.1992 № 1596-XII «О пенсионном обеспечении».

³ Ст. 14 Закона Республики Казахстан от 21 июня 2013 г. № 105-V «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан».

⁴ Ст. 30 Закона Кыргызской Республики от 21 июля 1997 г. № 57 «О государственном пенсионном социальном страховании».

Федерации — Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о сотрудничестве в области социального обеспечения от 24 января 2006 г., порядок подсчета трудовой деятельности, имевшей место до 1 января 2021 г., осуществляется в соответствии с положениями названных международных договоров.

То есть в отношении граждан Армении, Казахстана и Кыргызстана в случае их проживания на территории России финансовые обязательства по выплате пенсии за периоды работы до 1 января 2021 г. возложены на Российскую Федерацию. За периоды работы с 1 января 2002 г. до 1 января 2021 г. Российская Федерация будет нести финансовые обязательства только при подтверждении уплаты страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации [7, с. 60].

В отношении граждан Республики Беларусь, проживающих на территории Российской Федерации, финансовые обязательства за периоды работы до 13 марта 1992 г. возложены на Российскую Федерацию, а после указанной даты действует пропорциональный принцип распределения финансовых обязательств между Республикой Беларусь и Российской Федерацией, в зависимости от территории, на которой осуществлялась трудовая деятельность гражданина [8, с. 51].

Установление пенсий в рамках Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС осуществляется только при подтверждении принадлежности к гражданству одного из государств — членов ЕАЭС. Обращение граждан по нормам Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС осуществляется с 1 января 2021 г.

Для Российской Федерации Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС распространяется на страховые пенсии по старости, по инвалидности, по случаю потери кормильца, на фиксированную выплату к страховой пенсии (Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях»), а также на накопительную пенсию и иные выплаты за счет средств пенсионных накоплений (Федеральный закон от 28.12.2013 № 424-ФЗ «О накопительной пенсии», Федеральный закон от 30.11.2011 № 360-ФЗ «О порядке финансирования выплат за счет средств пенсионных накоплений»).

«Для других государств-членов Соглашение распространяется также на виды пенсионного обеспечения, которые формируются в рамках систем обязательного (государственного) социального страхования, включая их накопительный компонент» [11, с. 51].

Важно отметить, что в рамках Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС для определения права на досрочную пенсию не предусмотрен учет в льготный стаж периодов работы в аналогичных должностях, приобретенный за пределами Российской Федерации. Это связано с тем, что институт досрочного пенсионного обеспечения в государствах ЕАЭС претерпел значительные изменения (в Республике Казахстан, например, был полностью отменен), что, в свою очередь, вызывает сложности при соотношении льготного стажа, приобретенного на территории других государств — членов ЕАЭС, к нормам, установленным для определения права на досрочную пенсию в Российской Федерации.

Еще одним новшеством в рамках Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС является порядок установления и определения размера фиксированной выплаты к страховой пенсии, порядок осуществления доплаты к страховой пенсии, валоризации пенсионных прав в денежном выражении. Данные выплаты производятся только в случае проживания пенсионера на территории Российской Федерации. А при установлении социальных (федеральной и региональной) доплат к пенсии также учитываются размеры пенсии, установленные во всех государствах — членах ЕАЭС.

По законодательству Российской Федерации фиксированная выплата, устанавливаемая к страховой пенсии по старости, выплачивается в твердом размере с учетом ежегодной индексации, и с 2021 г. ее размер равен 6 044,48 руб. при наличии страхового стажа не менее 15 лет (данное количество лет страхового стажа требуется для установления страховой пенсии по старости на территории Российской Федерации и указано без учета переходных положений; на 2021 год данный показатель составляет не менее 12 лет).

В целях урегулирования вопросов взаимодействия компетентных органов государств — членов ЕАЭС между собой и с Евразийской экономической комиссией решением Совета ЕЭК от 23 декабря 2020 г. № 122 утвержден Порядок взаимодействия в рамках Соглашения о пенсионном обеспечении

трудящихся государств — членов ЕАЭС, в том числе утверждены формуляры по взаимодействию между компетентными органами.

Информация, содержащаяся в формулярах, принимается другой стороной Соглашения без дополнительного подтверждения. Заполнение формуляров осуществляется на русском языке. Предусмотрено, что взаимодействие компетентных органов между собой и Комиссией ЕЭК будет осуществляться с помощью интегрированной информационной системы ЕАЭС, которая до настоящего времени в эксплуатацию не введена.

Со стороны Российской Федерации взаимодействие с компетентными органами иностранного государства по вопросам установления и выплаты пенсии гражданам ЕАЭС, проживающим за ее пределами, осуществляется уполномоченным Отделением ПФР (ОПФР по Ханты-Мансийскому автономному округу¹; ОПФР по Республике Татарстан²; ОПФР по Ставропольскому краю³; ОПФР по Вологодской области⁴).

В отношении граждан государств — членов ЕАЭС, проживающих на территории России, назначение пенсии осуществляется территориальными органами ПФР по месту обращения гражданина за назначением пенсии.

Инновационный подход Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС заключается в многостороннем участии государств и готовности принятия финансовых обязательств государством ЕАЭС за стаж, приобретенный на территории соответствующей страны. До заключения рассматриваемого Соглашения в отношении стран, входящих в состав СНГ, пропорциональный принцип применялся только в некоторых двусторонних соглашениях Российской Федерации по вопросам пенсионного обеспечения.

Заключение Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС является неоспоримым прогрессом в защите пенсионных прав граждан Евразийского экономического союза и способствует укреплению интеграционных процессов путем предоставления пенсионных гарантий за трудовую деятельность, осуществляемую на территориях государств — членов ЕАЭС.

При этом в Соглашении о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС представлены все актуальные изменения, произошедшие в пенсионном законодательстве государств — членов ЕАЭС. Порядок подсчета стажа определен с учетом этих изменений, учтены особенности пенсионного обеспечения каждого государства — члена ЕАЭС, обозначена предметная область распространения Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС на соответствующие виды выплат.

Кроме того, Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС предусматривает более справедливое распределение финансовых обязательств государств и закрепляет ответственность государства по экспорту пенсий в страну проживания пенсионера. При этом пропорциональная многосторонняя ответственность государств только начинает формироваться, так как возложение такой ответственности предусмотрено только в отношении периодов трудовой деятельности, имеющих место с 1 января 2021 г.

Вступившее в силу Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС способствует реализации конституционных прав граждан на пенсионное обеспечение внутри интеграционного пространства ЕАЭС и способствует формированию уверенности в социальной защищенности граждан государств, входящих в состав Союза.

Литература

1. *Анбрехт Т. А., Елфимова О. С.* Пенсионное обеспечение трудящихся-мигрантов государств — членов Евразийского экономического союза // *Евразийский юридический журнал*. 2019. № 9 (136).
2. *Дятлов С. В., Фейгин Г. Ф., Лебедева Л. Ф.* Трансформация пенсионных систем стран Евразийского экономического союза // *Экономика региона*. 2017. Т. 13. № 4. С. 1151–1163.

¹ В отношении граждан, проживающих на территории Республики Беларусь.

² В отношении граждан, проживающих на территории Республики Казахстан.

³ В отношении граждан, проживающих на территории Республики Армения.

⁴ В отношении граждан, проживающих на территории Кыргызской Республики.

3. Емельянов Е. В. Интеграционный фактор в развитии пенсионного обеспечения стран ЕАЭС // Международная торговля и торговая политика. 2016. № 3.
4. Иванова И. А. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в защите прав человека // Государство и право в XXI веке. 2017. № 2.
5. Игнатьев И. М. Принципы и тенденции в сфере пенсионного обеспечения с точки зрения экспертов Международной организации труда // Пенсия. 2021. № 2.
6. Конституционное право зарубежных стран : учебник для студентов вузов / под ред. В. О. Лучина, Г. А. Василевича, А. С. Прудникова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. 727 с.
7. Мишальченко Ю. В., Платонова Л. А., Торопыгин А. В. Международно-правовое регулирование в сфере пенсионного обеспечения граждан СНГ // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 1.
8. Мишальченко Ю. В., Платонова Л. А., Торопыгин А. В. Пенсионное обеспечение граждан в ЕАЭС и Союзном государстве Российской Федерации и Республики Беларусь // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 3.
9. Островский Я. А. ООН и права человека. М. : Междунар. отношения, 1968. 191 с.
10. Умнова (Конюхова) И. А. Конституционное право и международное публичное право: теория и практика взаимодействия. М. : РГУП, 2016. 672 с.
11. Чирков С. А. О подписании Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов Евразийского экономического сообщества // Пенсия. 2020. № 1.
12. Щеголева Н. Г. Региональная экономическая интеграция: методология, архитектура и векторы развития (на примере ЭКОВАС, ССАГПЗ, АСЕАН, ЕАЭС) : монография. М. : Наука, 2019. 190 с.

Об авторах:

Мишальченко Юрий Владимирович, генеральный советник Экономического суда СНГ, доктор экономических наук, доктор юридических наук, профессор; myv2008@mail.ru

Платонова Людмила Александровна, главный специалист-эксперт отдела организации назначения и перерасчета пенсий Государственного учреждения — Отделения Пенсионного фонда РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Санкт-Петербург, Российская Федерация); platonoval@inbox.ru

Торопыгин Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук; toropyginav@mail.ru

References

1. Anbrekht T. A., Elfimova O. S. Pension provision of migrant workers of the member states of the Eurasian Economic Union // Eurasian Law Journal. 2019. No. 9 (136). (In rus)
2. Dyatlov S. V., Feigin G. F., Lebedeva L. F. Transformation of pension systems of the countries of the Eurasian Economic Union // Economy of the region. 2017. Vol. 13. No. 4. P. 1151–1163. (In rus)
3. Emel'yanov E. V. Integration factor in the development of pension provision of the EAEU countries // International trade and trade policy. 2016. No. 3. (In rus)
4. Ivanova I. A. The role of the Constitutional Court of the Russian Federation in the protection of human rights // State and law in the XXI century. 2017. No. 2. (In rus)
5. Ignat'ev I. M. Principles and trends in the field of pension provision from the point of view of experts of the International Labor Organization // Pension. 2021. No. 2. (In rus)
6. Constitutional law of foreign countries: a textbook for university students / ed. V. O. Luchin, G. A. Vasilevich, A. S. Prudnikov. 2nd ed., rev. and add. M. : UNITY-DANA: Law and Right, 2017. 727 p. (In rus)

7. Mishalchenko Yu. V., Platonova L. A., Toropygin A. V. International legal regulation in the field of pension provision of CIS citizens // Eurasian integration: economics, law, politics. 2020. No. 1. (In rus)
8. Mishalchenko Yu. V., Platonova L. A., Toropygin A. V. Pension provision of citizens in the EAEU and the Union State of the Russian Federation and the Republic of Belarus // Eurasian integration: economics, law, politics. 2020. No. 3. (In rus)
9. Ostrovskii Ya. A. UN and human rights. M.: International relations, 1968. 191 p. (In rus)
10. Umnova (Konyukhova) I. A. Constitutional law and international public law: theory and practice of interaction. M. : RGUP, 2016. 672 p. (In rus)
11. Chirkov S. A. On the signing of the Agreement on the provision of pensions to workers of the member states of the Eurasian Economic Community // Pension. 2020. No. 1. (In rus)
12. Shchegoleva N. G. Regional economic integration: methodology, architecture and vectors of development (on the example of ECOWAS, GCC, ASEAN, EAEU) : monograph. M. : Nauka, 2019. 190 p. (In rus)

About the author:

Yuri V. Mishalchenko, General Counsel of the CIS Economic Court, Doctor of Economics, Doctor of Law, Professor; myv2008@mail.ru

Lyudmila A. Platonova, State institution — Department of the Pension Fund of the Russian Federation in St. Petersburg and the Leningrad Region (Saint Petersburg, Russian Federation), Chief Specialist-Expert of the Department of Organization of Appointment and Recalculation of Pensions; platonovala@inbox.ru

Andrey V. Toropygin, Professor of the Department of International Relations, SZIU RANEPa under the President of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Political Science; toropyginav@mail.ru

Развитие международного инвестиционного права в рамках Евразийского экономического союза

Чугуевская Е. В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; Lizachy99@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются основные точки развития международно-правового регулирования инвестиционных отношений с участием иностранного элемента. На современном этапе развития международных инвестиционных отношений национальное законодательство не способно в полной мере обеспечить регулирование международных инвестиционных отношений, единолично создать условия, необходимые для свободного движения капиталов, а также в должной степени обеспечить гарантии соблюдения прав и интересов иностранных инвесторов. Свободное движение капиталов требует сходных принципов, форм и методов их правового регулирования, что способствует созданию единого правового пространства. Однако на настоящем этапе развития международного права создание глобального и эффективного инвестиционного права не представляется возможным. Особое значение в таких условиях приобретает региональное сотрудничество государств.

Ключевые слова: международное инвестиционное право, инвестиции, ЕАЭС, ЕврАзЭС, гармонизация законодательства, Вашингтонская конвенция

Для цитирования: Чугуевская Е. В. Развитие международного инвестиционного права в рамках Евразийского экономического союза // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 3. С. 77–81.

Development of International Investment Law within the Framework of the Eurasian Economic Union

Elizaveta V. Chuguevskaya

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation; Lizachy99@gmail.com

ABSTRACT

At the present stage of development of international investment relations, national legislation is not able to fully ensure the regulation of international investment relations, single-handedly create the conditions necessary for the free movement of capital, and adequately ensure that the rights and interests of foreign investors are respected. Free movement of capital requires similar principles, forms and methods of their legal regulation, which contributes to the creation of a single legal space. However, at the present stage of development of international law, the creation of a global and effective investment law is not possible. Regional cooperation between states is of particular importance in such conditions.

Keywords: international investment law, investments, EAEU, EurAsEC, harmonization of legislation, Washington Convention

For citing: Chuguevskaya E. V. Development of International Investment Law within the Framework of the Eurasian Economic Union // Eurasian integration: economics, law, politics. 2021. Vol. 15. No. 3. P. 77–81.

На современном этапе развития международные инвестиционные отношения регулируются сочетанием национальных и международной правовых систем. Двухуровневое регулирование заключается в пропорциональном и рациональном сочетании норм как международного, так и внутригосударственного права. Однако такое регулирование ведет к значительной взаимозависимости национально- и международно-правовых уровней для всех государств, а значит, и требует изменений и перестройки внутренней инвестиционной политики. Эффективное осуществление международного регулирования инвестиционных отношений невозможно осуществить без гармонизации национального законодательства в каждой отдельной стране.

Именно решение этой задачи является одним из наиболее приоритетных направлений развития инвестиционных отношений в рамках многих региональных объединений. Одним из первых нормативно-правовых актов, закрепляющих нацеленность на сближение законодательств, регулирующих инвестиционную деятельность, стало соглашение о принципах сближения хозяйственного законодательства государств — участников Содружества Независимых Государств (далее — СНГ)¹.

Также в рамках СНГ был принят рекомендательный законодательный акт «Об общих принципах правового регулирования иностранных инвестиций в государствах — участниках Межпарламентской ассамблеи»², который определял общие правовые основы осуществления иностранных инвестиций для создания равных экономических условий. Принятые нормативно-правовые акты в рамках деятельности Евразийского экономического сообщества (далее — ЕврАзЭС) стали следующим этапом решения проблемы гармонизации в инвестиционной сфере на постсоветском пространстве [1].

Так, были созданы рекомендации по гармонизации законодательств государств — членов ЕврАзЭС в сфере регулирования инвестиционной деятельности, Рекомендации по приведению законодательства Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации в соответствие с Соглашением о торговле услугами и инвестициях в государствах — участниках Евразийского экономического пространства³.

Особое значение приобрело подписание Договора о Евразийском экономическом союзе⁴, который закрепил поэтапную либерализацию условий взаимного инвестирования. Приложение к данному Договору содержит нормы, согласно которым государства-участники обязуются обеспечивать на своей территории справедливый и равный инвестиционный режим для отношений с участием иностранного элемента. Более того, Протокол о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций (Приложение 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе) закрепляет недопустимость дискриминации в отношении иностранных инвесторов и их профессиональной деятельности.

Одним из важнейших пунктов либерализации движения капиталов является гармонизация валютного законодательства. Приложение 15 к Договору о Евразийском экономическом союзе закрепило необходимость в обеспечении конвертируемости национальных валют по текущим и капитальным статьям платежного баланса без ограничений [2].

Однако именно на этом этапе возникает принципиальная проблема сохранения суверенитета, то есть столкновения национальных экономических интересов и интересов иностранных инвесторов. Политика государств по обеспечению защиты национальных интересов и снижению рисков влечет создание дополнительных ограничений для свободного движения капитала между государствами. Поэтому процесс либерализации движения капиталов в рамках Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) еще не завершен.

¹ Соглашение о принципах сближения хозяйственного законодательства государств — участников Содружества. 09.10.1992 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5930/ (дата обращения: 26.06.2021).

² Об общих принципах правового регулирования иностранных инвестиций в государствах — участниках Межпарламентской ассамблеи : рекомендательный законодательный акт. 18.03.1994 [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=31126 (дата обращения: 28.06.2021).

³ Рекомендации по приведению законодательства Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации в соответствие с Соглашением о торговле услугами и инвестициях в государствах — участниках ЕЭП [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902321295> (дата обращения: 18.06.2021).

⁴ Договор о Евразийском экономическом союзе. Астана. 29.05.2014 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 16.06.2021).

Международные инвестиционные процессы не могут быть в полной мере урегулированы нормами внутреннего права и двусторонними договорами. Национальное законодательство не может создать условия, которые обеспечили бы безграничные трансграничные движения капитала, а главное, гарантии для инвесторов для осуществления ими коммерческой деятельности в другом государстве.

Следствием стала возросшая роль международных конвенций. В настоящее время международные инвестиционные отношения регулируются тремя наиболее глобальными и значимыми конвенциями.

Помимо уже отмеченных нормативно-правовых актов следует также отметить и более глобальные международные акты, к которым присоединились члены ЕАЭС. Вашингтонская конвенция о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и юридическими, физическими лицами другого государства¹ является ключевым источником из числа многосторонних соглашений в области международных инвестиционных отношений. Конвенция вступила в силу 14 октября 1966 г. Ее главной задачей является создание специального международного института по правовому разрешению инвестиционных споров между государствами и частными лицами других государств на международном уровне. Однако из 153 государств, подписавших данную конвенцию, 9 стран ее не ратифицировали. К таковым относятся и два участника ЕАЭС. Киргизская Республика и Российская Федерация являются двумя странами, не ратифицировавшими Конвенцию, из числа участников ЕАЭС.

Однако в Типовом соглашении между Российской Федерацией и правительствами иностранных государств о поощрении и взаимной защите капиталовложений содержатся статьи, предусматривающие возможность инвестора передать инвестиционный спор, возникший с государством-реципиентом, в Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (далее — МЦУИС) для его разрешения в соответствии с положениями Вашингтонской конвенции. Важно отметить, что данная статья Типового соглашения может быть применена только в случае, если Вашингтонская конвенция вступила в силу для обеих сторон, что не представляется возможным на данный момент в связи с невступлением Конвенции в силу для Российской Федерации.

Принятие Дополнительных правил Международного центра по урегулированию инвестиционных споров позволяет передачу споров в МЦУИС в случае, если конвенция не вступила в силу для обеих или же одной из договаривающихся сторон. Это значит, что даже в случае, когда Российская Федерация не ратифицировала Вашингтонскую конвенцию, инвесторы имеют право обращаться к механизму защиты Дополнительных правил МЦУИС при условии закрепления данного положения в международном инвестиционном договоре. Большое количество отечественных исследователей придерживаются точки зрения о необходимости и неизбежности ратификации Российской Федерацией Вашингтонской конвенции [3].

Положения Вашингтонской конвенции отвечают современным вызовам и условиям мировой экономической системы. Так, Вашингтонская конвенция в должной степени обеспечивает как инвестора, так и государство-реципиент. Формулировки многих положений позволяют государствам-участникам защищать свои национальные интересы и не допускать нарушение суверенности государства. Например, ст. 25 Конвенции содержит положение о возможности государства определить категории споров, которые не будут попадать под юрисдикцию Центра. Кроме того, согласно ст. 26 одним из условий обращения к арбитражу может быть исчерпание всех местных средств защиты интересов. Рассмотрев эти положения, можно сделать вывод, что Вашингтонская конвенция не ущемляет государство-реципиент. Более того, изначальной целью создания Международного центра по урегулированию инвестиционных споров было провозглашено предотвращение посредством создания арбитражного института перерастания инвестиционных споров в политические конфликты.

Сеульская конвенция 1985 г. об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций², которая вступила в силу 12 апреля 1988 г., также имеет отношение к инвестиционному праву ЕАЭС. Ее

¹ Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств. Вашингтон. 18.03.1965 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&p=15167#018505123017884384> (дата обращения: 26.02.2020).

² Сеульская Конвенция 1985 года об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций. 11.10.1985 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_299230/ (дата обращения: 26.03.2021).

целью можно отметить, прежде всего, поощрение иностранного инвестирования в странах-участницах. Уникальность конвенции заключается в том, что в ней особое внимание уделяется привлечению и поощрению иностранных инвестиций в развивающиеся страны.

Эти многосторонние соглашения указывают на явную тенденцию к решению вопроса о правовом регулировании иностранных инвестиций на межгосударственном глобальном уровне. Однако не стоит забывать о следующем источнике международного инвестиционного права. Международные региональные договоры также направлены на создание благоприятного инвестиционного климата зарубежных капиталовложений.

Международная инвестиционная деятельность является катализатором процессов глобализации во многих сферах, что ведет к преобразованиям мирового пространства в единую экономическую зону. Данные процессы требуют развития международных правовых норм универсального характера.

Свободное движение капиталов требует сходных принципов, форм и методов их правового регулирования, что способствует созданию единого правового пространства. Однако на настоящем этапе развития международного инвестиционного права создание глобального и эффективного инвестиционного права не представляется возможным.

Следует также отметить, что в последние десятилетия ускорилось формирование национальных и международных рынков инвестиции, а значит, и инвестиционный процесс приобретает все большее значение для национальной и мировой экономики. Все это привело к форсированному развитию новых систем регулирования и к становлению национального, регионального и международного инвестиционного права. Создание и развитие региональных институтов по урегулированию инвестиционных споров представляет собой значительное достижение в развитии международного инвестиционного права на современном этапе. Однако ратификация Российской Федерацией Вашингтонской конвенции должна стать следующим шагом в развитии глобальной системы международного инвестиционного права. Одной из наибольших проблем на данном этапе является преимущественное регулирование инвестиционных отношений посредством инвестиционных соглашений. Большинство инвестиционных споров возникает на основе таких договоров. Для РФ эта проблема актуальна в большей степени по причине нератифицированных Государственной Думой Вашингтонской конвенции 1965 г., Энергетической Хартии, что может привести к распространению юрисдикции Арбитражного центра по разрешению инвестиционных споров на споры, вытекающие из инвестиционных соглашений с участием Российской Федерации.

Подводя итог, необходимо отметить, что на современном этапе каждое государство в отдельности предпринимает попытки решения вопроса об урегулировании инвестиционных отношений. Однако комплексное регулирование, включающее и внутреннее, и международное право, повысит эффективность и увеличит гарантии как для государств-реципиентов, так и для иностранных инвесторов. Для обеспечения комплексного регулирования необходима разработка многостороннего межгосударственного единого договора по урегулированию иностранных инвестиций сначала на региональном, а затем и на мировом уровне. Это позволит консолидировать и унифицировать проверенные практикой нормы международного права и национального права.

Литература

1. *Абрамов В. Л., Алексеев П. В.* Инвестиционное сотрудничество государств — членов ЕАЭС как ключевой фактор их устойчивого развития [Электронный ресурс] // Финансовый журнал. 2016. № 4 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/investitsionnoe-sotrudnichestvo-gosudarstv-chlenov-eaes-kak-klyuchevoy-faktor-ih-ustoychivogo-razvitiya> (дата обращения: 22.06.2021).
2. *Веселкова Е. Е.* Международно-правовое регулирование иностранных инвестиций в рамках евразийской интеграции [Электронный ресурс] // Современная наука. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie-inostrannyh-investitsiy-v-ramkah-evraziyskoy-integratsii> (дата обращения: 18.06.2021).
3. *Новикова Т. В.* Имплементация международных договоров о защите и поощрении иностранных инвестиций в правовой системе Российской Федерации [Электронный ресурс] // Гуманитарные,

социально-экономические и общественные науки. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/implementatsiya-mezhdunarodnyh-dogovorov-o-zaschite-i-pooschrenii-inostrannyh-investitsiy-v-pravovoy-sisteme-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 07.06.2021).

Об авторе:

Елизавета Владимировна Чугуевская, бакалавр факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация); Lizachy99@gmail.com

References

1. Abramov V. L., Alekseev P. V. Investment cooperation of the EAEU member states as a key factor in their sustainable development [Electronic resource] // Financial journal. 2016. No. 4 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/investitsionnoe-sotrudnichestvo-gosudarstv-chlenov-eaes-kak-klyuchevoj-faktor-ih-ustoychivogo-razvitiya> (date of access: 22.06.2021). (In rus)
2. Veselkova E. E. International legal regulation of foreign investments in the framework of Eurasian integration [Electronic resource] // Modern science. 2015. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie-inostrannyh-investitsiy-v-ramkah-evraziyskoy-integratsii> (date of access: 18.06.2021). (In rus)
3. Novikova T. V. Implementation of international treaties on the protection and encouragement of foreign investments in the legal system of the Russian Federation [Electronic resource] // Humanities, socio-economic and social sciences. 2014. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/implementatsiya-mezhdunarodnyh-dogovorov-o-zaschite-i-pooschrenii-inostrannyh-investitsiy-v-pravovoy-sisteme-rossiyskoy-federatsii> (date of access: 07.06.2021). (In rus)

About the author:

Elizaveta V. Chuguevskaya, Bachelor of the Faculty of International Relations of St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation); Lizachy99@gmail.com

Political and Economic Aspects of Serbo-Russian Relations from the Perspective of Serbian Citizens

Dragan Trailović*, Stevan Rapaic

Institute for Political Studies, Belgrade, Serbia; * dragan.trailovic@ias.rs

ABSTRACT

We are witnessing that with the appearance of new global players on the international scene a multipolar world is gradually emerging and a new balance of power is being formed. Given this circumstance, it is very important that all other states clearly define their position towards these emerging poles of power. As Russia appears as one of those poles, it is necessary to look at the position of Serbia concerning political and economic cooperation between the two countries. One of the ways to do that is to look at these issues from the perspective of Serbian citizens. Accordingly, this paper aims to present the basic findings concerning the assessment and opinion of the citizens of Serbia towards political, economic and military cooperation between the Republic of Serbia and the Russian Federation based on the analysis of surveys conducted by the Institute for Political Studies in 2015–2020 period. The authors will also present the basic economic, trade and financial indicators of cooperation between Russia and Serbia, mainly trade relations and foreign direct investment.

Keywords: Serbo-Russian relations, Republic of Serbia, Russian Federation, political cooperation, military cooperation, economic cooperation, foreign trade, foreign direct investment

For citing: Dragan Trailovic, Stevan Rapaic. Political and Economic Aspects of Serbo-Russian Relations from the Perspective of Serbian Citizens // Eurasian integration: economics, law, politics. 2021. Vol. 15. No. 3. P. 82–96.

Политические и экономические аспекты сербско-российских отношений с позиции сербских граждан

Драган Трайлович*, Стеван Рапайч

Институт политических исследований, Белград, Сербия; * dragan.trailovic@ias.rs

РЕФЕРАТ

Мы являемся свидетелями того, что с появлением на международной арене новых глобальных игроков постепенно формируются многополярный мир и новый баланс сил. Учитывая это, очень важно, чтобы все государства четко определили свою позицию по отношению к возникающим полюсам силы. Поскольку Россия выступает в качестве одного из таких полюсов, необходимо взглянуть на позицию Сербии в отношении политического и экономического сотрудничества между двумя странами. Один из способов сделать это — взглянуть на эти проблемы с точки зрения граждан Сербии. Соответственно, это исследование направлено на представление основных выводов, касающихся оценки и мнения граждан Сербии в отношении политического, экономического и военного сотрудничества между Республикой Сербия и Российской Федерацией на основе анализа опросов, проведенных Институтом политических исследований в период 2015–2020 гг. Авторы также представили основные экономические, торговые и финансовые показатели сотрудничества между Россией и Сербией, в основном торговые отношения и прямые иностранные инвестиции.

Ключевые слова: сербско-российские отношения, Республика Сербия, Российская Федерация, политическое сотрудничество, военное сотрудничество, экономическое сотрудничество, внешняя торговля, прямые иностранные инвестиции

Для цитирования: *Dragan Trailovic, Stevan Rapaic.* Political and Economic Aspects of Serbo-Russian Relations from the Perspective of Serbian Citizens // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 3. С. 82–96.

1. Introduction

The Republic of Serbia is facing numerous challenges in its current foreign affairs. Among these challenges are certainly issues of its political, economic and security cooperation with other countries, especially with those that are gaining increasing influence at the global level. New emerging economies, such as the BRICS countries, are becoming important drivers of world economic flows, on the one hand, but they also call into question the previously established political positions of other important actors in international relations, on the other. The emergence of new influential players on the international scene brings with it the possible transformation of existing international institutions, norms and principles and the creation of new forms of multilateral economic, political and security connectivity [4]. As important for other countries, so it is important for the Republic of Serbia to determine its place in such an international context. This can be achieved only if the state has a clearly defined foreign policy strategy, which would be based on a broad social consensus on vital national interests [2, p. 201–202].

At the moment, the Republic of Serbia does not have an adopted document on foreign policy strategy. For that reason, the main vectors of Serbia's foreign policy can be seen only from the speeches of the Ministers of Foreign Affairs, the Prime Minister and the President, but also from the document — National Security Strategy of the Republic of Serbia.¹ According to these sources, Serbia is equally cooperating with the European Union (EU), North Atlantic Treaty Organisation (NATO) and the Collective Security Treaty Organization (CSTO), as well as with the United States, the Russian Federation and the People's Republic of China, in order to preserve global, European and regional stability. In addition, by the decision of the National Assembly in 2007, the Republic of Serbia declared its military neutrality concerning all existing military alliances [1, p. 29].

As can be seen, one of the main vectors of Serbian foreign policy is cooperation with the Russian Federation. Serbia has a traditional friendship and established cooperation with Russia in numerous areas. Formally, this cooperation is based on several documents — Declaration on Strategic Partnership, Protocol on Exemptions from the Free Trade Regime and Rules on the Origin of Goods, Free Trade Agreement and Memorandum of Understanding between the Government of the Republic of Serbia and the Government of the Russian Federation in the field of economic cooperation, the attraction of investments and implementation of joint projects. Furthermore, Serbia also signed a Free Trade Agreement with the Eurasian Economic Union (EAEU) in 2019. These agreements ensure that Serbia exports about 99% of various types of goods to the Russian market in a free regime and in unlimited quantities [4]. In the past ten years, Serbia has based its economic development on attracting foreign direct investors and liberalizing its foreign trade policy, which has significantly increased the volume of economic cooperation between Serbia and Russia. Apart from the increase in foreign trade between the two countries, the inflow of foreign direct investments from Russia to Serbia is increasing from year to year, and Russian companies, which were among the first to enter the Serbian market, continue to invest in new technologies and their own capacities.

Within its cooperation in the field of security, in addition to the one it has with NATO through the Partnership for Peace Program, with the European Union and the Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE), Serbia seeks to develop security and military cooperation with the Russian Federation and with those international security organizations in which Russia is represented. One of the types of that cooperation is the place of Serbia as an observer in the CSTO [5].

¹ Стратегија националне безбедности Републике Србије: 94/2019-13 [Electronic resource]. URL: <https://www.pravno-informacioni-sistem.rs/SlGlasnikPortal/eli/rep/sgrs/skupstina/strategija/2019/94/2> (accessed: 15.05.2021).

Starting from the fact that the full membership of the Republic of Serbia in the European Union is still major — but unfulfilled — strategic foreign policy goal, it is important to take into consideration possible alternatives to this foreign policy vector.

Relying on the view that the foreign policy behaviour of the state and cooperation with other states, i. e. its inclusion in international political, economic and security flows must be under basic social values and interests of the community, and based on broad social consensus on what are vital national goals, it is very important to know the citizens' attitudes on these issues. In accordance with that, the authors, based on conducted surveys, will analyse the attitudes of the Serbian citizens towards some of the main foreign policy priorities of the country, namely cooperation with the Russian Federation by placing the results in a contextual frame presented in the introduction and discussion section of the paper. In addition, for the purposes of this paper, we have limited our research primarily to two basic segments of economic relations between Russia and Serbia that is trade relations and foreign direct investment.

2. About the Surveys — Methodology

Institute for Political Studies carried out eight surveys from 2015–2020 on a representative sample in Serbia. A sample ranged from approximately 1,200 to 1,700 respondents per survey. In 2015, the survey was conducted in the period from 16 to 26 November, on a sample of 1272 respondents, 2016 in the period from 20 to 30 November on a sample of 1272, 2017/1 in the period from 25 May to 5 June on a sample of 1272, and 2017/2 from 20 to 30 November on a sample of 1474. In May 2018 the survey was conducted on a sample of 1480 respondents. Two surveys were conducted in 2019 (on a sample of 1775 and 1184) and one in 2020 on a sample of 1200 respondents.

Face-to-face interviewing was implemented. Interviews were conducted through structured questionnaires. The sampling frame was based on the data from the 2011 Census. Respondents were recruited in a stratified three-stage probability sampling procedure. The first stage sampling was done by polling station territory. The second stage included randomly selected households and the third stage included respondents randomly selected within households [For more on the Institute's surveys and used methodology see 6 and 7].

The questions were mostly about trust in political institutions, questions related to elections, identity issues, but also those related to attitudes towards other states and international organizations. When it comes to Russia there were two groups of questions: a) the first group referred indirectly to Russia and was related to the Eurasian Economic Union; b) the second group of questions referred to the citizens' attitudes towards Russia segmented in 1) citizens attitudes towards Russia in general, 2) citizens attitudes towards military cooperation with Russia, 3) citizens attitudes towards possible Russian involvement in Kosovo and Metohija issue.

As a source of data for trade cooperation and foreign direct investment, the authors used official data from the Statistical Office of the Republic of Serbia, the National Bank of Serbia and the National Alliance for Local Economic Development (NALED).

3. Results

In this part of the paper, the authors are going to present the results of surveys conducted by year and the type of questions. Firstly, the results related to the Eurasian Economic Union will be presented, then the results concerning Russia — general attitudes of citizens towards Russia, attitudes of citizens about military cooperation with Russia and citizen's attitudes on Russia's role in Kosovo and Metohija issue. Furthermore, the basic indicators of trade cooperation between Serbia and Russia will be presented, as well as the rates of foreign (Russian) direct investments in Serbia.

3.1. Citizens attitudes towards Eurasian Economic Union

The first poll in 2015 asked the opinion of citizens on whether they would opt for membership in the European Union or the Eurasian Economic Union. 37.3% of respondents (467) answered that they would opt

for the European Union, while 30.6% (383) of them would opt for the Eurasian Economic Union. It is important to note that approximately the same percentage of respondents, more precisely 32.1% at that time chose the option “N/A — no answer” (See Figure 1).

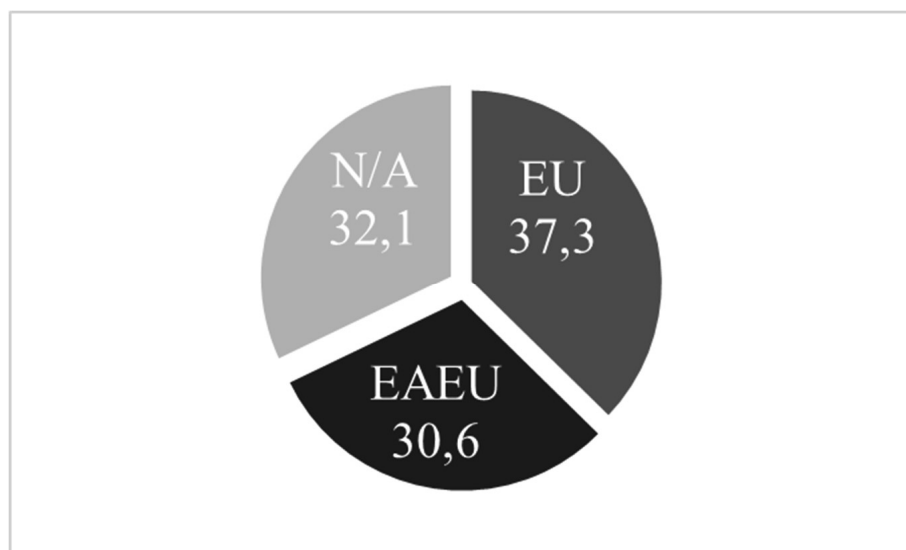

Fig. 1. If you had the opportunity to opt for membership in the European Union or the Eurasian Economic Union, how would you decide? 2015

Source: *Public opinion survey*, Institute for Political Studies, Belgrade, 2015.

In the following polls conducted in 2016, 2017 and 2018 the question related to the commitment to the European Union or the Eurasian Economic Union was segmented into political, military and economic commitment. The findings show that when it comes to military affiliation, a larger percentage of respondents, which was the highest in 2016, with 53.4%, opted for Eurasian integration. On the other hand, only in 2016 a higher percentage of respondents economically opted for the Eurasian Union¹, while in 2017 and 2018, 38.4% and 42% of them chose the European Union. When it comes to political affiliation in all years of surveys (2016–2018), a higher percentage of respondents opted for the Eurasian Economic Union (See Figure 2).

Also, when in 2019 citizens were asked to opt for political membership with the European Union or the Eurasian Economic Union, a higher percentage (45.9%) of them opted for membership in the Eurasian Economic Union (See Figure 3).

One of the questions in the 2017 and 2018 surveys was aimed at obtaining the opinion of the respondents about the European Union and the Eurasian Economic Union by rating it on a scale of one to five, where one is very unfavourable, and five is very favourable opinion. It turned out that in the period when the surveys were conducted, a higher percentage of respondents had a more positive — very favourable — opinion about the Eurasian Economic Union than the European Union (See Figure 4). The main finding is that the respondents in the highest percentage opted for the mean value of “three” in the assessment of their opinion, both on the European Union and the Eurasian Economic Union. Graph 5 shows the percentages for Eurasian Economic Union.

¹ One of the questions was focused only on membership in the European Union, without mentioning alternatives. The question was “Are you in favour of Serbia’s accession to the EU?” The percentages are as follows: 2015 — Yes 40.6%, No 42.7%; 2016 — Yes 39.9%, No 46.3%; 2017/1 — Yes 44.1%, No 43.4%; 2017/2 — Yes 47.1%, No 41.3%; *Public opinion survey*, Institute for Political Studies, Belgrade, 2015, 2016, 2017/1, 2017/2 — cited in [3, p. 85].

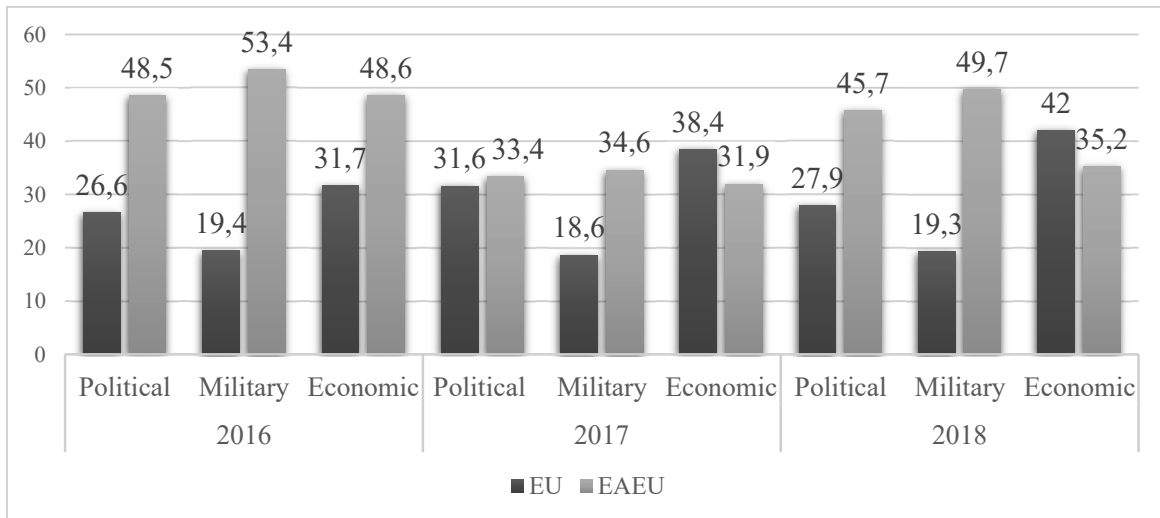

Fig. 2. If you had the opportunity to decide for political, economic and military membership in the EU or the Eurasian Economic Union, how would you decide? 2016, 2017, 2018

Source: *Public opinion survey*, Institute for Political Studies, Belgrade, 2016, 2017, 2018

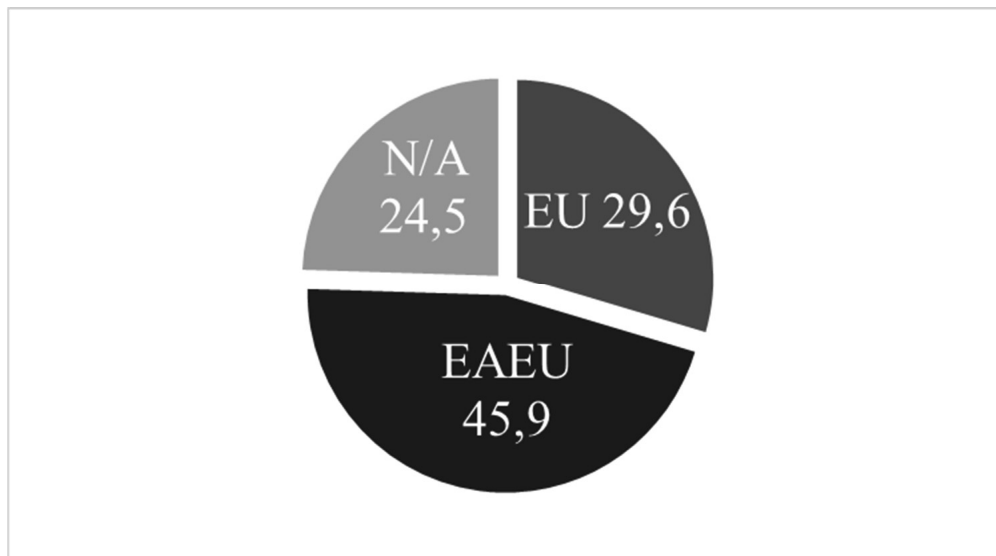

Fig. 3. If you had the opportunity to decide for political membership in the EU or the Eurasian Economic Union, how would you decide? 2019

Source: *Public opinion survey*, Institute for Political Studies, Belgrade, 2019

3.2. Citizens attitudes towards Russia

The surveys also contained questions that sought to obtain the opinions of citizens towards individual countries, especially those that represent growing poles of influence in the international system, such as Russia. Respondents were asked to give their opinion on these countries by rating them on a scale of one to five, where one is very unfavourable and five is a very favourable opinion. Graph 6 shows the percentages for Russia. The highest percentage (49.1) of respondents who rated their opinion of Russia as “very favourable” was in 2015, while the lowest percentage (34.6) of those who chose the value of five — a “very favourable” opinion of Russia — was in 2017/2. The highest percentage of those who had a “very unfavourable” opinion of Russia was in 2016 — 5.5%. In other years, that percentage was 5 or less than that.

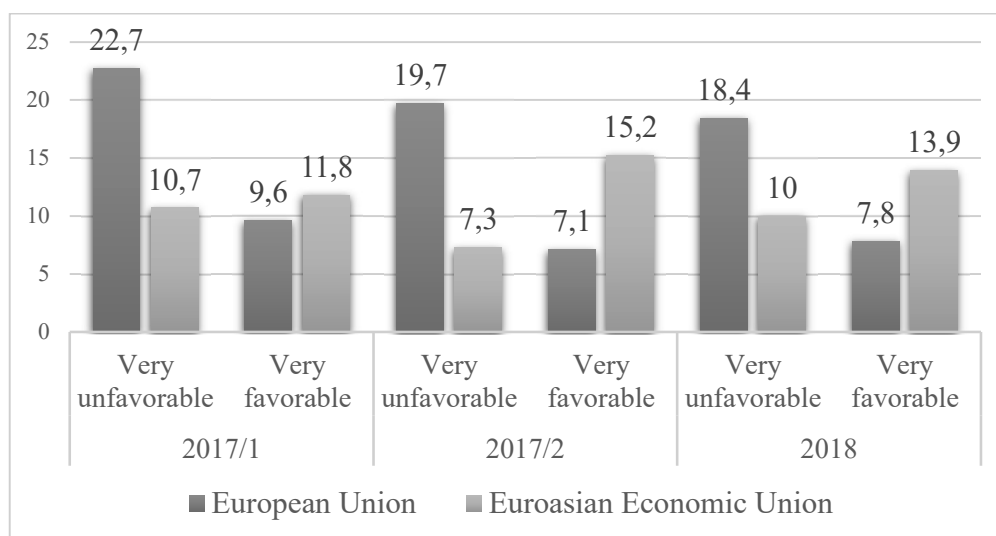

Fig. 4. Please give your opinion on the mentioned countries and alliances — European Union; Eurasian Economic Union, 2017, 2018

Source: *Public opinion survey*, Institute for Political Studies, Belgrade, 2017/1, 2017/2, 2018

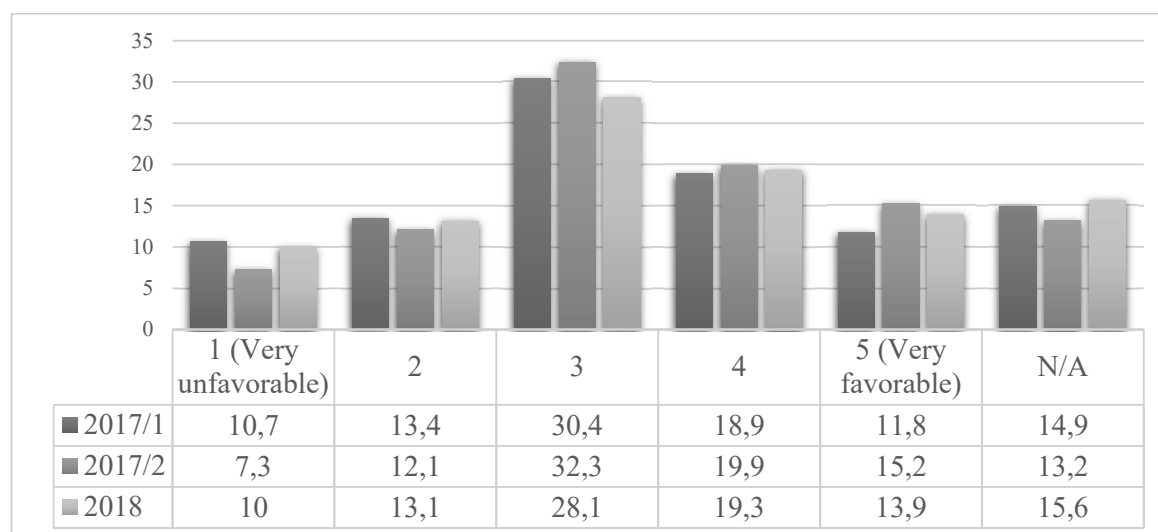

Fig. 5. Please give your opinion on the mentioned countries and alliances — Eurasian Economic Union, 2017, 2018

Source: *Public opinion survey*, Institute for Political Studies, Belgrade, 2017/1, 2017/2, 2018

In addition, the respondents were asked to rate the influence of the mentioned countries, Russia among others, on the political position of Serbia in the world on a scale from one (very negative influence) to five (very positive influence). In all polls (2016–2018), almost always a third of citizens thought that Russia had a very positive influence on Serbia's political position in the world.

In a survey conducted in 2020, respondents were asked to give their opinion on which country should be a priority in Serbia's foreign policy or Serbia should be a neutral country. 34.3 per cent of the respondents thought that cooperation with Russia should be a priority in Serbia's foreign policy.

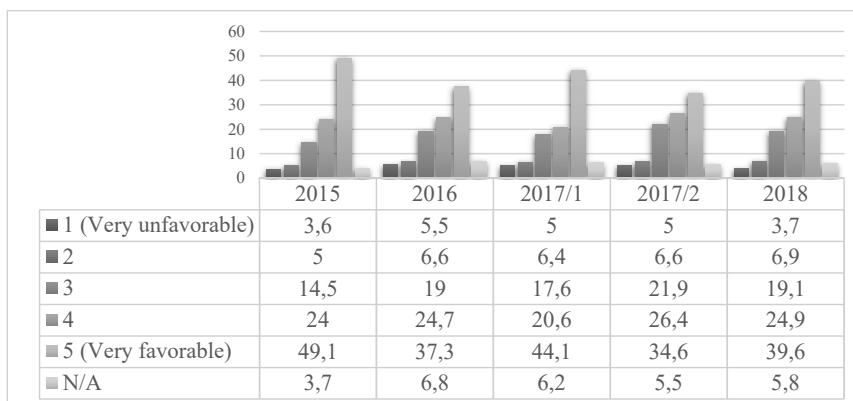

Fig. 6. Please give your opinion on the mentioned countries and alliances — Russia, 2015, 2016, 2017, 2018

Source: *ublic opinion survey*, Institute for Political Studies, Belgrade, 2015, 2016, 2017/1, 2017/2, 2018

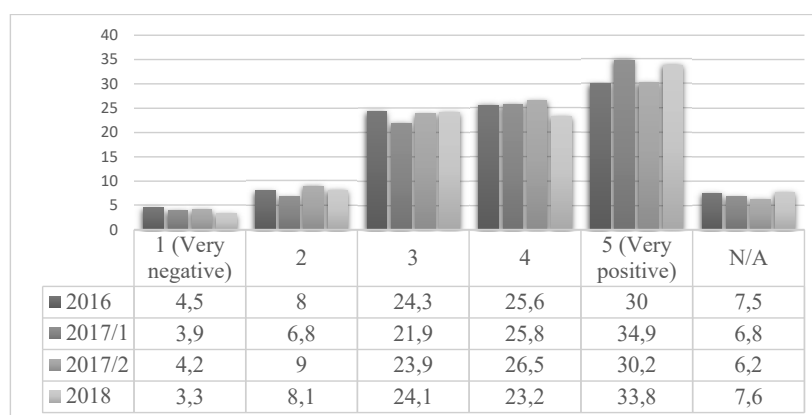

Fig. 7. How do you assess the influence of the listed countries and international organizations on the political position of Serbia in the world? (Russia) 2016, 2017, 2018

Source: *Public opinion survey*, Institute for Political Studies, Belgrade, 2016, 2017/1, 2017/2, 2018

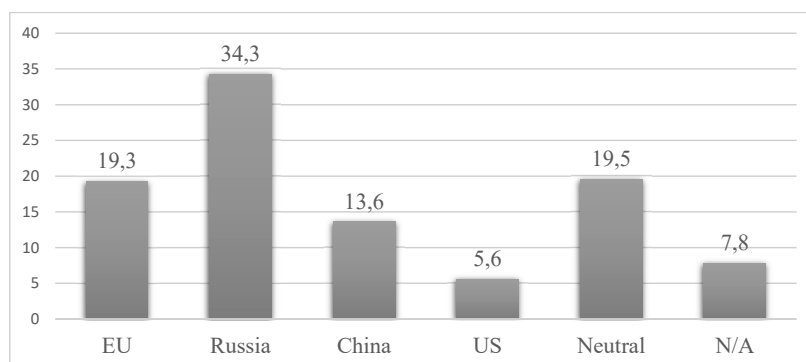

Fig. 8. Cooperation with which of the mentioned countries should be a priority in Serbian foreign policy or the Republic of Serbia should be neutral? (EU, Russia, China, USA, Neutral) 2020

Source: *Public opinion survey*, Institute for Political Studies, Belgrade, 2020

3.2.1. Citizens attitudes towards military cooperation with Russia

Nearly 60 per cent of the respondents thought that Serbia and Russia should have closer military cooperation (see Table 1).

Table 1

Are You in Favour of Greater Military Cooperation between the Armed Forces of the Republic of Serbia and the Russian Federation Armed Forces?

	2017/2	2018
YES	59.4%	57.9%
NO	23.4%	23.3%
N/A	17.2%	18.8%

Source: Public opinion survey, Institute for Political Studies, Belgrade, 2017/2, 2018

Respondents were also asked to determine on a scale of one to five the extent to which they support the cooperation between the Serbian army and the Russian army. About a third of the citizens stated that they completely support this type of cooperation between the two countries, while at most nine per cent of them did not fully support the military cooperation between the two countries (see Figure 9).

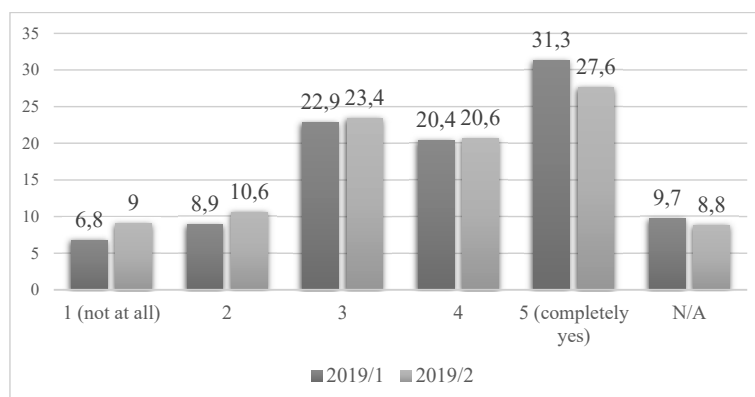

Fig. 9. To what extent do you support the cooperation of the Serbian Armed Forces with the Armed Forces of the Russian Federation?

Source: Public opinion survey, Institute for Political Studies, Belgrade, (2019/1, 2019/2)

Almost 40 per cent of the respondents thought in 2018 that Serbia should allow Russia to open a military base on its territory (see Table 2).

Table 2

Should the Republic of Serbia Enable Russia to Open a Military Base on Its Territory?

	2018
YES	39.5%
NO	36.4%
N/A	24.1%

Source: Public opinion survey, Institute for Political Studies, Belgrade, 2018

3.2.2. Serbian citizen's attitudes towards possible Russian involvement in Kosovo and Metohija issue

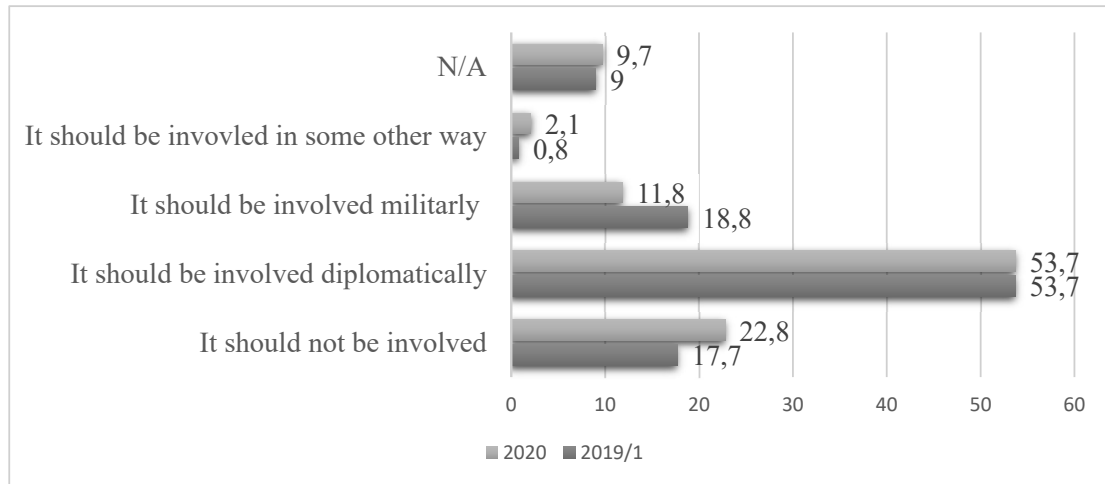

Fig. 10. Whether and how Russian Federation should get involved in resolving the issue of the status of Kosovo and Metohija? 2020, 2019

Source: Public opinion survey, Institute for Political Studies, Belgrade, 2019/1, 2020

Table 3

Would the Inclusion of the Russian Federation Speed up Negotiations between Belgrade and Pristina?

	2019/1
YES	53,3
NO	27,3
N/A	19,4

Source: Public opinion survey, Institute for Political Studies, Belgrade, 2019/1

Table 4

Do You Think that the Russian Military Presence Would Strengthen the Political and Negotiating Position of Serbia?

	2019/1	2019/2
YES	50,1	44,1
NO	30,3	32,9
N/A	19,6	23,00

Source: Public opinion survey, Institute for Political Studies, Belgrade, 2019/1, 2019/2

3.3. Foreign trade

Serbia's merchandise exports in 2019 amounted to 19.6 billion dollars, while in the same year, merchandise import was worth 26.7 billion dollars¹. In the last twenty years, Serbia has recorded a tenfold increase in exports, but this significant growth is primarily due to a very low base. We should not lose sight of the fact that

¹ WTO, Trade Profiles — Serbia [Electronic resource]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/daily_update_e/trade_profiles/RS_e.pdf (accessed: 15.05.2021).

Serbia liberalized its foreign trade policy only at the beginning of the 2000s, as well as that it was burdened with sanctions in the 1990s. The growth of exports was accompanied by the growth of imports, so Serbia is a highly import-dependent country with a constant foreign trade deficit. Imports of goods as a percentage of GDP in 2019 amounted to 48% [9].

Table 5

Serbian Export and Import, Value and Balance of Trade (2015–2019)

	Value, mill. USD		Balance of Trade	
	Exports	Imports	Exports minus Imports, mill. USD	Exports as % of Imports
2015	13376	17875	-4499	74,8
2016	14883	18899	-4016	78,8
2017	16997	21921	-4923	77,5
2018	19239	25883	-6644	74,3
2019	19633	26731	-7098	73,4

Source: Statistical Office of the Republic of Serbia, *Statistical Yearbook of the Republic of Serbia 2020*, Belgrade, p. 307.

Serbia mostly exports machines, appliances, devices and parts, i. e. electrical and electronic equipment, which is mainly produced by foreign investors in Serbia. The value of 4.4 billion dollars of exports of this type of product represents a quarter of the total Serbian exports in 2019. The same group of products occupies first place on the list of imports, and in 2019, the value of imported machines, appliances, devices and parts amounted to 4.8 billion dollars [8, p. 312]. The statistics of the World Trade Organization note that in 2019, Serbia exported the most industrial products (70.4%), agricultural products (18.4%), as well as fuels and mineral products (8.8%). When it comes to imports, industrial products account for 62.1%, fuels and mineral products account for 17.1% of imports, while agricultural products account for 9.1%¹.

Table 6

The Most Important Trade Partners of Serbia (Share in Total Merchandise Exports and Imports, 2019)

	Exports	%	Imports	%
1	Germany	12,6	Germany	12,9
2	Italy	10,1	Russia	9,7
3	B&H	7,7	China	9,4
4	Romania	5,9	Italy	8,7
5	Russia	5,0	Hungary	4,3
6	Hungary	4,2	Poland	3,4

Source: Statistical Office of the Republic of Serbia, *Statistical Yearbook of the Republic of Serbia 2020*, Belgrade, p. 308.

Serbia mostly exports and imports goods from the EU. The EU's share in Serbia's total exports is 64.8%, while its share in imports is 57.3%². Of the EU countries, Germany and Italy stand out as the most important foreign trade partners of Serbia. In 2019, Serbia exported the most goods to Germany in the value of 2.4 billion dollars, while exports to Italy amounted to 1.9 billion dollars. In the same period, Serbia imported goods from Germany worth \$ 3.4 billion, while the value of goods from Italy amounted to \$ 2.3 billion [8, p. 309]. The second most important market for Serbian products is Bosnia and Herzegovina, which accounts for 7.7% of total exports, representing \$ 1.5 billion.

¹ WTO, Trade Profiles — Serbia [Electronic resource]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statistics_e/daily_update_e/trade_profiles/RS_e.pdf (accessed: 15.05.2021).

² WTO, Trade Profiles — Serbia [Electronic resource]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statistics_e/daily_update_e/trade_profiles/RS_e.pdf (accessed: 15.05.2021).

Table 7

Serbian Import and Export to Russia, mill. USD

Year	Import	Export
2015	1746	725
2016	1503	795
2017	1586	995
2018	2037	1024
2019	2584	977

Source: Statistical Office of the Republic of Serbia, *Statistical Yearbook of the Republic of Serbia 2020*, Belgrade, p. 309.

Considering that the EU is a single market, Russia is Serbia's third export market with a share of 5% in the total Serbian exports. Serbia exports mostly agricultural products, socks, medicines and vehicle tires to Russia. The value of Serbia's export to Russia in 2019 amounted to 977 million dollars, while imports from Russia were significantly higher and amounted to 2.5 billion dollars [8, p. 309].

3.4. Foreign direct investments

According to the data of the National Bank of Serbia, from 2010 to the end of 2019, a total of 22.9 billion EUR of foreign direct investments arrived in Serbia. During this period, the net inflow of FDI as a percentage of GDP grew progressively, and in 2019 it amounted to 7.8%. The total stock of foreign direct investments in Serbia in 2019 amounted to 43.9 billion dollars according to UNCTAD data [10, p. 245].

Table 8

FDI Inflow in Serbia from Selected Countries / Economies in EUR million (2010–2019)

Parameter	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	Total
All	1,278.4	3,544.4	1,008.8	1,547.9	1,500.5	2,114.2	2,126.9	2,548.1	3,464.5	3,815.3	22,948.6
EU	860.7	2,794.4	624.4	1,145.0	1,109.3	1,530.1	1,410.4	1,819.7	2,084.0	2,114.8	15,492.8
Russia	216.2	488.5	232.5	189.7	73.5	96.4	41.1	170.4	263.0	576.8	2,348.1
China	2.0	6.0	1.0	-0.4	82.5	24.1	69.5	103.5	191.8	264.2	744.2
USA	59.9	37.0	31.5	22.1	8.5	38.5	16.8	37.6	70.4	185.7	635.9

Source: National Bank of Serbia, Balance of payments [Electronic resource]. URL: https://nbs.rs/en/drugi-nivo-navigacije/statistika/platni_bilans/index.html (accessed: 15.05.2021).

The most significant Russian investment in Serbia is certainly Gazpromneft, which bought the Serbian oil industry in 2009, and which continued to invest in this company in the following years. This company is also one of the largest Serbian exporters. According to the National Alliance for Local Economic Development, we can see that Gazpromneft's investments in Serbia so far have amounted to over one billion EUR. However, the first major Russian investment in the Serbian market was the Lukoil in 2003, which invested an initial 210 million EUR in the privatization of gas stations. In addition to these two important companies, several other Russian companies operate in Serbia in the field of oil and gas processing and distribution, as well as in the tourism sector, the automotive industry, and food production. Of the companies from the financial sector from Russia, Sberbank certainly stands out, which has been present on the Serbian market for many years and which has positioned itself as one of the largest.

Table 9

The Most Significant non-Financial Russian FDI in Serbia (2001–2019)

Rank	Company	Year	Form of investment	Sector	EUR
1	Gaspromnjeft	2012	Privatization	Oil and gas	547.000.000
2	Gaspromnjeft / NIS	2018	Greenfield	Oil and gas	330.000.000
3	Lukoil	2003	Privatization	Oil and gas	210.000.000
4	Gaspromnjeft /NIS	2019	Greenfield	Energy	180.000.000
5	Nestrogrupa	2016	Greenfield	Oil and gas	8.000.000
6	Svetilzvor	2010	Greenfield	Tourism	6.000.000
7	Sogaz Ado	2012	Brownfield	Insurance	6.000.000
8	GSK KrasniyTreugolnik	2012	Greenfield	Car industry	5.000.000
9	NaftnaIndustrijaSrbije — NIS	2008	Privatization	Oil and gas	4.000.000
10	C-Project	2008	Greenfield	Food and Agriculture	2.500.000
11	MikroFinans Invest	2014	Greenfield	Food and Agriculture	1.200.000
Total					1.299.700.000

Source: National Alliance for Local Economic Development (NALED) [Electronic resource]. URL: <https://naled.rs/baza-stranih-investicija> (accessed: 15.05.2021).

4. Discussion

First of all, when the question was asked about membership in the European Union without mentioning alternatives, even up to 50% of respondents opted for the EU (see footnote 1). However, when there is another option besides the EU, i. e. when the question is asked in the form of whether you are in favour of EU membership or the EAEU, the percentage of those who decide for the European Union drops significantly. In addition, if the issue of membership in the two alliances is segmented into political, economic and military, a larger number of citizens opt more in favour of the Eurasian Economic Union, but only when we talk about military and political membership. In economic terms, most citizens are again in favour of EU membership. Also, a large percentage of citizens did not have an opinion on these issues and chose the “no answer” option. Such inconsistent behaviour of citizens as well as the lack of a clear and unambiguous foreign policy commitment is actually in line with the same behaviour of the political elite in the field of foreign policy. This is primarily reflected in the lack of a precise foreign policy strategy of the country which leads to situations where foreign policy priorities are determined ad hoc, that they are often not complementary to each other, and it is often not clear whether there is a hierarchical structure between them in the sense of which of the foreign policy vectors are strategically more important than the others [2, p. 205]. Over time, the public discourse of Serbia has been dominated by the view that Serbia's main foreign policy priority is membership in the European Union. However, it is often noticed that Serbian political elites conduct policies towards other actors of international relations, especially when it comes to China and Russia¹, differently from what is expected from a country that pleads to become a full member of the EU. This leads to confusion among the citizens themselves about foreign policy alternatives as well as to the lack of a broader social consensus, as surveys have shown.

If the strategic determination of Serbian foreign policy is to join the European Union, the question arises whether Serbia can be a member of the EU and a militarily neutral country. According to many, Serbia's membership in the EU will also mean NATO membership. However, if we take into account the text of the Resolution on the military neutrality of Serbia, as well as the social and political context in which it was enacted, we can say that for both the political elite and the citizens of Serbia neutrality actually means non-NATO

¹ For instance, Serbia did not join in imposing any sanctions on Russia.

membership, while it implies security cooperation with everyone. In fact, the declared military neutrality of Serbia does not represent a distancing of Serbia from the newly formed military alliances but aims to eliminate the possibility of joining NATO and at the same time to eliminate a possible confrontation with the Russian Federation [5]. This is also shown by the results of the polls, according to which the majority of Serbian citizens are in favour of closer military cooperation with Russia, while about 40 per cent of them even support the idea of opening a Russian military base in Serbia. Also, when it comes to political neutrality, it is supported by almost 20 per cent of respondents, while at the same time the majority of citizens believe that Serbia's main foreign policy priority should be cooperation with Russia. As the results show, the Serbian citizens have a very positive opinion of Russia and they believe that Russia has a positive effect on Serbia's position in the world. On the other hand, they have a negative opinion about other international actors that are marked as pillars of Serbian foreign policy, especially when it comes to the United States, where only 5,6 per cent of citizens believe that the USA should be a priority in Serbian foreign policy.

When we talk about the Kosovo and Metohija issue, the official position of Russia is support to the territorial integrity of the Republic of Serbia, and by that, Russia does not accept the unilaterally declared independence of this Serbian province. The Republic of Serbia enjoys full Russian sustenance on this issue at the international level, especially within the United Nations system. This role of Russia is also recognized by the citizens of Serbia, so it is not surprising that more than half of the citizens believe that it is necessary Russia get diplomatically involved in negotiations on a final solution to this issue.

Due to the high value of imports, Russia is the second most important foreign trade partner of Serbia. Approximately 10% of the total import to Serbia originates from Russia. Like most European countries, Serbia is dependent on the import of Russian gas and oil, so more than half of the value of imports from Russia falls on these two derivatives.

After the devastating 1990s, a period of ethnic conflict, sanctions, civil war and NATO bombing, Serbia entered a period of high economic growth at the beginning of the new millennium, which lasted until 2008, and the outbreak of the global economic crisis. In these eight years, Serbia had an average economic growth of 5.9%, which is an excellent result for the newly opened economy. Serbia liberalized its foreign trade policy and market access for foreign investments, and privatization was the main source of capital inflows.

One of the important factors of privatization in Serbia was foreign direct investments. Companies from Russia had a significant share in this process in Serbia. From the beginning of the transition, Serbia is a leader in the region in attracting foreign direct investments. In the period from 2010, Serbia introduced a number of measures that facilitated the inflow of foreign investments, liberalized investment and capital transfer, and privatization was the most common form of foreign investment in the Serbian economy. Subsidies for foreign investment were and remain the largest in the region. Back in 1995, Serbia signed an agreement on mutual encouragement and protection of investments with the Russian Federation. Foreign investors are guaranteed fair and equal treatment and full protection and security of foreign investments. In addition to this agreement, the Free Trade Agreement with the Russian Federation is one of the factors of Serbia's competitiveness as a destination for foreign investment. The possibility of duty-free exporting to the Russian market has attracted numerous EU investors. The largest exporters to the Russian market from Serbia are the foreign companies from the EU like Tarket, Hemofarm, and Tetrapak. However, this agreement contains certain restrictions on Serbian goods. Thus, the free trade agreement with Russia excludes the following products: poultry meat, various types of cheese, sugar, sparkling wine, cigars, tires for motor vehicles, certain types of fabrics, compressors for refrigeration devices, tractors, and motor vehicles. The exemption of motor vehicles from the free trade regime with Russia is a significant restriction for Serbian manufacturers of buses, trucks, tractors, and passenger vehicles. Having in mind the physical distance between Serbia and Russia, as well as the fact that most of the transport takes place by road, which is one of the most expensive, it is clear that Serbia has not used all the potential of the foreign trade arrangement with Russia. This leads us to the conclusion that the geographical distance and the amount of logistics costs play a significant role in Serbia's foreign trade, ie Serbian exports. In other words, when it comes to Serbia, the level of trade liberalization cannot compensate for the advantages of geographically close markets such as countries in the region and the EU.

With the inflow of foreign direct investments of 4.3 billion dollars, Serbia was in 2019, for the second year in a row, the second in the world in terms of inflow to countries in transition. This represents an increase of 4% compared to 2018 [10, p. 59]. Russia is ahead of Serbia with an unattainable 32 billion dollars in inflows of foreign direct investments in 2019. One-third of foreign investments in Serbia in 2019 ended up in the construction sector, the other third in the transport sector, trade, and information technologies, while 10% of investments ended up in the automotive cluster.

Major advantages for Serbia when it comes to attracting FDI come from Serbia's geographical position and level of the country's skilled labour force. Serbia has the lowest costs of electricity, gas, other fuels, and telecommunications among 37 European states, which makes this country competitive when it comes to operating costs. The financial benefits and incentives that the Serbian government provides are among the highest in Europe. There are considerable cash grants, construction land transfer subsidies, corporate income tax reliefs, as well as significant payroll tax incentives. This is the main reason why most of the FDI went to Serbia's growing automotive cluster. In addition to the agreement with the Russian Federation, Serbia has also signed an agreement with the EU, which practically implies free export to the entire EU market.

5. Conclusion

It turned out that most respondents in terms of economic cooperation choose the European Union while when it comes to possible political and military cooperation most of them opt for the Eurasian Economic Union. Research findings show that a higher percentage of citizens, but always about a third, choose a middle grade (3) on a scale of one to five, where (1) is very negative and (5) is a very positive opinion of the Eurasian Economic Union. The findings show that the largest percentage of citizens have a very or mostly positive opinion of Russia, and also most citizens believe that Russian Federation has a positive impact on Serbia's position in the world. Also, a significant percentage of respondents believe that cooperation with Russia should be a priority of Serbia's foreign policy. Over half of the respondents think that Serbia should have greater military cooperation with Russia, and about a third of them think that it should be allowed to open a military base. Over 50 per cent of respondents believe that Russia should be involved in resolving the status of Kosovo and Metohija, as well as that would strengthen Serbia's negotiating position and speed up negotiations between Belgrade and Pristina.

Relying on all the obtained results, one of the main conclusions of the study is that the attitudes of citizens reflect the political behaviour of the ruling elites, which since 2009/2010 have based the country's foreign policy on the approach that neglects the saying "you can't sit in two chairs at the same time". This approach has become more pronounced in recent years. It turns out that there is nowider consensus in the Serbian society about the further positioning of the country in the international context in terms of membership in existing political and economic alliances.

When it comes to attitudes towards specific countries, the situation is clearer, because the majority of citizens are constantly in favour of greater political, economic and military cooperation with the Russian Federation compared to others. Russia is an important economic and political partner for Serbia. The attitudes of the Serbian population towards Russia are also reflected in the attitudes towards investments from Russia. Russian goods and capital are welcome in Serbia. Russian investors such as Gazprom and Sberbank have long positioned themselves as leaders in the Serbian market, while Gazprom is also one of the 5 largest exporters from Serbia. Russia is the second most important foreign trade and investment partner of Serbia, after the European Union. Of the total Serbian exports, 5% ended up on the Russian market, while the share of Russian goods in the total imports to Serbia in 2019 was about 10%. In 2019, the total foreign trade exchange between Russia and Serbia amounted to over 3.5 billion USD. Serbia is dependent on the import of oil and gas from Russia, while on the other hand, it mostly exports fruits, medicines, car tires, textiles, and textile clothing accessories, as well as socks to the Russian Federation. Apart from gas and oil derivatives, Serbia mostly imports fertilizers and tobacco from Russia. Total Russian investments as foreign direct investments in Serbia have so far amounted to 2.3 billion EUR. In addition to these direct investments, Russia is involved in the construction of Serbian railway infrastructure through loans.

References

1. Гађиновић Р. Војна неутралност и будућност Србије = Military neutrality and the future of Serbia // Политика националне безбедности [National security policy]. 2018. No. 1. P. 23–38. (In Serbian)
2. Лишанин М. Спољно политички приоритети Србије = Foreign political priorities of Serbia // Политичка ревија [Political magazine]. 2012. No. 1. P. 201–202. (In Serbian)
3. Тодоровић Лазих Ј. Евроскептицизам у Србији — стари концепт у новом руху = Euroscepticism in Serbia — an old concept in a new guise // Српска политичка мисао [Serbian political thought]. 2018. No. 2. P. 79–98. (In Serbian)
4. Траиловић Д. Политичко-економске и безбедносне алтернативе Србије у очима њених грађана = Political-economic and security alternatives of Serbia in the eyes of its citizens // Политика националне безбедности [National security policy]. 2018. No. 2. P. 41–56. (In Serbian)
5. Траиловић Д., Лазих Б. Србија између Северноатлантског савеза и Организације договора о колективној безбедности = Serbia between the North Atlantic Alliance and the Collective Security Treaty Organization // Стратешки правци развоја и утврђивања положаја Србије у савременим међународним односима [Strategic directions of development and determining the position of Serbia in modern international relations]. 2013. P. 1009–1027. (In Serbian)
6. Milošević Đorđević J., Žeželj I., Đurić Ž. Beyond General Political Attitudes: Conspiracy Mentality as a Global Belief System Predicts Endorsement of International and Local Conspiracy Theories // Journal of Social and Political Psychology. 2021. No. 9 (1). P. 144–158.
7. Milošević Đorđević, S. Maric, M. Vdović, A. Milošević. Social Links between conspiracy beliefs, vaccine knowledge, and trust: Anti-vaccine behaviour of Serbian adults // Science & Medicine. 2021. No. 277.
8. Statistical Yearbook of the Republic of Serbia 2020. Statistical Office of the Republic of Serbia. 2020. P. 1–445.
9. Western Balkans Regular Economic Report No. 18 — An Uncertain Recovery” [Electronic resource] // World Bank Group. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/34644/153774.pdf> (date of reference: May 20, 2021).
10. World Investment Report 2020. UNCTAD. 2020. P. 1–268.

About the authors:

Dragan Trailović, PhD, Research Associate Institute for Political Studies, Belgrade, Serbia; dragan.trailovic@ias.rs

Stevan Rapaic, PhD, Research Associate Institute for Political Studies, Belgrade, Serbia; dragan.trailovic@ias.rs

Об авторах:

Драган Траилович, кандидат наук, научный сотрудник Института политических исследований (Белград, Сербия); dragan.trailovic@ias.rs

Стеван Рапаич, кандидат наук, научный сотрудник Института политических исследований (Белград, Сербия); dragan.trailovic@ias.rs

На страже правды истории

Ковалев С. Н.

Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; vagsh@mil.ru

РЕФЕРАТ

В статье акцентировано внимание на непреходящую актуальность исследований в области военной истории для совместного решения проблем сотрудничества и безопасности от Атлантики до Тихого океана в рамках Большого евразийского партнерства. Последовательно останавливаясь на этапах деятельности Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, показан его исторический путь. Представлены сведения об образовании Института, его структуре, задачах, о руководителях Института. Даются обзор фундаментальных трудов, исследовательских работ, выполненных коллективом Института, сведения об известных ученых, лауреатах различных премий. Показан вклад коллектива Института в реализацию государственных программ «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации». Охарактеризован круг задач, решаемых в интересах федеральных органов государственной власти и субъектов Российской Федерации, органов военного управления. Показан вклад Института в обеспечение образовательного процесса военно-учебных заведений, проведения международных олимпиад курсантов военных образовательных организаций высшего образования государств — участников СНГ по военной истории. Дан обзор международной деятельности Института в рамках Международной комиссии военной истории, со странами СНГ, ОДКБ, ЕАЭС. Показана роль Института в решении задач научного информирования в ВС РФ в части истории войн и военного искусства, в противодействии попыткам фальсификации и искажению военной истории, наносящим ущерб интересам Российской Федерации. Подчеркивается, что основным содержанием деятельности Института является необходимость сохранения правды о победе советского многонационального народа в Великой Отечественной войне, укрепление сотрудничества с профильными организациями и структурами государств Евразийского экономического союза, Организации Договора о коллективной безопасности, Союзного государства.

Ключевые слова: Министерство обороны, Генеральный штаб, Институт, Военная академия Генерального штаба, военная история, научная работа, международное сотрудничество

Для цитирования: Ковалев С. Н. На страже правды истории // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 3. С. 97–107.

On the Guard of the Truth of History

Sergey N. Kovalev

Research Institute (Military History) Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; vagsh@mil.ru

ABSTRACT

The article focuses on the continuing relevance of research in the field of military history for the joint solution of problems of cooperation and security from the Atlantic to the Pacific Ocean within the framework of the Greater Eurasian Partnership. The historical path of the Research Institute (military history) the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation is

described consistently stopping at the stages of its activity. The information about the formation of the Institute, its structure, tasks, and the heads of the Institute is presented. The article provides an overview of fundamental works, research works performed by the Institute's staff, information about famous scientists, laureates of various awards. The contribution of the Institute's staff to the implementation of the state programs "Patriotic education of citizens of the Russian Federation" is shown. The range of tasks solved in the interests of federal state authorities and subjects of the Russian Federation, military administration bodies is characterized. The contribution of the Institute to the provision of the educational process of military educational institutions, the holding of international Olympiads of cadets of military educational organizations of higher education of the CIS member states on military history is observed. An overview of the international activities of the Institute within the framework of the International Commission of Military History, with the CIS countries, the CSTO, the EAEU is given. The role of the Institute in solving the problems of scientific information in the Armed Forces of the Russian Federation in terms of the history of wars and military art, in countering attempts to falsify and distort military history that harm the interests of the Russian Federation is shown. It is emphasized that the main content of the Institute's activities is the need to preserve the truth about the victory of the Soviet multinational people in the Great Patriotic War, strengthen cooperation with relevant organizations and structures of the states of the Eurasian Economic Union, the Collective Security Treaty Organization, the Union State.

Keywords: Ministry of Defense, General Staff, Institute, Military Academy of the General Staff, military history, scientific work, international cooperation

For citing: Kovalev S. N. On the Guard of the Truth of History // Eurasian integration: economics, law, politics. 2021. Vol. 15. No. 3. P. 97–107.

Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации 5 ноября 2021 г. отметит 55-ю годовщину своей деятельности. Это единственное в стране и в Вооруженных силах специализированное научно-исследовательское учреждение в области военной истории.

Кардинальные изменения в военном деле, необходимость обобщения опыта Великой Отечественной войны и потребность в усилении военно-патриотического воспитания граждан СССР значительно расширили объем военно-исторических исследований. В результате возникла объективная необходимость создания единого научного центра, координирующего исследовательские работы научных учреждений страны в области военной истории и оказывающего им научно-методическую помощь. В настоящее время расширение фронта научных исследований связано с инициативой России по созданию Большого евразийского партнерства, что непосредственно касается и всего круга проблем обеспечения национальной безопасности в условиях ведения новых видов войн. «Вся послевоенная история Большой Европы, — как указал Президент Российской Федерации В. Путин в статье “Быть открытыми, несмотря на прошлое”, опубликованной в немецкой газете Die Zeit и приуроченной к 80-й годовщине начала Великой Отечественной войны, — подтверждает: процветание и безопасность нашего общего континента возможны лишь совместными усилиями всех стран, включая Россию. Потому что Россия — одно из крупнейших европейских государств. И мы ощущаем свою неразрывную культурную и историческую связь с Европой. Мы открыты к честному созидательному взаимодействию. Это подтверждает наша идея создания единого пространства сотрудничества и безопасности от Атлантики до Тихого океана, которое включило бы в себя разные интеграционные форматы, в том числе Европейский союз и Евразийский экономический союз... Наша общая и бесспорная цель — обеспечить континентальную безопасность без разделительных линий, единое пространство равноправного сотрудничества и всеобщего развития во имя процветания Европы и мира в целом»¹.

¹ Путин В. В. Быть открытыми, несмотря на прошлое [Электронный ресурс]. URL: <http://prezident.org/tekst/statja-vladimira-putina-byt-otkrytymi-nesmotrja-na-proshloe-22-06-2021.html> (дата обращения: 20.08.2021).

27 августа 1966 г. ЦК КПСС принял постановление «Об организации Института военной истории» (далее — Институт) в качестве головного научно-исследовательского учреждения страны в области военной истории. В организационном отношении Институт подчинялся Министерству обороны СССР и Главному политическому управлению Советской армии и Военно-Морского Флота, научно-методическое руководство его работой было возложено на Академию наук СССР.

5 ноября того же года начальник Генерального штаба ВС СССР — первый заместитель министра обороны СССР Маршал Советского Союза М. В. Захаров подписал соответствующую директиву о создании Института военной истории Министерства обороны СССР с введением в действие временного штата. Позднее эта дата была официально утверждена днем начала формирования Института и его годовым праздником (Приказ начальника ИВИ МО СССР от 05.05.1969 № 109). Первым начальником Института военной истории стал один из инициаторов его создания — член-корреспондент Академии наук СССР, доктор исторических наук, профессор, лауреат Ленинской и Сталинской премий СССР, известный военный историк генерал-лейтенант Павел Андреевич Жилин, более 20 лет бессменно возглавлявший Институт (рисунок 1).

Рис. 1. Руководство Института и лауреаты Государственной премии СССР.

Первый ряд: С. А. Тюшкевич, А. В. Марков, П. А. Жилин, М. М. Кирьян, Н. И. Шеховцов, В. П. Морозов.

Второй ряд: Б. Г. Соловьев, Е. П. Егоров, Н. Г. Андронников, Г. Т. Хорошилов, А. А. Бабаков, М. И. Семиряга

Fig. 1. Management of the Institute and laureates of the USSR State Prize.

First row: S. A. Tyushkevich, A. V. Markov, P. A. Zhilin, M. M. Kiryan, N. I. Shekhovtsov, V. P. Morozov.

Second row: B. G. Soloviev, E. P. Egorov, N. G. Andronnikov, G. T. Khoroshilov, A. A. Babakov, M. I. Semiryaga

Значительный вклад в дальнейшее совершенствование работы Института военной истории внесли и другие его руководители: член-корреспондент Российской академии наук, доктор философских и доктор исторических наук, профессор, генерал-полковник Д. А. Волкогонов; кандидат исторических наук, генерал-майор А. Н. Баженов; доктор исторических и доктор юридических наук, профессор, генерал-майор В. А. Золотарев; кандидат военных наук, полковник А. А. Кольтюков; исполнявшие должность начальника Института кандидат военных наук, генерал-лейтенант С. И. Радзиевский и доктор исторических наук, профессор, генерал-майор А. Г. Хорьков.

За короткий срок в Институте удалось создать эффективную систему организации научно-исследовательской работы, сформировать сплоченный, творческий коллектив, способный успешно решать стоящие перед Институтом задачи. В последующие годы многие проблемы решались его сотрудниками в тесной связи с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институтом всеобщей истории и Институтом истории СССР при Академии наук, а также с военно-историческими органами стран Варшавского договора [22]. В составе Вооруженных Сил Российской Федерации статус Института военной истории практически не изменился. Он продолжает осуществлять научные исследования в области военной истории в интересах решения актуальных проблем военно-исторической науки, теории и практики военного строительства, патриотического воспитания военнослужащих, граждан Российской Федерации.

Коллектив Института разработал более 1500 военно-исторических, военно-теоретических и научно-справочных трудов, изданных тиражом, исчисляемым десятками миллионов экземпляров. Многие из этих работ удостоены премий, в том числе Государственной и Ленинской, а также дипломов и медалей. Некоторые из трудов Института получили признание не только в нашей стране, но и за рубежом. Более 100 работ переведено на иностранные языки. Среди самых известных работ Института значатся: 12-томная «История Второй мировой войны 1939–1945», 8-томная «Военная энциклопедия», двухтомник «Гражданская война в СССР», двухтомник «История Первой мировой войны», двухтомник «Отечественная военная история», «Генеральный штаб Российской армии: история и современность», «Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах (вторая половина XX — начало XXI века)» и многие другие. 6 мая 1983 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «за заслуги в развитии военно-исторической науки» Институт военной истории МО СССР был награжден орденом Красной Звезды.

В соответствии с приказом министра обороны Российской Федерации от 4 марта 2010 г. № 203 Институт был реорганизован в форме его присоединения к Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (ВАГШ ВС РФ). В мае 2016 г. в связи с переходом Института на новый штат он подвергся серьезным структурным изменениям и корректировке основных задач научных подразделений. Переход на новую структуру позволил выполняемые научные исследования в области военной истории приблизить к практике деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации и увеличить количество прикладных исследований.

Важнейшим направлением в деятельности Института является осуществление подготовки военно-исторических, военно-теоретических и научно-справочных трудов, статистических и документальных сборников, учебных и методических материалов по военной истории и военно-исторической работе в Вооруженных силах. В этой связи стоит упомянуть некоторые труды, подготовленные коллективом Института в последние годы, — том четвертый: «Освобождение территории СССР. 1944» и том одиннадцатый: «Политика и стратегия Победы: стратегическое руководство страной и Вооруженными силами в годы войны» двенадцатитомного фундаментального труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов»; «Великая Отечественная: Комдивы. Военный биографический словарь» в 5 томах; «Вооруженные силы ведущих государств НАТО на рубеже 2020–2025 гг.»; «Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917)»; «Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь» в 2 томах; «Государственное управление в военных конфликтах второй половины XX — начала XXI века»; «Великая Отечественная. Государственный Комитет Обороны (июнь — декабрь 1941-го). Постановления и распоряжения»; «История военно-окружной системы в России. 1862–1918»; «Краткая история Российской армии: атлас-справочник»; «Народы России и Беларуси в год наполеоновского нашествия»; «Начальники Генерального штаба России. Биографический сборник»; «Освобождение Беларуси 1943–1944. Подвиг. Трагедия. Память»; «Основные направления и тенденции строительства вооруженных сил государств Североатлантического блока»; «Отечественное военно-морское искусство, 1921–1945: теория и практика»; «Первая мировая: факты, события, люди, историко-культурное наследие»; «Полевое размещение войск: опыт организации и уроки истории»; «Политика ядерных вооружений зарубежных основателей “ядерного клуба”»; «Полные кавалеры ордена Славы: Краткий биографический словарь» в 2 томах; «Средства вооруженной борьбы как один из атрибутов человеческой цивилизации: (некоторые закономерности и перспективы развития)»; «Стальная гвардия Отечества»; «Ядерная политика США в 1945–

1991 годах»; «Ядерная политика США в 1992–2012 годах»; «Энциклопедия Великой Отечественной войны 1941–1945 годов»; «Главное командование: от Воздушного Флота до ВКС России»; «Сирия. Далекая и близкая война»; «Связь Красной армии в 1938–1942 гг.: уроки и выводы»; «Командармы 1941 года. Доблесть и трагедия»; «Зимняя война. К 80-летию начала советско-финляндской войны 1939–1940 гг.»; «Великая Отечественная: оружие Победы»; «История Великой Победы» в 3 томах; историко-документальный проект «Ленинград. Война. Блокада» в 5 томах; «Освобождение Заполярья: материалы и исследования». Представленный перечень изданных работ Института далеко не полон.

С 2001 г. большая работа проводится в рамках реализации пятилетних государственных программ «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», направленных на формирование патриотического сознания в сложных условиях экономического и геополитического соперничества. Разработанная Институтами научная продукция в целом ориентирована на все социальные слои и возрастные группы граждан Российской Федерации, в первую очередь на патриотическое воспитание молодого поколения.

Ежегодно сотрудниками Института выполняется большой объем оперативных заданий, имеющих аналитический характер. Наиболее важными и трудоемкими являются поручения, выполняемые во исполнение решений федеральных органов государственной власти и органов военного управления, на которые приходится более 70% от их общего количества. Среди них — подготовка заключений на законодательные инициативы по изменениям в федеральные законы Российской Федерации, установление дат профессиональных праздников и пр. Объем заданий постоянно возрастает. Если в 2017 г. было выполнено 236 заданий, то в 2020 г. научными подразделениями Института было выполнено 473 оперативных задания, в рамках которых проведен большой объем работы по научно-методическому обеспечению юбилейных мероприятий, посвященных: 100-летию Красной армии и Флота; празднованию 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, важнейшим событиям войны; 290-летию со дня рождения Генералиссимуса А. В. Суворова; юбилейным датам создания органов военного управления и др. Институт не остается в стороне и оказывает посильную помощь гражданам в установлении боевого пути их родственников, участников Великой Отечественной войны. Ежегодно сотни обращений приходят в адрес Института. Ни одно из них не остается без ответа.

Рис. 2. Главный храм Вооруженных сил России и Музейный комплекс «Дорога памяти» (фрагмент)

Fig. 2. The main temple of the Armed Forces of Russia and the Museum complex "Memory Road" (fragment)

Событием 2020 г. для страны и Вооруженных сил стало открытие и освящение Главного храма Вооруженных сил и Музейного комплекса «Дорога памяти» (рисунок 2). Уникальный комплекс стал центром духовного притяжения военнослужащих и граждан России, его посетило уже более 1 млн чел. В соответствии с указанием министра обороны Институт осуществлял научно-методическое обеспечение реализации концепции строительства Главного храма Вооруженных сил и работ по созданию экспозиций залов и галерей музейно-мемориального комплекса «Дорога памяти». Сотрудники Института участвовали в разработке концепции оформления залов Главного храма Вооруженных сил. Выполнена большая работа по отбору и оценке наиболее важных архивных источников оперативно-стратегического характера для наполнения электронного банка документов периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. «Подвиг народа» для размещения в открытом доступе в геoinформационной системе Интернет. Сотрудники Института аналогичную консультативную помощь оказывают регионам Российской Федерации в создании различных проектов, посвященных памятным дням военной истории России.

Важным направлением деятельности Института является научное и научно-методическое обеспечение образовательного процесса. Его сотрудники активно участвуют в организации и проведении ежегодной Всеармейской (с 2015 г. — международной) олимпиады среди курсантов высших военно-учебных заведений. Так, с 4 по 9 апреля 2021 г. на базе Военной академии материально-технического обеспечения прошла VI Международная олимпиада курсантов военных образовательных организаций высшего образования государств — участников СНГ по военной истории (рисунок 3). За звание лучших знатоков истории в финале олимпиады упорно боролись 48 команд вузов Армении, Белоруссии и России.

Рис. 3. Эмблема IV Международной олимпиады курсантов военных образовательных организаций высшего образования государств — участников СНГ по военной истории (23–27 апреля 2018 г.), г. Минск, Республика Беларусь

Fig. 3. Emblem of the IV International Olympiad of cadets of military educational institutions of higher education of the CIS member states in military history (April 23–27, 2018), Minsk, Republic of Belarus

В сентябре 2013 г. решением министра обороны Российской Федерации Институт определен главным исполнителем разработки единого инновационного научно-методического комплекса электронных учебников «История России», предназначенного для использования в системе непрерывного военного образования: в суворовских училищах («История»), военных институтах и училищах («Военная история»), военных академиях («История военного искусства»). В 2016 г. их разработка была завершена.

По планам Министерства обороны (Генерального штаба) Институт проводит научные конференции, совещания и другие мероприятия по военно-исторической проблематике. За период своей деятельности он выступил организатором и активным участником большого количества международных, всесоюзных, всероссийских научных конференций, круглых столов и иных публичных мероприятий, имеющих большое теоретическое и практическое значение.

Особое внимание обращено мероприятиям, проводимым во исполнение Федерального закона от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России», программ Правительства Российской Федерации и планов Минобороны России по его реализации. В свете Федерального закона от 9 мая 2006 г. № 68-ФЗ сотрудниками Института подготовлено около 200 заключений на материалы о присвоении городам почетного звания РФ «Город воинской славы». На сегодняшний день 45 городов России удостоены этого высокого звания.

Важнейшее направление деятельности Института — решение задач по научной информации в Вооруженных силах

в части истории войн и военного искусства. В первую очередь речь идет о популяризации отечественной военной истории, борьбе с ее искажением и фальсификацией.

Одно из приоритетных направлений в деятельности научно-исследовательского учреждения в настоящее время — развитие и углубление международных научных связей по проблемам военной истории. С момента своего создания Институт военной истории представлял СССР, а ныне — Российскую Федерацию в Международной комиссии военной истории (МКВИ). Действующая под эгидой ЮНЕСКО указанная комиссия признана международным научным сообществом одной из самых авторитетных организаций в области военной истории. Ее членами являются более 40 государств. Членство в МКВИ дает возможность транслировать международному военно-историческому сообществу взгляды отечественной военной истории на наиболее острые и актуальные современные проблемы исторической науки. Работа сотрудников Института высоко оценивается в постоянно действующей Межведомственной комиссии по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести (рисунок 4).

Рис. 4. Делегация Института на 44-м конгрессе Международной комиссии военной истории (2–7 сентября 2018 г.) в г. Тель-Авив, Израиль.

Тема конгресса: «Создание новых государств и крушение старых империй в XX веке»

Fig. 4. Delegation of the Institute at the 44th Congress of the International Commission for Military History (September 2–7, 2018) in Tel Aviv, Israel.

The theme of the congress: "Creation of new states and the collapse of old empires in the twentieth century"

Большая организационная работа проводится по линии совместной российско-американской Комиссии по делам военнопленных и пропавших без вести, которая осуществляет сбор и анализ материалов, касающихся судеб советских (российских) и американских военнослужащих — участников военных конфликтов XX — первой четверти XXI в.

Институт продолжает выполнять решение важной задачи по научному информированию в части истории войн и военного искусства, что нашло отражение в научных сообщениях в СМИ. Так, только в 2020 г. было опубликовано 97 научных статей, 72 раза сотрудники Института выступали на телевидении, консультировали авторов документальных фильмов и телевизионных сюжетов по различным военно-историческим вопросам.

Целенаправленно проводится работа по противодействию попыткам фальсификации и искажению военной истории, наносящим ущерб интересам Российской Федерации, осуществляется подбор материалов, разоблачающих негативные публикации, в «упреждающем» режиме проводится подготовка публикаций по значимым военно-историческим событиям.

Большая работа проводится Институтом по наполнению информационно-справочной системы «Войны и вооруженные конфликты». Она стала важным источником информации для органов военного управления, научно-исследовательских организаций, преподавательского состава и слушателей военных академий. В настоящее время подготовлено 186 описаний военных конфликтов. Институт с установленной периодичностью в рамках реализации задач по научной информации в ВС РФ в части истории войн и военного искусства представляет обобщенные сведения органам военного управления о деятельности Центра по примирению враждующих сторон на территории Сирийской Арабской Республики. Около 40% офицерского состава Института получили боевой опыт в рамках проведения операции ВС РФ в САР, что позволило существенно повысить качество организации исследований по указанной проблематике.

Рис. 5. Труды Института, изданные за последние пять лет¹

Fig. 5. Proceedings of the Institute published over the past five years

Во многом помогает выполнению столь разносторонних задач подготовка квалифицированных научных кадров, осуществляемая в диссертационных советах по трем научным специальностям: «отечественная история», «всеобщая история» и «военная история». Сегодня при ВАГШ ВС РФ действуют два диссертационных совета, а также очная адъюнктура по военной истории. В составе Института создана и функционирует военно-научная школа (ВНШ-291) «Военная конфликтология (история военных конфликтов, военное искусство и вооруженные силы начала XXI в.)». В деятельности Института остаются приоритетными исследования проблем поддержания стратегической стабильности, государственного и военного управления, обеспечения национальной безопасности в соответствии с задачами, определенными в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 02.07.2021, в частности, «защита исторической правды, сохранение исторической памяти, преемственности в развитии Российского государства и его исторически сложившегося единства, противодействие фальсификации истории..., реализация государственной информационной политики, направленной на усиление в массовом сознании роли традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, неприятие гражданами навязываемых извне деструктивных идей, стереотипов и моделей поведения..., защита российского общества от внешней идейноценностной экспансии и внешнего деструктивного информационнопсихологического воздействия» (ст. 93). Важнейшим посылом для научно-исследовательской и информационной работы Института является необходимость сохранения правды о победе советского многонационального народа в Великой Отечественной войне. Значительное место в решении этих задач отводится укреплению

¹ В списке литературы к статье представлена только часть изданных трудов Института.

сотрудничества с профильными организациями и структурами государств Евразийского экономического союза, Организации Договора о коллективной безопасности, Союзного государства.

Институт был и остается известной в стране и за рубежом научно-исследовательской организацией со своей научной школой, которая продолжает расширять грани военно-исторических знаний, позволяя освободиться от недостатков прошлого и использовать накопленный положительный опыт в практике военного дела в будущем.

Литература

1. *Алексеев Ю. А., Басик И. И., Мазуркевич Р. В.* и др. Огненная дуга. М. : Звонница-МГ, 2020. 680 с.
2. *Баранов А., Белков А., Божedomов Б.* и др. Энциклопедия Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. М. : Оникс, 2020. 726 с.
3. *Басик И. И.* Деятельность Государственного Комитета Обороны в годы Великой Отечественной войны. Белгород : ГВМЗ «Прохоровское поле», 2019. 84 с.
4. *Басик И. И., Никифоров Н. И., Морозов М. Э.* и др. Энциклопедия Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. М. : Издательский дом «Звонница-МГ», 2018. 726 с.
5. Батальоны просят воды (водоснабжение Ограниченного контингента советских войск в Афганистане. 1979–1989 гг.). М. : Ретрогидромет, 2019. 224 с.
6. *Богданов В. Н., Лешин М. Г., Поляков С. П.* Военная подготовка в зарубежных странах : уч. пособие для вузов МО РФ. М. : Юрайт, 2020. 332 с.
7. *Бринюк Н. Ю., Конеев А. Н., Михайлов А. А.* и др. Военная география и военная статистика: история и современность. СПб. : Дмитрий Буланин, 2018. 320 с.
8. *Богданов В. Н.* и др. Вооруженные силы ведущих государств НАТО на рубеже 2020–2025 гг. М. : Науч. б-ка (НБ), 2016. 378 с.; *Богданов В. Н.* и др. Основные направления и тенденции строительства вооруженных сил государств Североатлантического блока. М. : Науч. б-ка (НБ), 2016. 675 с.
9. *Ворсин В. Ф.* Развертывание Тыла Центра и приграничных военных округов в начале Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М. : Изд-во РИО ВАГШ ВС РФ, 2017. 203 с.
10. Город-фронт: материалы и исследования. СПб. : Галарт, 2019. 522 с.; изд. 2-е, испр. и доп. СПб. : Галарт, 2019. 528 с.
11. *Дайнес В. О.* Командармы 1941 года: доблесть и трагедия. М. : Вече, 2017. 413 с.
12. *Дашков А. Ю., Голотюк В. Л.* Главное командование: от Военного Воздушного Флота до Воздушно-космических сил России. М. : Буксир; Небо Отчизны, 2017. 696 с.
13. История Великой Победы. В 3 томах. Т. 1. Канун трагедии. М. : Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО–Университет), 2020. 663 с.; Т. 2. Изгнание и освобождение. М., 2020. 723 с.; Т. 3. Война и дипломатия. М., 2020. 671 с.
14. *Лашков А. Ю., Слинкин М. М.* Сирия. Далекая и близкая война. М. : МБА, 2018. 203 с.
15. Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни: материалы и исследования / сост. П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов. СПб. : Галарт, 2018. 522 с.; изд. 2-е, испр. и доп. СПб. : Галарт, 2018. 528 с.
16. *Найденко Б. Н.* Зимняя война. К 80-летию начала советско-финляндской войны 1939–1940 гг. М. : Дирижабль, 2019. 210 с.
17. Николаевская академия Генерального штаба (1832–1918) / сост. Н. Ю. Бринюк, Э. Л. Коршунов, А. А. Михайлов. СПб. : Дмитрий Буланин, 2018. 304 с.
18. Освобождение Заполярья: материалы и исследования / сост. П. В. Игнатьев, Э. А. Коршунов, А. И. Рупасов. СПб. : ГАЛАРТ, 2020. 592 с.
19. *Пасхальный П. И.* Военно-политическая стратегия США в период противоборства с СССР (1945–1991). М. : Т-8 Издательские Технологии, 2018. 220 с.
20. Плацдарм «Невский пятачок». 1941–1943. Сб. статей. 4-е изд. СПб. : ГАЛАРТ, 2018. 352 с.
21. Победные залпы: материалы исследования. СПб. : Галарт, 2020. 608 с.
22. *Португальский Р. М., Хорьков А. Г.* Военно-историческая работа. М. : Воениздат, 1990. С. 35.

23. Прорыв блокады: материалы и исследования. СПб. : Галарт, 2019. 528 с.
24. Прямыцын В. Н. Отечественная гидрометеорология в годы Первой мировой и Гражданской войн (1914–1921 гг.). СПб. : Дмитрий Буланин, 2018. 336 с.
25. Рыжков Н. И. Великая Отечественная: оружие Победы. М. : Экономическая газета, Академия менеджмента и бизнес-администрирования, 2020. 262 с.
26. Связь Красной армии в 1938–1942 гг.: уроки истории. Сб. документов / В. С. Хохлов (отв. сост.) и др. М. : Перо, 2019. 592 с.
27. Снятие осады: материалы и исследования. СПб. : Галарт, 2019. 528 с.
28. Стальная гвардия Отечества. М. : ВАГШ, 2016. 526 с.
29. Усиков А. В. и др. Отечественное военно-морское искусство. 1921–1945: теория и практика / под ред. В. И. Куроедова. М. : Кучково поле, 2016. 492 с.

Об авторе:

Ковалев Сергей Николаевич, ведущий научный сотрудник 44 научно-исследовательского отдела (военной истории Северо-Западного региона РФ, г. Санкт-Петербург) 4 научно-исследовательского управления (экспертиз и научной информации) Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, доктор исторических наук; vagsh@mil.ru

References

1. Alekseev Yu. A., Basik I. I., Mazurkevich R. V. et al. Fire arc. M. : Zvonitsa-MG, 2020. 680 p. (In rus)
2. Baranov A., Belkov A., Bozhedomov B. et al. Encyclopedia of the Great Patriotic War of 1941–1945. M. : Onyx, 2020. 726 p. (In rus)
3. Basik I. I. Activity of the State Defense Committee during the Great Patriotic War. Belgorod : GVMZ Prokhorovskoe pole, 2019. 84 p. (In rus)
4. Basik I. I., Nikiforov N. I., Morozov M. E. et al. Encyclopedia of the Great Patriotic War of 1941–1945. M. : Publishing house Zvonitsa-MG, 2018. 726 p. (In rus)
5. Battalions ask for water (water supply to the Limited contingent of Soviet troops in Afghanistan. 1979–1989). M. : Retrohydromet, 2019. 224 p. (In rus)
6. Bogdanov V. N., Leshin M. G., Polyakov S. P. Military training in foreign countries : study guide. manual for universities of the Ministry of Defense of the Russian Federation. M. : Yurayt, 2020. 332 p. (In rus)
7. Brinyuk N. Yu., Koneev A. N., Mikhailov A. A. et al. Military geography and military statistics: history and modernity. SPb. : Dmitry Bulanin, 2018. 320 p. (In rus)
8. Bogdanov V. N. et al. Armed forces of the leading NATO states at the turn of 2020–2025. M.: Scientific library (SL), 2016. 378 p.; Bogdanov V. N. et al. The main directions and tendencies of the development of the armed forces of the states of the North Atlantic block. M. : Scientific library (SL), 2016. 675 p. (In rus)
9. Vorsin V. F. Deployment of the Rear of the Center and border military districts at the beginning of the Great Patriotic War of 1941–1945. M. : Publishing house of the RIO VAGSh VS RF, 2017. 203 p. (In rus)
10. City-front: materials and research. SPb. : Galart, 2019. 522 p.; ed. 2nd, rev. and add. SPb. : Galart, 2019. 528 p. (In rus)
11. Daines V. O. Commanders of 1941: valor and tragedy. M. : Veche, 2017. 413 p. (In rus)
12. Dashkov A. Yu., Golotyuk V. L. Main command: from the Air Force to the Aerospace Forces of Russia. M. : Buksir; Nebo Otchizny, 2017. 696 p. (In rus)
13. History of the Great Victory. In 3 volumes. Vol. 1. Eve of the tragedy. M. : Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO-University), 2020. 663 p.; Vol. 2. Exile and liberation. M., 2020. 723 p.; Vol. 3. War and diplomacy. M., 2020. 671 p. (In rus)

14. Lashkov A. Yu., Slinkin M. M. Syria. A distant and close war. M. : MBA, 2018. 203 p. (In rus)
15. Leningrad. War. Blockade. The road of life: materials and research / comp. P. V. Ignatiev, E. L. Korshunov, A. I. Rupasov. SPb. : Galart, 2018. 522 p.; ed. 2nd, rev. and add. SPb. : Galart, 2018. 528 p. (In rus)
16. Naidenko B. N. Winter War. On the occasion of the 80th anniversary of the beginning of the Soviet-Finnish war of 1939–1940. M. : Dirizhabl, 2019. 210 p. (In rus)
17. Nikolaev Academy of the General Staff (1832–1918) / comp. N. Yu. Brinyuk, E. L. Korshunov, A. A. Mikhailov. SPb. : Dmitry Bulanin, 2018. 304 p. (In rus)
18. Liberation of the Arctic: materials and research / comp. P. V. Ignatiev, E. A. Korshunov, A. I. Rupasov. SPb. : GALART, 2020. 592 p. (In rus)
19. Paskhalnyi P. I. Military-political strategy of the USA during the confrontation with the USSR (1945–1991). M. : T-8 Publishing Technologies, 2018. 220 p. (In rus)
20. Nevsky Bridgehead. 1941–1943. Sat. articles. 4th ed. SPb. : GALART, 2018. 352 p. (In rus)
21. Victory volleys: research materials. SPb. : Galart, 2020. 608 p. (In rus)
22. Portugalskii R. M., Khor'kov A. G. Military-historical work. M. : Military Publishing, 1990. P. 35. (In rus)
23. Breaking the blockade: materials and research. SPb. : Galart, 2019. 528 p. (In rus).
24. Pryamitsyn V. N. Domestic hydrometeorology during the First World War and the Civil War (1914–1921). SPb. : Dmitrii Bulanin, 2018. 336 p. (In rus)
25. Ryzhkov N. I. The Great Patriotic War: the weapon of Victory. M. : Economic newspaper, Academy of Management and Business Administration, 2020. 262 p. (In rus)
26. Communication of the Red Army in 1938–1942: history lessons. Sat. documents / V. S. Khokhlov (otv. comp.) et al. M. : Pero, 2019. 592 p. (In rus)
27. Removing the siege: materials and research. SPb. : Galart, 2019. 528 p. (In rus)
28. Steel Guard of the Fatherland. M. : VAGSh, 2016. 526 p. (In rus)
29. Usikov A. V. and others. Domestic naval art. 1921–1945: theory and practice / ed. V. I. Kuroedov. M. : Kuchkovo field, 2016. 492 p. (In rus)

About the author:

Sergey N. Kovalev, Leading Researcher 44 Research Department (Military History of the North-Western Region of the Russian Federation, Saint Petersburg) 4 Research Department (Expertise and Scientific Information) Research Institute (Military History) Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Doctor of Science (History); vagsh@mil.ru

Пространство политики ЕС в области искусственного интеллекта

Выходец Р. С.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
marketing812@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье предлагается комплексный анализ политики ЕС в области развития и внедрения технологий искусственного интеллекта (ИИ), который вносит вклад в научные исследования, посвященные проблематике международных политических аспектов развития технологий ИИ. Работа в первую очередь основана на анализе официальных документов, входящих в Стратегию ЕС по ИИ: Белая книга, Координационный план, Предложение о Положении, устанавливающем гармонизированные правила в отношении искусственного интеллекта на территории ЕС, документы экспертных групп Европейской комиссии др. Представлены данные о национальных стратегиях в области ИИ европейских государств.

В статье выявлены и раскрыты ключевые направления политики ЕС в области ИИ. К ним относятся инвестиции в технологии, создание условий для их развития, содействие разработкам и внедрению, формирование образовательной и регуляторной среды, продвижение европейского видения развития технологий ИИ на международном уровне. Подробно рассматриваются программы и источники финансирования, организационные и координационные механизмы, функционирующие на уровне ЕС, формы взаимодействия между заинтересованными сторонами, основные подходы к продвижению единых принципов в сфере этики и безопасности технологий. Значительное внимание уделено продвижению политики ЕС в области ИИ на международной арене.

Ключевые слова: Европейский союз, искусственный интеллект, стратегия, мировая политика, технологическое лидерство, кибербезопасность

Для цитирования: *Выходец Р. С.* Пространство политики ЕС в области искусственного интеллекта // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 3. С. 108–117.

European Ai-Policy Space

Roman S. Vykhodets

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation; marketing812@mail.ru

ABSTRACT

Artificial Intelligence (AI) is one of the central technologies of the fourth industrial revolution. A significant part of the production of surplus value in the XXI century is associated with the mastery and widespread introduction of technologies, which contributes to the consolidation of technological competition as an object of state policy and an important component of international relations. The European Union today occupies a leading position in the field of technology development and Since 2018 the EU is in the process of forming a unified strategy in the field of AI, the directions, principles and approaches of which are the main subject of this article.

The study is primarily based on the analysis of official documents included in the EU Strategy on AI: White Paper, Coordination Plan, Proposal for a Regulation establishing harmonized rules for artificial intelligence in the EU, documents of the expert groups of the European Commission, etc. The analysis of the EU policy to promote its own vision and approaches at the international level is based on theoretical models of the concept of “soft power” and the neo-institutional approach.

Against the backdrop of fierce global technological competition, the EU was one of the first in the world to form a holistic strategy for the development of AI technologies. This makes it possible not only to strengthen its own position as a world leader in the field of innovative technologies, but also to significantly expand the intra-European and international integration agenda, as well as to supplement the European arsenal of soft power with tools to promote its own norms, standards and ethical principles of AI development at the global level.

The key directions of the EU AI Policy are identified and disclosed. These include investments in technologies, creating conditions for their development, promoting development and implementation, creating an educational and regulatory environment, promoting the European vision of AI technology development at the international level. The authors considered key mechanisms of political regulation at the EU level, forms of interaction between stakeholders, approaches to promoting common principles in the field of ethics and security of AI technologies within the EU and at the international level.

Keywords: European Union, Artificial Intelligence, AI Strategy, International Relations, Technological Leadership, Cybersecurity

For citing: Vykhodets R. S. European Ai-Policy Space // Eurasian integration: economics, law, politics. 2021. Vol. 15. No. 3. P. 108–117.

Ведущие технологии четвертой промышленной революции, все глубже проникая в экономику и промышленность, придают беспрецедентное значение цифровому пространству, в котором выстраивается новая архитектура мировой политики. По этому поводу в докладе на открытии 49-го Давосского экономического форума 22 января 2019 г. Клаус Шваб отметил: «Искусственный интеллект, большие данные и возможность создания технологических платформ массового использования начинают определять национальную мощь государств» [11]. По мнению экспертов Европейской комиссии, искусственный интеллект (ИИ) в XXI в. будет основным двигателем экономического роста и повышения производительности труда, а также будет способствовать устойчивости и жизнеспособности промышленности [9, с. 5]. Овладение современными технологиями, внедрение их в производство сулит государствам существенные экономические выгоды и лидирующие позиции в мировой системе разделения труда. В итоговых материалах состоявшейся 1 декабря 2020 г. Европейской конференции по политике в области искусственного интеллекта указывается: «Эта технология важна в геополитическом плане. Многие страны стремятся достичь глобального инновационного преимущества в области ИИ, потому что они понимают, что это фундаментальная технология, которая может повысить конкурентоспособность и помочь решить социальные проблемы» [7].

Европейский союз сегодня прочно занимает ведущие позиции в глобальной технологической гонке и одним из первых приступил к разработке консолидированной политики в области ИИ для государств — членов ЕС. ИИ прочно укрепился в повестке дня ЕС с момента проведения Саммита по цифровым технологиям в сентябре 2017 г. в Таллине, главной целью которого являлось обсуждение на высшем уровне цифрового будущего Европы до 2025 г.

Отправной точкой для определения контуров единой европейской политики в области ИИ стало подписание 10 апреля 2018 г. в рамках Digital Day-2018 в Брюсселе всеми странами ЕС и Норвегией Декларации о сотрудничестве в области ИИ, которая провозгласила намерения объединить усилия в разработке и внедрении технологий ИИ, а также совместно решать возникающие на этом пути экономические, социальные, этические и правовые проблемы¹. И уже 25 апреля Еврокомиссия в своем сообщении «Искусственный интеллект для Европы»² представила европейскую стратегию ИИ, где обозначены основные принципы единого европейского подхода в этой сфере.

¹ Declaration. Cooperation on Artificial Intelligence. Brussels. 10.04.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/eu-member-states-sign-cooperate-artificial-intelligence> (дата обращения: 12.05.2021).

² Artificial Intelligence for Europe. COM (2018) 237. Brussels. 25.04.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/communication-artificial-intelligence-europe> (дата обращения: 12.05.2021).

В Сообщении также предусматривалось принятие до конца 2018 г. скоординированного плана развития ИИ в Европе. В период с июня по ноябрь 2018 г. Европейская комиссия провела серию обсуждений с государствами — членами ЕС возможных направлений сотрудничества для совместной адаптации экономики и общества к быстрым изменениям, вызванным ИИ. Результатом этой работы явилось решение государств — членов ЕС, к которому присоединились Норвегия и Швейцария, ввести в действие скользящий скоординированный план, предусматривающий его ежегодную актуализацию. Первая редакция плана была утверждена 7 декабря 2018 г.¹ Документ представляет собой совместные обязательства ЕС и государств-членов содействовать развитию и использованию ИИ в Европе, координировать общеевропейские и национальные усилия в области ИИ, а также служить ориентиром для формирования соответствующей нормативно-правовой базы на национальном уровне.

К настоящему времени 19 государств — членов ЕС и Норвегия приняли национальные стратегии в области искусственного интеллекта²:

- 2017 г. — Финляндия;
- 2018 г. — Германия, Франция, Швеция;
- 2019 г. — Дания, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Португалия, Словакия, Чехия, Эстония;
- 2020 г. — Болгария, Венгрия, Испания, Италия, Латвия, Норвегия, Польша;
- в разработке: Австрия, Бельгия, Греция, Ирландия, Кипр, Румыния, Словения, Хорватия.

Национальные стратегии европейских государств различаются с точки зрения стратегического подхода, уровня детализации предлагаемых действий и отраслевой направленности. В стратегиях применяются различные концептуальные формы: от зонтичной стратегии высокого политического уровня, охватывающей множество различных политических инициатив, до операционных стратегий с конкретными действиями и выделенным бюджетным финансированием.

Внутренняя политика также различается по приоритетным направлениям. Некоторые страны (например, Мальта и Словакия) использовали горизонтальный подход и не определили конкретных приоритетных секторов для внедрения технологий ИИ. Франция сосредоточилась на секторах экономики, которые имеют высокий потенциал роста или обеспечивают конкурентное преимущество. Чаще всего в национальных стратегиях ИИ рассматриваются такие секторы экономики, как производство, здравоохранение, сельское хозяйство, государственное управление, транспорт, логистика, образование и энергетика.

Несмотря на различия в выбранных европейскими государствами подходов к политике ИИ, все национальные стратегии четко коррелируют с базовыми документами, принятыми на уровне ЕС. В качестве интегральной основы политики в области ИИ на всем европейском пространстве в феврале 2020 г. Еврокомиссия опубликовала Белую книгу по искусственному интеллекту³. Документ содержит стратегическое видение развития двух укрупненных сфер создания и внедрения ИИ в Европе:

- ✓ «*Экосистема передового опыта*» — развитие государственно-частного партнерства с целью мобилизации ресурсов для формирования системы стимулов во всей цепочке создания стоимости, начиная с научных исследований и инноваций и заканчивая внедрением решений на основе ИИ малыми и средними предприятиями;
- ✓ «*Экосистема доверия*» — формирование европейской нормативно-правовой базы, этических принципов, определения основных рисков и критических сфер, а также определения базовых принципов для обеспечения безопасности в сфере ИИ.

Формирование указанных экосистем включает в себя несколько направлений, которые нашли отражение в двух ключевых документах Европейской комиссии, утвержденных в апреле 2021 г.: обновленная

¹ Coordinated Plan on Artificial Intelligence. Brussels, 7.12.2018 COM (2018) 795 final [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/newsroom/dae/redirection/document/56017> (дата обращения: 12.05.2021).

² Fostering a European Approach to Artificial Intelligence. COM (2021) 205. Brussels, 21.04.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/strategy-artificial-intelligence> (дата обращения: 15.05.2021).

³ White Paper on Artificial Intelligence — A European Approach to Excellence and Trust. COM (2020) 65. Brussels, 19.02.2020 [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/info/files/white-paper-artificial-intelligence-european-approach-excellence-and-trust_en (дата обращения: 16.05.2021).

редакция Скоординированного плана по искусственному интеллекту¹, которая подтвердила и уточнила основные положения аналогичного документа от 2018 г., и Предложение о Положении², которое устанавливает гармонизированные правила в отношении ИИ на всей территории ЕС.

Инвестиции в технологии

В рамках данного направления предполагается ускорить частные и государственные инвестиции в технологии ИИ с привлечением финансирования ЕС через ряд программ, прежде всего, «Цифровая Европа» (Digital Europe, DE), «Горизонт Европа» (Horizon Europe, HE), программы Фонда восстановления и устойчивости (Recovery and Resilience Facility, RRF). В частности, запланировано выделение не менее 1 млрд евро в год из программ DE и HE на период 2021–2027 гг. Предполагается, что финансирование на уровне ЕС должно способствовать развитию сотрудничества между государствами-членами и привлекать инвестиции из частного сектора. Главным целевым финансовым показателем на предстоящее десятилетие является постепенное увеличение государственных и частных инвестиций до 20 млрд евро в год.

Кроме того, в рамках RRF зарезервировано около 134 млрд евро (20% от общего объема финансирования) на «цифровую цель». По мнению экспертов Еврокомиссии, эти средства, выделяемые государствам-членам в виде займов и грантов, могут стать решающим фактором для увеличения инвестиций и создания необходимой инфраструктуры для работы с большими данными, облачными вычислениями, тестирования и экспериментов, а также для ускорения внедрения технологий ИИ государственными органами и предприятиями.

В основе выбранного ЕС подхода к инвестициям в технологии ИИ лежит нацеленность на достижение мультипликативного эффекта, а также ориентация на развитие и внедрение наиболее динамично развивающихся технологий. Во всем мире наблюдается взрывной рост числа компаний, использующих технологии ИИ. Например, по данным Gartner, в период 2015–2019 гг. количество таких компаний увеличилось почти в четыре раза³. Разработки в смежных областях, например, таких как робототехника, интернет вещей, существенно расширяют технологические границы и создают дополнительный потенциал для внедрения технологий ИИ. По последним оценкам европейских экспертов, мультипликативный эффект от внедрения технологий ИИ может дать около 290 млрд евро прироста ВВП и 4,6 млн дополнительных рабочих мест к 2030 г.⁴ Ориентируясь на эти данные, европейская политика в сфере ИИ нацелена на объединение инвестиционных инструментов на уровне ЕС, государств-членов и частного сектора для достижения максимальной отдачи от развития и внедрения ИИ в европейскую экономику.

Создание условий для технологического развития

Данное направление включает в себя три блока.

1. Создание структур управления и координации совместных действий. Организационное ядро на уровне ЕС в рамках данного блока составляют созданные Еврокомиссией три горизонтальные рабочие группы:

- группа экспертов высокого уровня по ИИ (занимается анализом этических последствий внедрения ИИ, разработкой рекомендаций для реализации единой политики в этой области);
- группа экспертов высокого уровня по влиянию цифровой трансформации на рынки труда ЕС (вырабатывает рекомендации по цифровой трансформации в сфере труда и занятости);

¹ Fostering a European Approach to Artificial Intelligence. COM (2021) 205. Brussels. 21.04.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/strategy-artificial-intelligence> (дата обращения: 15.05.2021).

² Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence. Brussels. 21.4.2021 COM (2021) 206 final [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1623335154975&uri=CELEX%3A52021PC0206> (дата обращения: 18.06.2021).

³ Gartner Survey Shows 37 Percent of Organizations Have Implemented AI in Some Form. January 21, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2019-01-21-gartner-survey-shows-37-percent-of-organizations-have> (дата обращения: 17.06.2021).

⁴ Europe's Two Trillion Euro Dividend: Mapping the Cost of Non-Europe. 18.04.2019 [Электронный ресурс]. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_STU\(2019\)631745](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_STU(2019)631745) (дата обращения: 17.06.2021).

- экспертная группа по ответственности и новым технологиям (занимается анализом рисков и последствий для человека и общества, связанных с внедрением технологий ИИ).

Существенную роль в координации усилий, оценке и обмене наиболее успешным опытом играют профильные интернет-платформы и экспертные площадки. Для отслеживания событий, связанных с технологиями ИИ, в 2018 г. Еврокомиссия по согласованию с государствами-членами запустила специализированную статистико-аналитическую платформу AI Watch¹, которая аккумулирует и предоставляет всем заинтересованным сторонам данные о промышленном, технологическом и исследовательском потенциале, инициативах в области ИИ в государствах-членах, инвестициях, разработках и внедрении, а также их влиянии на экономику и общество.

Для мониторинга внедрения и использования в Европе новых технологий, включая ИИ, в сфере предоставления государственных услуг в 2018 г. была создана Платформа инновационных государственных услуг (IPSO)². Для анализа аналогичных событий в промышленном секторе в 2020 г. создана Платформа передовых технологий для промышленности (ATI)³.

Для взаимодействия с более широким кругом заинтересованных сторон по вопросам, связанным с ИИ, создан онлайн-форум AI Alliance⁴, который объединяет более 4 тыс. членов, представляющих академические круги, бизнес, гражданское общество и политиков со всего мира. К настоящему моменту форум собирался два раза: в июне 2019 г. и октябре 2020 г.

Организационные усилия на уровне ЕС находят свое отражение и на уровне государств-членов. Во многих странах создаются национальные сети по ИИ, например, German Digital Hub Initiative, Netherlands AI Coalition.

2. Обмен данными на основе единых этических и правовых принципов. Политика ЕС в области ИИ нацелена на создание единого европейского пространства для беспрепятственного трансграничного обмена данными. Знаковым событием на этом пути стало принятие 19 февраля 2020 г. Европейской стратегии данных⁵, которая нацелена на создание единого рынка данных для обеспечения глобальной конкурентоспособности ЕС. В развитие основных положений Стратегии 25 ноября 2020 г. Еврокомиссия предложила новый Закон об управлении данными⁶. Документ включает ряд мер по повышению доверия к обмену данными, облегчению повторного использования определенных данных, находящихся в государственном секторе, создает условия для участия новых посредников в процессе обмена данными и в целом призван упростить и обезопасить предоставление организациями и частными лицами своих данных для широкого использования.

3. Развитие критически важной вычислительной инфраструктуры. Вычислительная инфраструктура представляет собой необходимую технологическую основу для создания добавленной стоимости в сфере ИИ. По последним экспертным оценкам, страны ЕС занимают третье место в мире после Китая и США по количеству наиболее производительных суперкомпьютеров: 79 систем (15,5% от общемирового количества) с совокупной производительностью 374,4 петафлопс (15,4% от общемирового уровня)⁷. Для развития высокопроизводительных вычислений и разработки инновационных суперкомпьютерных технологий в 2018 г. создано Европейское совместное предприятие по высокопроизводительным вычислениям (EuroHPC), объединяющее ресурсы 32 участвующих стран и частных партнеров.

¹ About AI Watch [Электронный ресурс]. URL: https://knowledge4policy.ec.europa.eu/ai-watch/about_en (дата обращения: 18.06.2021).

² The Official European Union Website. Innovative Public Services [Электронный ресурс]. URL: <https://joinup.ec.europa.eu/collection/innovative-public-services> (дата обращения: 18.06.2021).

³ The Official European Commission Website. Advanced Technologies for Industry [Электронный ресурс]. URL: <https://ati.ec.europa.eu/> (дата обращения: 18.06.2021).

⁴ The Official European Commission Website. The European AI Alliance [Электронный ресурс]. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/european-ai-alliance> (дата обращения: 18.06.2021).

⁵ A European Strategy for Data. Brussels. 19.2.2020 COM (2020) 66 final [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/communication-european-strategy-data-19feb2020_en.pdf (дата обращения: 18.06.2021).

⁶ Data Governance Act. Brussels. 25.11.2020 COM (2020) 767 final [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020PC0767&from=EN> (дата обращения: 18.06.2021).

⁷ TOP 500. November 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://top500.org/statistics/list/> (дата обращения: 20.04.2021).

Многие специалисты связывают прорывы в области создания высокопроизводительных и энергоэффективных микропроцессоров для ИИ с открытиями фундаментальных принципов работы мозга и созданием на их основе технологий «нейроморфных вычислений». Так, например, К. В. Анохин в одной из своих статей прямо указал на то, что создание новых систем ИИ в значительной мере обусловлено фундаментальными исследованиями в нейрофизиологии [1, с. 6]. С 2013 г. в ЕС реализуется масштабный проект по изучению мозга Human Brain Project, который объединяет около 500 ученых и инженеров из более чем 140 университетов, учебных и исследовательских центров по всей Европе. Одним из флагманских направлений проекта являются нейроморфные технологии, в рамках которого ведутся исследования и разработки новых архитектур микросхем для ИИ¹. Кроме того, в 2019–2020 гг. в рамках совместного предприятия «Электронные компоненты и системы для европейского лидерства» (ECSEL) инициировано несколько крупномасштабных проектов по развитию платформ для нейроморфных вычислений.

Содействие разработкам и внедрению

Основу европейской системы поддержки всей цепочки от научных исследований и разработок технологий ИИ до их внедрения составляет стимулирование государственно-частного партнерства через ряд специализированных структур. Особое место в этом процессе занимает Европейское партнерство по ИИ, данным и робототехнике². Его главная цель состоит в обеспечении к 2030 г. европейского суверенитета в области создания и внедрения надежных и безопасных технологий ИИ. Также ряд других государственно-частных партнерств имеют прямое отношение к технологиям ИИ: а) Ассоциация ценности Больших данных (BDVA, объединяет ведущие европейские научно-исследовательские организации и компании, включая поставщиков данных, пользователей и аналитиков); б) ГЧП Робототехники (SPARC, объединяет европейскую робототехническую промышленность и научные круги, обеспечивая полный инновационный цикл от исследований до отраслевых НИОКР и заканчивая тестированием инновационных роботизированных технологий в реальных условиях); в) EuroHPC JU (объединяет усилия и ресурсы для развертывания в Европе суперкомпьютеров мирового класса); г) Электронные компоненты и системы для европейского лидерства (ECSEL, обеспечивает кооперацию в области оборудования и встроеного программного обеспечения, необходимого для разработки и развертывания цифровых систем на основе ИИ).

Существенное внимание на уровне ЕС уделяется развитию исследований и инноваций в области ИИ и обмену успешным опытом. С 2021 г. началось построение общеевропейской сети центров передового опыта в области ИИ, получившей в стратегических документах ЕС название «AI маяк для Европы» (AI lighthouse for Europe)³. Главная ее цель заключается в создании альянса сильных европейских исследовательских организаций, которые будут иметь общую дорожную карту для поддержки передового опыта в фундаментальных и прикладных исследованиях, для согласования национальных усилий в области ИИ.

Для стимулирования внедрения технологий ИИ Еврокомиссия реализует меры в двух направлениях:

- создание технологической инфраструктуры для испытаний и экспериментов (TEF)⁴, предназначенной для тестирования технологий ИИ перед их выпуском на рынок;
- создание сети Европейских центров цифровых инноваций (EDIH)⁵, которые предоставляют компаниям готовые решения на основе ИИ, а также дают возможность протестировать технологии ИИ перед инвестированием. Предусмотрено финансирование в размере 1,5 млрд евро на создание сети из 210 центров, которые будут покрывать все регионы Европы.

¹ The Official HBP Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.humanbrainproject.eu> (дата обращения: 02.03.2021).

² The Official Adra Website [Электронный ресурс]. URL: <https://ai-data-robotics-partnership.eu/> (дата обращения: 02.06.2021).

³ Fostering a European Approach to Artificial Intelligence. COM (2021) 205. Brussels. 21.04.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/strategy-artificial-intelligence> (дата обращения: 15.05.2021).

⁴ Workshop on Artificial Intelligence Testing and Experimentation Facilities for Smart Manufacturing [Электронный ресурс]. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/events/workshop-artificial-intelligence-testing-and-experimentation-facilities-smart-manufacturing> (дата обращения: 23.06.2021).

⁵ European Digital Innovation Hubs [Электронный ресурс]. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/activities/edihs> (дата обращения: 23.06.2021).

Формирование образовательной и регуляторной среды

Как указывают многие эксперты, существенным препятствием на пути развития технологий ИИ является отсутствие у значительной части трудоспособного населения необходимых знаний и навыков. По последним данным, 45% европейских компаний отмечают в качестве основного препятствия в ходе внедрения ИИ отсутствие навыков у существующего персонала и 57% указывают на трудности найма нового персонала с необходимыми навыками в области ИИ [8, с. 11]. При этом некоторые европейские аналитики указывают на то, что для извлечения выгоды из технологии в полном объеме необходимо широкое повышение квалификации сотрудников в области ИИ [10, с. 186].

В этой связи Еврокомиссия разработала комплекс мер для поддержки развития цифровых навыков, в том числе в области ИИ, на всех уровнях формального и неформального образования. В сентябре 2020 г. был принят План действий в области цифрового образования на период 2021–2027 гг.¹ Документ включает конкретные действия по совершенствованию навыков ИИ в более широком контексте продвижения цифровых навыков.

Важной вехой в становлении общеевропейской регуляторной среды развития технологий ИИ стала разработка в 2019–2020 гг. группой экспертов высокого уровня по ИИ «Принципов этики для надежного ИИ»² и «Списка оценок для надежного ИИ» (ALTAI)³. Первый документ определил ключевые принципы и требования к надежному ИИ, а второй предложил критерии для самооценки, которые сформировали оперативную основу для поддержки применения этических принципов разработчиками и пользователями ИИ.

16 декабря 2020 г. была принята Стратегия ЕС по кибербезопасности на «Цифровое десятилетие»⁴, в которой изложены базовые подходы к защите граждан, бизнеса и учреждений от киберугроз.

Некоторые специалисты в дискуссиях о моделях кибербезопасности уделяют особое внимание угрозам, связанным с ИИ. Так, в одной из своих работ И. Ф. Кефели указал на ряд таких угроз для человека и общества, среди которых «основной опасностью считается неправильное целеполагание сильному ИИ, не принимающему во внимание интересы людей» [3, с. 47]. По мнению специалистов, в контексте обеспечения кибербезопасности ЕС существенное значение уделяется развитию вызывающих доверие и ориентированных на человека технологий ИИ. Например, Е. С. Зиновьева и В. И. Булга подчеркивают: «ЕС укрепляет систему защиты населения от киберугроз (хакерство, кража личных данных, вымогательство), а также добивается развития искусственного интеллекта с учетом соблюдения прав человека и сохранения атмосферы доверия» [2, с. 45]. Законодательством ЕС⁵ определены системы ИИ высокого уровня риска, для которых устанавливаются особые нормативные требования. К ним относятся системы, предназначенные для использования в качестве компонента безопасности продуктов, а также системы, непосредственно затрагивающие основные права человека.

Продвижение европейского видения на международном уровне

Важным аспектом европейской стратегии по ИИ является выдвигание собственных принципов и видения того, как должен развиваться ИИ в качестве условий сотрудничества с другими странами в этой области. Поэтому приоритетным направлением для ЕС выступает активное продвижение своих регуляторных правил на международном уровне и сотрудничество, прежде всего, с развитыми странами, имеющи-

¹ Digital Education Action Plan 2021–2027. Brussels. 30.9.2020. SWD (2020) 209 final [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/education/sites/default/files/document-library-docs/deap-swd-sept2020_en.pdf (дата обращения: 05.06.2021).

² Ethics Guidelines for Trustworthy AI. B-1049 Brussels. 8 April 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelines-trustworthy-ai> (дата обращения: 18.06.2021).

³ The Assessment List for Trustworthy Artificial Intelligence (ALTAI). B-1049 Brussels. 17 July 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/newsroom/dae/redirection/document/68342> (дата обращения: 18.06.2021).

⁴ The EU's Cybersecurity Strategy for the Digital Decade. Brussels. 16.12.2020. JOIN (2020) 18 final [Электронный ресурс]. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/eus-cybersecurity-strategy-digital-decade-0> (дата обращения: 18.06.2021).

⁵ Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence. Brussels. 21.4.2021. COM (2021) 206 final [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1623335154975&uri=CELEX%3A52021PC0206> (дата обращения: 18.06.2021).

ми сильные позиции в области НИОКР и инвестиций в ИИ. Например, в ноябре 2020 г. состоялось первое заседание Совместного комитета ЕС и Японии по ИИ, ведется работа по созданию совместной группы по ИИ с Индией, аналогичные двусторонние проекты прорабатываются с Австралией и Сингапуром. Ведутся активные переговоры с США по сотрудничеству в области кибербезопасности и формированию трансатлантической повестки в области ИИ. Однако нацеленность ЕС на первоочередное сотрудничество с наиболее развитыми странами создает почву для выстраивания искусственных барьеров, препятствующих развитию международного сотрудничества и способствующих усилению технологической изоляции развивающихся стран. В первую очередь это справедливо в отношении африканских стран, как указывает К. А. Панцеров: «На пути поступательного развития технологий ИИ в странах Африки стоят немало препятствий. Одной из наиболее насущных задач для африканских государств является серьезная качественная модернизация системы образования с целью повышения фундаментальной цифровой грамотности» [4, с. 32]. В этом смысле более многовекторный подход ЕС к международному сотрудничеству во многом способствовал бы преодолению существующего разрыва в технологическом развитии.

ЕС является одним из основателей Глобального партнерства по ИИ (GPAI), запущенного в июле 2020 г., и активно участвует в продвижении данного направления в рамках ОЭСР, прежде всего, через участие в группе экспертов ONE-AI, которая предоставляет консультации по вопросам политики в области ИИ Комитету ОЭСР по политике цифровой экономики. Важное значение в ЕС уделяется продвижению европейских стандартов ИИ в международных организациях по стандартизации, таких как ISO, Институт инженеров по электротехнике и радиоэлектронике (IEEE), Всемирная организация интеллектуальной собственности (WIPO).

Выводы

Следует утверждать, что в Европе сформировались основные контуры единого пространства политики в области ИИ. Оно опирается на объединенные усилия и ресурсы государств — членов ЕС при координирующей роли Европейской комиссии, серьезные заделы в создании необходимой инфраструктуры, исследованиях и НИОКР, прозрачные и инклюзивные организационные и регуляторные модели и одни из самых крупных в мире инвестиции. Активная позиция ЕС по продвижению собственного видения политики в области ИИ на международной арене вносит существенный вклад в процесс формирования большого ИИ-пространства на базе государств — членов ОЭСР с безусловным финансовым, технологическим и ценностно-нормативным доминированием США и ЕС. Следует подчеркнуть, для европейской стратегии в области ИИ безусловным приоритетом является укрепление интеграционных процессов внутри ЕС, базовые документы по развитию технологий ИИ, принятые на уровне Еврокомиссии, задают концептуальные рамки для выработки национальной политики государств-членов.

Принимая во внимание приоритетное положение ИИ в формирующемся новом технологическом укладе, борьба за лидерство в этой сфере нередко выходит за рамки обычной конкуренции, проявляясь в качестве одного из главных компонентов санкционной политики. Это приводит к ускоренному складыванию альтернативного большого ИИ-пространства с доминирующим положением Китая, под влияние которого попадают страны, для которых спектр возможностей для сотрудничества с Западом в последнее время резко сузился, в их числе находится и Россия. В этом аспекте некоторые эксперты указывают, что достижения Китая в области ИИ еще больше укрепят его технологическую и экономическую власть в мире, смещая в его сторону геополитический баланс сил. Например, партнеры России по ЕАЭС во все большей степени ориентируются на китайские технологии [6, с. 45–46]. Среди стран — участниц ЕАЭС только Россия утвердила национальную Стратегию развития ИИ (2019 г.) и разработала Федеральный проект «Искусственный интеллект» (2020 г.), включающий в качестве основных приоритетов технологическое развитие и этические аспекты применения ИИ. При этом на уровне ЕАЭС вопрос о необходимости выработки единой союзной политики в области ИИ выступает скорее предметом экспертных дискуссий и темой политических заявлений, включенных в более широкий контекст цифровой повестки, чем областью политического управления. Так, например, в феврале 2018 г. Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК)

запустила работу экспертной площадки по экономике данных и регулированию оборота данных, в качестве одного из направлений работы которой по итогам НИР, проведенного по распоряжению Совета ЕЭК, предлагается разработка стратегии ЕАЭС для развития технологий ИИ. Данная ситуация создает почву для «втягивания» государств — членов ЕАЭС в орбиту политики более сильных игроков, что, в свою очередь, негативно отразится на внутреннем интеграционном потенциале. Поэтому на фоне все более обостряющейся глобальной технологической конкуренции для ЕАЭС имеет первостепенное значение укрепление собственного технологического суверенитета и скорейшая выработка единой союзной политики в области ИИ в качестве концептуальной основы для развития двусторонних и многосторонних форматов сотрудничества как внутри самого ЕАЭС, так и с другими странами.

Литература

1. Анохин К. В. Последний великий рубеж наук о жизни // Экономические стратегии. 2010. № 11. С. 56–63.
2. Зиновьева Е. С., Булва В. И. Цифровой суверенитет Европейского союза // Современная Европа. 2021. № 2. С. 40–49. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220214049>.
3. Кефели И. Ф. Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. 228 с.
4. Панцеров К. А. Страны Африки южнее Сахары на пути к созданию искусственного разума: миф или реальность? // Азия и Африка сегодня. 2020. № 10. С. 29–33. DOI: 10.31857/S032150750011108-0.
5. Цифровая повестка ЕАЭС 2016–2019–2025. Сборник. М. : Евразийская экономическая комиссия, 2019. 199 с.
6. Хейфец Б. А. Каким маршрутом пойдет Россия по одному непростому китайскому пути (научный доклад). М. : Институт экономики РАН, 2020. 62 с.
7. Castro D. European AI Policy Conference Report — 2020. April 9 [Электронный ресурс]. URL: <https://datainnovation.org/2021/04/european-ai-policy-conference-report-2020/> (дата обращения: 21.04.2021).
8. Gosse J. et al. European Enterprise Survey on the Use of Technologies Based on Artificial Intelligence. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2020. 149 p. DOI: 10.2759/759368.
9. Re-finding Industry. Report of the Independent High Level Group on Industrial Technologies. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2018. 54 p. DOI: 10.2777/927953.
10. Reim W. et al. Implementation of Artificial Intelligence (AI): A Roadmap for Business Model Innovation. A I. 2020. Vol. 1. P. 180–191. DOI: 10.3390/ai1020011.
11. Schwab K. Globalization 4.0. A New Architecture for the Fourth Industrial Revolution. January 16 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2019-01-16/globalization-40> (дата обращения: 15.04.2021).

Об авторе:

Выходец Роман Сергеевич, доцент кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат философских наук; marketing812@mail.ru

References

1. Anokhin K. V. The last great frontier of life sciences // Economic strategies. 2010. No. 11. P. 56–63. (In rus)
2. Zinovieva E. S., Bulva V. I. Digital sovereignty of the European Union // Modern Europe. 2021. No. 2. P. 40–49. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220214049>. (In rus)
3. Kefeli I. F. Asphatronic: on the way to the theory of global security. SPb. : CPC SZIU RANEPa, 2020. 228 p. (In rus)

4. Pantserov K. A. Sub-Saharan African countries on the way to the creation of artificial intelligence: myth or reality? // Asia and Africa today. 2020. No. 10. P. 29–33. DOI: 10.31857/S032150750011108-0. (In rus)
5. Digital agenda of the EAEU 2016–2019–2025. Collection. M. : Eurasian Economic Commission, 2019. 199 p. (In rus)
6. Kheifets B. A. What route will Russia take along one difficult Chinese path (scientific report). Moscow : Institute of Economics RAS, 2020. 62 p. (In rus)
7. Castro D. European AI Policy Conference Report — 2020. April 9. [Electronic resource]. URL: <https://datainnovation.org/2021/04/european-ai-policy-conference-report-2020/> (Date of access: 21.04.2021).
8. Gosse J. et al. European Enterprise Survey on the Use of Technologies Based on Artificial Intelligence. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2020. 149 p. DOI: 10.2759/759368.
9. Re-finding Industry. Report of the Independent High Level Group on Industrial Technologies. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2018. 54 p. DOI: 10.2777/927953.
10. Reim W. et al. Implementation of Artificial Intelligence (AI): A Roadmap for Business Model Innovation. A I. 2020. Vol. 1. P. 180–191. DOI: 10.3390/ai1020011.
11. Schwab K. Globalization 4.0. A New Architecture for the Fourth Industrial Revolution. January 16 [Electronic resource]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2019-01-16/globalization-40> (Date of access: 15.04.2021).

About the author:

Roman S. Vykhodets, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Philosophy; marketing812@mail.ru

Евразийство и внешняя политика Российской Федерации¹

Базавлук С. В.

Российский Университет Дружбы Народов, Москва, Российская Федерация; bazavluk-sv@rudn.ru

РЕФЕРАТ

С целью определения возможностей более широкого применения идей евразийства во внешней политике России, включая ЕАЭС, но не ограничиваясь им, проведен анализ различных методов и подходов, применяемых для интеграционных процессов. При этом учитываются текущая геополитическая ситуация и факторы многовекторности в международных отношениях. Также предлагается учитывать роль идентичности в широком смысле в качестве политической привлекательности. Вместе с этим рассмотрены и различные проблемы на организационном, социальном, гуманитарном и экономическом уровнях. Учтены и широкие факторы безопасности, которые также играют роль в евразийской интеграции. Актуальность данного исследования обусловлена не только реализацией стратегических направлений внутри ЕАЭС, но и общим курсом на multipolarity, который проводит Россия. Кроме того, кризис либеральной демократии на Западе дает дополнительную возможность России для реализации собственных идей и доктрин на международном уровне. Автор считает, что евразийство, включая его классическую версию, может стать одним из императивов внешней политики России.

Ключевые слова: евразийство, Евразия, Россия, внешняя политика, стратегия

Для цитирования: Базавлук С. В. Евразийство и внешняя политика Российской Федерации // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 3. С. 118–124.

Eurasianism and Foreign Policy of Russia

Sergey V. Bazavluk

RUDN University, Moscow, Russia; bazavluk-sv@rudn.ru

ABSTRACT

In order to determine the possibilities of wider application of the ideas of Eurasianism in the foreign policy of Russia, including the EAEU, but not limited to it, an analysis of various methods and approaches used for integration processes is carried out. At the same time, the current geopolitical situation and the factors of multi-vector approach in international relations are taken into account. It is also proposed to take in attention the role of identity in a broad sense as a political attraction. At the same time, various problems at the organizational, social, humanitarian and economic levels are also considered. The broad security factors that also play a role in the Eurasian integration are also taken into account. The relevance of this study is due not only to the implementation of strategic directions within the EAEU, but also to the general course towards multipolarity that Russia is pursuing. In addition, the crisis of liberal democracy in the West provides an additional opportunity for Russia to implement its own ideas and doctrines at the international level. The author believes that Eurasianism, including its classical version, can become one of the imperatives of Russia's foreign policy.

Keywords: Eurasianism, Eurasia, Russia, foreign policy, strategy

For citing: Bazavluk S. V. Eurasianism and Foreign Policy of Russia // Eurasian integration: economics, law, politics. 2021. Vol. 15. No. 3. P. 118–124.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00165).

Евразийство уже применяется для обоснования внешней политики России на постсоветском пространстве, а также служит в качестве альтернативной интеграционной концепции по созданию Большой Евразии. В рамках работы ЕАЭС подписаны соглашения о свободной торговле с рядом государств Европы, Азии и Латинской Америки — Бангладеш, Камбоджей, Аргентиной, Чили, Эквадором, Индией, Индонезией, Мексикой, Перу, Филиппинами, Сербией, Сингапуром, Таиландом, Египтом и Вьетнамом. Подписаны договоры о сотрудничестве с Марокко, Тунисом и Иорданией. Иран заключил преференциальные торговые отношения с ЕАЭС и готовится стать полноправным членом объединения. Очевидно, что следует продолжать применение евразийского дискурса, поскольку отказ от него будет негативно отражаться на процессах евразийской интеграции, подрывать имидж России как дееспособного актора внешней политики и предоставлять дополнительные возможности для геополитических оппонентов использовать эту ситуацию в своих интересах.

Следовательно, продолжение евразийской стратегии является жизненно важным как для ЕАЭС, так и для России. При этом нынешнее положение дел и новые вызовы будут подталкивать к адаптации, корректировке и реформам.

Важным вопросом остается сама реализация интеграционной стратегии. Существуют разные подходы к управлению организационными процессами, включая интеграцию. Например, ЕС выбрал предупреждающее правление для адаптации новых членов в свое объединение и дальнейшее развитие структуры. «Предупреждающее правление — территория принципа предосторожности, согласно которому инновации со значительным потенциалом к нанесению ущерба вообще не должны вводиться, какие бы выгоды они не сулили. Сам Евросоюз следует более умеренной версии того же принципа, которая признает общую благотворность инноваций, но при этом требует отслеживания их влияния на общество и среду в целом» [14, с. 323].

Либо можно выбрать форсированное правление, которое предполагает, что «определенный ущерб будет нанесен независимо от того, какой курс выбрать, а потому задача в том, чтобы извлечь наибольшую выгоду» [Там же, с. 324]. В этом случае подходит модель созидательного разрушения Й. Шумпетера, то есть создание новых рынков на основе старых.

Для выбора оптимальной модели желательно отработать подобные сценарии на каких-то локальных проектах и в дальнейшем проводить последовательное масштабирование. При этом возможно сочетание обоих подходов для разных областей, чтобы сохранять гибкость и возможность оперативного маневрирования.

Если исходить из мировых тенденций, то между тремя силами, которые двигают глобальную политическую экономику, — глобализацией, регионализацией и национализмом [15] — евразийство представляет золотую середину и может успешно сочетать две последних силы в контексте кризиса и упадка первой.

При этом на данный момент уже существует ряд направлений, которые нуждаются в оптимизации.

По самой структуре ЕАЭС и его отношению к другим акторам высказывалось мнение, что «помимо отсутствия эффективных наднациональных органов, в деятельности ЕврАзЭС существует еще целый ряд других проблем, среди которых нужно выделить следующие: неоднородность субъектного состава альянса; отсутствие в рамках ЕврАзЭС эффективных наднациональных органов; отсутствие баланса между государствами-членами; отсутствие их полного всеобъемлющего подключения к процессам международной экономической интеграции на глобальном уровне в рамках ВТО; конкуренция и противодействие со стороны других геополитических сил» [6, с. 91].

В идеологическом отношении у России также отмечалась определенная несбалансированность по линии межконфессиональных отношений. «Основные нарративы современной российской внешней политики — нарратив Русского мира и евразийский нарратив — объединяет консервативная идеология. Однако они имеют разные религиозные базисы: Русский мир неразрывно связан с православной культурой, а евразийская идеология переплетена с исламскими традициями» [2, с. 41].

Поэтому замечание первого заместителя председателя Духовного управления мусульман РФ, заместителя директора Центра арабистики и исламоведения Института стран Азии и Африки МГУ Д. В. Мухетдинова

вполне адекватно, где в статье «Российское мусульманство: социокультурная реальность и концепт» он отмечает, что на протяжении почти четырнадцати веков происходило тесное взаимодействие тех народов, которые ковали евразийскую цивилизацию, с носителями исламской идентичности. «Не вызывает сомнения, что ислам стал частью российской и евразийской идентичности и оказал значительное влияние на ее формирование» [10]. Мухетдинов также верно указывает, что «традиционный мультикультурализм неоевразийской прото-идеологии означает, что развитие России будет связано с углублением межрелигиозного и межкультурного взаимодействия, с обеспечением мирного сосуществования евразийских духовных традиций и сформированных ими культур, без акцента на какой-либо одной культуре... Умеренный консерватизм мыслится архитекторами неоевразийской прото-идеологии как сочетание формата светского общества с теми моральными и духовными преимуществами, которые дают нам традиционные религии» [Там же].

Нельзя не признать вклад других религиозных традиций (ислама, иудаизма, буддизма, протестантизма, национальных религий), что свидетельствует о взаимовлиянии и взаимообогащении, совместном создании и защите общих ценностей и государственных структур в едином географическом, политическом, экономическом и духовном пространстве. Это формирует чувство сопричастности к единой исторической судьбе, архетипические представления, общие для сознания различных этноконфессиональных общностей» [11].

Из других проблемных факторов нужно выделить следующие:

- не выработан баланс между категориями наднационального и государственного (суверенного) начал в деятельности объединения;
- отсутствие межпарламентского органа, хотя он ранее был на более низком этапе интеграционного взаимодействия в ЕврАзЭС;
- зависимость властных структур от персонального состава членов Высшего совета.

В этом отношении ситуацию может исправить создание особого бюрократического аппарата, который будет приоритетно заниматься наднациональными интеграционными процессами. Также проведение комплексной реформы ЕАЭС, которая сможет избежать стагнации и снижения темпов создания общего рынка.

Особой темой является взаимодействие в информационной сфере и создание специфической «зоны знаний», которая позволит совершенствовать правовую систему, ликвидировать информационный дисбаланс между всеми участниками ЕАЭС, развивать инновационные направления, такие как ИКТ, искусственный интеллект, а также проводить надлежащие евразийские исследования, включая прогнозирование социальных, экономических и политических процессов [1].

В. Изотов и А. Обыденкова пишут, что такие «понятия, как „интегративный менталитет“, как сегмент более широкой категории „внешнеполитического менталитета“, а также теория неоевразийства, были включены в российский политический дискурс и, следовательно, влияют на общественное мнение через специфическую интерпретацию экономических, политических и культурных процессов» [16]. Это тесно связано с общественной поддержкой определенной государственной стратегии (в нашем случае евразийской) и ее дальнейшей легитимизацией.

Поэтому философия евразийства и ее интерпретация в контексте текущих геополитических изменений будет критически необходима как для политических процессов, так и для широких общественных дискуссий, касающихся ЕАЭС и внешней политики России в целом.

Некоторые авторы отмечают важность развития гражданско-правовых отношений под зонтиком ЕАЭС, указывая что «защита законодательства ЕАЭС действительно предлагает некоторое “пространство для маневра”. В частности, ничто не исключает — а некоторые элементы способствуют — более широкого, более правозащитного толкования закона, включая право на семейную жизнь. Таким образом, многое будет зависеть от интерпретационной эволюции правового порядка ЕАЭС, прецедентного права Суда ЕАЭС, а также национальных судов. Некоторое вдохновение можно найти и в положениях о гражданстве в правовой базе Союзного Государства России и Беларуси. Как и в случае с гражданством ЕС, преобладающая неопределенность и свобода интерпретации иногда могут в конечном итоге работать на благо граждан ЕАЭС, а иногда и в их ущерб» [17].

Что касается прагматических экономических вопросов, то здесь также существуют слабые места, которые необходимо корректировать и вовремя адаптировать к изменяющимся условиям.

Уровень торгово-экономической связанности ЕАЭС остается низким, что негативно влияет на развитие евразийской интеграции. Также существует слабость инновационного и инвестиционного влияния на развитие ЕАЭС [4].

Среди основных групп рисков также указывают значительный разрыв в уровне развития национальных экономик; невысокую эффективность институциональной системы ЕАЭС; низкий уровень признания ЕАЭС в качестве субъекта мирового рынка; внешние риски из-за противоречивых тенденций глобализации и санкционных ограничений [8].

В этом отношении следует акцентировать внимание на важности создания зон свободной торговли, для чего необходимо выработать единую стратегическую линию и определить приоритеты в экспортных позициях, при этом защитив свои товары и услуги, которые нуждаются в мерах протекционизма [7].

Зоны свободной торговли, также как и двустороннее партнерство между ЕАЭС и другими объединениями и интеграционными блоками, могут являться стимулирующим и имиджевым фактором для евразийской интеграции.

В частности, указывалось, что «мотивация ЕАЭС определяется прежде всего его стремлением играть возрастающую роль в экономическом сотрудничестве на евразийском пространстве. В связи с этим установление привилегированных отношений с АСЕАН значимо как с точки зрения повышения привлекательности проекта евразийской интеграции, так и в контексте формирования Большого евразийского партнерства (БЕП). Выступая с посланием к Федеральному Собранию в феврале 2019 г., президент В. В. Путин подчеркнул важность углубления взаимодействия с АСЕАН для продвижения инициативы БЕП» [5, с. 64].

Использование внутри ЕАЭС национальных валют для взаимных расчетов является показателем ухода от долларовой зависимости и скоординированным ответом на этот инструмент западной глобализации. По данным ЕАБР, внутри ЕАЭС достигнуты весомые успехи — уже 74% взаимной торговли осуществляется в национальных валютах [3].

Учитывая проект Большой Евразии, создание ЗСВ, а также договоренности с КНР о сопряжении ЕАЭС и инициативы «Один пояс — один путь», может возникнуть как ситуативное союзничество с какими-то государствами, но также и создание прочного альянса [13].

В целом по линии ЕАЭС условия обеспечения экономической безопасности определяются эффективностью процессов интеграции. А особенности развития взаимной торговли определяет ее товарная структура. Поэтому, если между странами отсутствуют торговые отношения или они недостаточно развиты, существует риск экономической безопасности для объединения в целом [9]. А развитие кооперационного сотрудничества нужно для развития промышленности, торговли и общего экономического роста.

Но в непосредственной близости к России и другим участникам евразийской интеграции существуют различные проекты, которые отвлекают внимание государства постсоветского пространства от ЕАЭС и делают единую модель безопасности и интеграции этих стран труднодостижимой [12, с. 186]. Среди них «Организация за демократию и экономическое развитие» ГУАМ, «Содружество демократического выбора», куда входят как страны постсоветского пространства, так и члены ЕС, проект «Восточное партнерство», политика добрососедства ЕС.

Следовательно, вопросы безопасности в ЕАЭС и на постсоветском пространстве нужно рассматривать комплексно, учитывая не только кризисные ситуации и возможности провоцирования конфликтов, но также геоэкономические риски, которые могут каким-либо образом повлиять на евразийскую интеграцию и другие внешнеполитические векторы России.

Видится важным институционализация евразийства в качестве теории международных отношений или как базовой доктрины для таковой. ЕАЭС был сформирован как необходимый ответ на вызовы глобализации и международной политической конъюнктуры. Страны-участницы руководствовались не только общим историческим и культурным наследием, но и текущей тенденцией постепенного исчезновения однополярного мироустройства и появления многополярной модели. Но вместе с тем

основные теории международных отношений продолжают оставаться рудиментами предыдущей эпохи. Либерализм и (нео)реализм — как основные школы, признанные на Западе, частично (нео)марксизм, к которому продолжают апеллировать в некоторых странах, продолжают быть ориентиром в политических науках. В связи с этим видится необходимым разработка новых теорий международных отношений, которые бы отвечали характеру современного мироустройства, давали ответы на текущие вызовы и имели бы связь с культурно-историческими традициями стран ЕАЭС. Например, для России и Армении могла бы быть адекватной школа неовизантизма (через призму критической эпистемологии), тогда как для Кыргызстана и Казахстана на основе исторического опыта могут подойти иные модели. При этом, чтобы избежать экстравагантности и восприятия в качестве маргинальных теорий, обоснование таких концепций должно базироваться на известных и всемирно признанных нарративах, институционализироваться посредством проведения цикла конференций и подготовки научных публикаций в соответствии с различными международными индексами цитирования.

Аналогично должна быть предложена евразийская школа интеграции. Как при создании ЕС исторически применялась идея европеизма, вполне закономерно, что для ЕАЭС основополагающей должна быть евразийская идея. Параллельно может разрабатываться подход на основе конфедерализма, т. е. акцент на политический союз государств в рамках общей стратегии. Неофункционализм в качестве теории региональной интеграции с акцентом на роли негосударственных субъектов и групп интересов может быть применен при наличии атмосферы политического плюрализма и необходимости передачи каких-либо из функций со стороны правительственных структур региональным агентам в лице общественных движений, коалиций или секретариатов.

Кризис западных теорий и управленческих решений (включая выход Великобритании из ЕС) дает дополнительные преимущества для предложения альтернативных теорий и механизмов межгосударственного регулирования. Этот вакуум вполне могут заполнить евразийские концепции, предложенные в качестве рамок двусторонних или многосторонних взаимоотношений России и других государств.

Критические замечания также важны для успешной реализации имиджевой политики. ЕАЭС как новаторскому проекту уделяется пристальное внимание со стороны других акторов региона. Удачные и успешные решения будут способствовать расширению объединения и даже применению ряда практик за пределами Евразии — в Африке и Латинской Америке, что будет способствовать развитию и укреплению многополярного мирового порядка.

В силу объективных причин идеальный вариант евразийской интеграции на данный момент не представляется возможным для воплощения. Однако нет и критериев, которые бы показывали оптимальный вариант развития интеграционных процессов, поскольку государства постоянно адаптируются к мировой геополитической динамике, возникают противоречия и форс-мажорные ситуации. А практика предыдущих лет показала, что могут быть стремительные прорывы, но также и спады в интеграции (как выход участников, которые состояли на предыдущем этапе, или противоречия между двумя странами).

Изначальные приоритеты вектора в отношении СНГ в России также были скорректированы с учетом попыток внешнего вмешательства в дела государств как на постсоветском пространстве (цветные революции в Грузии, Украине, Молдове и Кыргызстане), так и в других регионах (югославский кейс на Балканах, хроническая нестабильность на Ближнем Востоке, замороженные и вяло текущие конфликты в Южной Азии), роста угроз транснационального терроризма и расширения Североатлантического альянса.

При этом комплексная стратегия, выбранная Россией с учетом собственных интересов, идентичности и целеполагания, является наиболее оптимальной как для проведения собственной политики, так и для привлечения других участников к интеграционному процессу.

Следовательно, евразийство может стать одним из императивов внешней политики России и быть адаптировано с учетом множества новых вводных текущей геополитической ситуации для проекта Большой Евразии.

Литература

1. Агамиров К. В. Прогностические направления организационно-институционального и правового обеспечения эффективного функционирования информационной сферы «зоны знаний» Евразийского экономического союза // Юридическая наука. № 8, 2020. С. 70–73.
2. Агеева В. Д., Зеленева И. В. Политическое будущее евразийской интеграции. Диалог. № 2, 2016.
3. Винокуров Е., Лаврова Н., Петренко В. Повышение роли национальных валют ЕАЭС в международных расчетах. Доклады и рабочие документы [Электронный ресурс]. 21/1, Евразийский банк развития, Москва, 2021. С. 1–29. URL: https://eabr.org/upload/iblock/a2f/EDB_2021_Report_National-currencies_rus.pdf (дата обращения: 20.08.2021).
4. Гринберг Р. С., Пылин А. Г. Евразийский экономический союз: основные тренды развития на фоне глобальной неопределенности // Экономика региона, 2020. Т. 16. Вып. 2. С. 340–351.
5. Канаев Е. А., Королев А. С. ЕАЭС и АСЕАН: результаты и перспективы сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения [Электронный ресурс]. 2020. Т. 64. № 1. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/326374468.pdf> (дата обращения: 20.08.2021).
6. Кембаев Ж. М. О правовых вопросах интеграционных процессов на евразийском пространстве // Современное право. № 9. 2011. С. 91.
7. Лапенко М. А. Развитие евразийской интеграции: движение от «евразийской тройки» к континентальному Евразийскому партнерству // Постсоветские исследования. Т. 1. № 8, 2018. С. 746–754.
8. Мигранян А. А. Структурные эффекты евразийской интеграции // Международная торговля и политика, 2019. С. 103–123.
9. Мельников А. Б., Маркевич Ю. А., Фалина Н. В. Состояние и уровень развития интеграционных процессов в ЕАЭС как составляющие экономической безопасности интеграционного объединения [Электронный ресурс]. Т. 28. № 1 (2020). С. 55–71. URL: <http://journals.rudn.ru/economics/article/view/23493/18109> (дата обращения: 20.08.2021).
10. Мухетдинов Д. В. Российское мусульманство: социокультурная реальность и концепт // Минарет. 2015. № 3. С. 45–58.
11. Мчедлова М. М. Вера и культурно-цивилизационная идентичность: новые грани религиозности в России и Европе // Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания. М. : Культурная революция, 2009. С. 365.
12. Орлова О. Г. Императивы экономической интеграции стран Евразийского экономического союза // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. Т. 22. № 1. 2020.
13. Селезнев И. А. О первых итогах евразийской интеграции, достижениях и рисках Евразийского экономического союза // Социально-гуманитарные знания. 2020. С. 164–176.
14. Фулер С. Постправда. Знание как борьба за власть. М. : Издательский дом Высшей школы экономики. 2021.
15. Aseeva A., Górski J. The Law and Policy of New Eurasian Regionalization. Economic Integration, Trade, and Investment in the Post-Soviet and Greater Eurasian Space. Boston : Brill, 2021.
16. Izotov V., Obydenkova A. Geopolitical Games in Eurasian Regionalism: Ideational Interactions and Regional International Organisations // Post-Communist Economies, 08 Sep. 2020.
17. Pirker B., Entin K. The Free Movement of Persons in the Eurasian Economic Union — between Civis Eurasiaticus and Homo Oeconomicus // European Citizenship under Stress. Social Justice, Brexit and Other Challenges Leiden [Электронный ресурс]. Boston : Brill, Nijhoff, 2020. P. 531. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/436317516.pdf> (дата обращения: 20.08.2021).

Об авторе:

Базавлук Сергей Викторович, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского Университета Дружбы Народов (Москва, Российская Федерация);
bazavluk-sv@rudn.ru

References

1. Agamirov K. V. Prognostic directions of organizational, institutional and legal support for the effective functioning of the information sphere of the "knowledge zone" of the Eurasian Economic Union // *Legal Science*. No. 8, 2020. P. 70–73. (In rus)
2. Ageeva V. D., Zeleneva I. V. The political future of Eurasian integration. *Dialogue*. No. 2, 2016. (In rus)
3. Vinokurov E., Lavrova N., Petrenko V. Enhancing the role of national currencies of the EAEU in international settlements. Reports and working papers [Electronic resource]. 21/1, Eurasian Development Bank, Moscow, 2021. P. 1–29. URL: https://eabr.org/upload/iblock/a2f/EDB_2021_Report_National-currencies_rus.pdf (date of access: 20.08.2021). (In rus)
4. Grinberg R. S., Pylin A. G. Eurasian Economic Union: Main Development Trends Against the Background of Global Uncertainty // *Economy of the Region*, 2020. Vol. 16. Issue 2. P. 340–351. (In rus)
5. Kanaev E. A., Korolev A. S. EAEU and ASEAN: results and prospects of cooperation // *World economy and international relations* [Electronic resource]. 2020. Vol. 64. No. 1. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/326374468.pdf> (date of access: 20.08.2021). (In rus)
6. Kembaev Zh. M. On legal issues of integration processes in the Eurasian space // *Modern law*. No. 9. 2011. P. 91. (In rus)
7. Lapenko M. A. Development of Eurasian integration: movement from the "Eurasian troika" to the continental Eurasian partnership // *Post-Soviet studies*. Vol. 1. No. 8, 2018. P. 746–754. (In rus)
8. Migranyan A. A. Structural effects of Eurasian integration // *International trade and politics*, 2019. P. 103–123. (In rus)
9. Mel'nikov A. B., Markevich Yu. A., Falina N. V. State and level of development of integration processes in the EAEU as components of the economic security of the integration association [Electronic resource]. Vol. 28. No. 1 (2020). P. 55–71. URL: <http://journals.rudn.ru/economics/article/view/23493/18109> (date of access: 20.08.2021). (In rus)
10. Mukhetdinov D. V. Russian Islam: socio-cultural reality and concept // *Minaret*. 2015. No. 3. P. 45–58. (In rus)
11. Mchedlova M. M. Faith and cultural and civilizational identity: new facets of religiosity in Russia and Europe // *Vera. Ethnos. Nation. Religious component of ethnic consciousness*. M. : Cultural Revolution, 2009. P. 365. (In rus)
12. Orlova O. G. Imperatives of economic integration of the countries of the Eurasian Economic Union // *Bulletin of the Volgograd State University. Series 3: Economics. Ecology*. Vol. 22. No. 1. 2020. (In rus)
13. Seleznev I. A. On the first results of Eurasian integration, achievements and risks of the Eurasian Economic Union // *Social and humanitarian knowledge*. 2020. P. 164–176. (In rus)
14. Fuler C. Post-truth. Knowledge as a power struggle. M.: Publishing House of the Higher School of Economics. 2021. (In rus)
15. Aseeva A., Górski J. The Law and Policy of New Eurasian Regionalization. Economic Integration, Trade, and Investment in the Post-Soviet and Greater Eurasian Space. Boston : Brill, 2021.
16. Izotov V., Obydenkova A. Geopolitical Games in Eurasian Regionalism: Ideational Interactions and Regional International Organisations // *Post-Communist Economies*, 08 Sep. 2020.
17. Pirker B., Entin K. The Free Movement of Persons in the Eurasian Economic Union — between Civis Eurasiaticus and Homo Oeconomicus // *European Citizenship under Stress. Social Justice, Brexit and Other Challenges* Leiden [Electronic resource]. Boston : Brill, Nijhoff, 2020. P. 531. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/436317516.pdf> (date of access: 20.08.2021).

About the author:

Sergey V. Bazavluk, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University (Moscow, Russian Federation); bazavluk-sv@rudn.ru

Роль статуса страны в ЕАЭС

Серегина А. А.*, Богомолова В. Е., Харланов А. С.

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Российская Федерация; * durdyeva@mail.ru

РЕФЕРАТ

В современном мире интеграционные объединения, созданные с целью либерализации мировой торговли и содействия экономическому развитию стран-участниц, играют все более важную роль в мировой экономике. В зависимости от внешнеэкономических и внешнеполитических приоритетов страны обозначается ее статус в интеграционных объединениях. В ходе написания данной статьи, основываясь на эмпирических и теоретических методах исследования, удалось определить разницу между видами участия стран в международных организациях, выделить основные причины получения странами статуса наблюдателя при Евразийском экономическом союзе, а также проанализировать перспективы расширения интеграционного объединения.

Ключевые слова: Евразийское пространство, ЕАЭС, интеграция, статус

Для цитирования: Серегина А. А., Богомолова В. Е., Харланов А. С. Роль статуса страны в ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 3. С. 125–134.

The Role of the Country's Status in the EAEU

Antonina A. Seryogina*, Victoria E. Bogomolova, Alexey S. Harlanov

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation;

* durdyeva@mail.ru

ABSTRACT

Integration associations in the modern world. Depending on the foreign economic and foreign policy priorities of the country, its status in the integration associations is designated. In the course of writing this article, based on empirical and theoretical research methods, it was possible to determine the difference between the types of participation of countries in international organizations, highlight the main reasons for countries to obtain observer status with the Eurasian Economic Union, and also analyze the prospects for expanding the integration association.

Keywords: Eurasian space, EAEU, integration, status

For citing: Seryogina A. A., Bogomolova V. E., Harlanov A. S. The Role of the Country's Status in the EAEU // Eurasian integration: economics, law, politics. 2021. Vol. 15. No. 3. P. 125–134.

На современном этапе мировая экономика претерпевает значительные изменения. Они вызваны среди прочего развитием и расширением интеграционных объединений, нацеленных на экономическое развитие стран-участниц. Среди преимуществ от участия в интеграционном объединении можно выделить следующие: расширение потенциала внутренних рынков стран за счет формирования единого рынка, стимулирующего рост общего ВВП интеграции; увеличение покупательной способности наряду с падением цен на товары; повышение эффективности и конкурентоспособности производства с учетом сравнительных преимуществ каждой участвующей страны; повышение привлекательности инвестиций [2].

Одним из примеров быстро растущих интеграционных объединений является Евразийский экономический союз (далее — Союз), сформированный с целью создания условий для стабильного развития

экономики государств-членов в интересах улучшения жизненных стандартов их населения; формирования единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; полной модернизации, сотрудничества и повышения конкурентоспособности национальных экономик в мировой экономике¹.

Важную роль в формировании тесного экономического сотрудничества, а также в реализации единой политики играет статус страны в объединении. В настоящее время ЕАЭС состоит из пяти стран: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Кыргызстан и Российская Федерация. Беларусь, Казахстан и Россия заложили основу для создания ЕАЭС. Ключевой предпосылкой для внедрения проекта Евразийского союза была успешная реализация проектов Таможенного союза и Единого экономического пространства [1]. На заседании Высшего Евразийского экономического совета от 29 мая 2014 г. в Астане был подписан Договор о Евразийском экономическом союзе, а 1 января 2015 г. Договор о Евразийском экономическом союзе официально вступил в силу. Впоследствии Армения и Киргизия присоединились к Договору о Евразийском экономическом союзе 2 января 2015 г. и 12 августа 2015 г. соответственно.

Стать членом ЕАЭС может любое государство, разделяющие интересы Союза². Ст. 108 Договора о ЕАЭС регламентирует правила вступления в объединение. Страна-кандидат должна направить обращение на имя Председателя Высшего совета, а затем сформированная рабочая группа координирует процесс выполнения программы действий по вступлению государства-кандидата в Союз. Программа действий предусматривает подготовку документов по результатам анализа состояния страны относительно ключевых сфер деятельности Союза³.

Стоит отметить, что ст. 109 Договора о ЕАЭС предусматривает статус государства-наблюдателя при ЕАЭС. Так, Республика Молдова стала первой страной, получившей статус наблюдателя при ЕАЭС в 2018 г. В 2020 г. такой статус получили еще два государства, а именно Узбекистан и Куба. Ст. 109 Договора о ЕАЭС определяет право любого государства на получение статуса наблюдателя при Союзе. Решение о наделении страны таким статусом либо об отказе в нем выносит Высший совет с учетом интересов интеграционного объединения.

Данный статус позволяет стране направлять своего представителя на заседания органов Союза, а также получать доступ к открытым документам. При этом статус наблюдателя накладывает на страну некоторые ограничения, а именно: страна-наблюдатель лишена голоса на заседаниях Союза и обязана воздерживаться от действий, способных нанести ущерб интересам интеграционного объединения⁴.

Стоит отметить, что субъект международного права может иметь, помимо статуса наблюдателя и полноправного члена организации, статус ассоциированного члена.

Зачастую исследователями отмечается, что полноценное членство, статус наблюдателя и ассоциированное членство различаются только по степени участия в организации [5].

Ст. 8 Устава Содружества Независимых Государств раскрывает определение «ассоциированного членства»: «В качестве ассоциированного члена может присоединиться государство, желающее участвовать в отдельных видах его деятельности, на условиях, определяемых соглашением об ассоциированном членстве⁵». Подобным образом статус ассоциированного члена дает стране-кандидату возможность частично участвовать в деятельности организации и подготовиться к полному вступлению в организацию в качестве полноправного члена. Более того, этот статус не всегда означает, что такой участник не имеет права голоса.

¹ Ст. 4 Договора о ЕАЭС [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 13.07.2021).

² Ст. 108 Договора о ЕАЭС [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/e517872fca1ea64d2bcfb606edd72a1274ed553e/ (дата обращения: 13.07.2021).

³ О порядке принятия в Евразийский экономический союз новых членов и прекращения членства в Евразийском экономическом союзе // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420309448> (дата обращения: 13.07.2021).

⁴ Ст. 109 Договора о ЕАЭС [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/c43cb9f74e6a88b991f3eb4297c2e5e98ecd368b/ (дата обращения: 13.07.2021).

⁵ Устав СНГ [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1903017> (дата обращения: 13.07.2021).

В ЕАЭС пока не предусмотрен статус ассоциированного члена, однако главы государств — членов Евразийского союза подчеркивают необходимость согласования и гармонизации документов СНГ в соответствии с нормативной базой ЕАЭС, в том числе возможность введения такого статуса¹.

Для достижения крепкого взаимовыгодного сотрудничества ЕАЭС с третьими странами необходимы более глубокие институциональные форматы взаимодействия. В настоящий момент существуют три таких формата для выстраивания взаимоотношений с внешними партнерами:

- соглашения о зоне свободной торговли;
- непреференциальные торговые соглашения;
- меморандумы о сотрудничестве с третьими странами и международными организациями.

Соглашения о Зоне свободной торговли, или ЗСТ, с ЕАЭС предусматривают снятие тарифных барьеров, а также в последние годы включают обязательства в области торговли услугами и сотрудничества в области инвестиций, государственных закупок, защиты интеллектуальной собственности и т. д.

Непреференциальные торговые соглашения не содержат обязательств по отмене пошлин и, как правило, предполагают сотрудничество в устранении нетарифных барьеров, в таможенном регулировании и в осуществлении инфраструктурных проектов².

Меморандумы о взаимопонимании и сотрудничестве определяют основные направления сотрудничества Евразийского союза с третьими странами. Было подписано 18 таких меморандумов, в том числе и со странами-наблюдателями³. Они в первую очередь предполагают взаимный обмен информацией о таможенно-тарифном регулировании, нетарифных ограничениях и т. д.

Из этого следует, что страны-наблюдатели в рамках ЕАЭС могут непосредственно наблюдать за процессами в Союзе и иметь достаточный доступ к документам.

Однако нельзя не отметить знаковых достижений государств-наблюдателей в рамках сотрудничества с Союзом и в целом с членами ЕАЭС за годы существования интеграции.

Создание Евразийского союза в 2015 г. пришлось на сложный период в мировой экономике: падение мировых цен на сырье, введение антироссийских санкций западными странами и ответные меры со стороны России. Все это в определенной степени повлияло на взаимную торговлю стран-участниц, и в первые годы существования объединения наблюдалось снижение экспорта и импорта вплоть до 2017 г., когда ситуация начала улучшаться [4]. На рисунке 1 представлена динамика взаимной торговли стран ЕАЭС.

Стоит отметить, что за время существования ЕАЭС взаимный товарооборот стран-участниц увеличился более чем на треть. Несмотря на сложную внешнюю конъюнктуру, в 2019 г. рост взаимного товарооборота между государствами составил 35% с 2015 г., достигнув максимального значения в 61,6 млрд долл. США. Однако в 2020 г. из-за пандемии COVID-19 произошло снижение на 11%.

Внешняя торговля стран Союза в целом также развивается устойчивыми темпами, а ее рост составляет 27% с 2019 г. (рисунок 2). Такие показатели были реализованы во многом благодаря совместной деятельности и согласованности мер государств — членов ЕАЭС, направленных на либерализацию торговли и дифференциацию трудовых ресурсов внутри стран Союза.

ЕАЭС ставит масштабные цели в своем документе по программе развития на ближайшие пять лет — «Стратегия-2025».

Эта стратегия охватывает многие области деятельности.

1. Полное устранение барьеров и максимальное сокращение изъятий и ограничений для свободного передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы на внутреннем рынке ЕАЭС.
2. Повышение эффективности работы товарных рынков.
3. Улучшение таможенного регулирования в рамках ЕАЭС.

¹ Жуковский И. «В это непростое время»: Лукашенко предложил реформировать СНГ // Газета.ru. 28.05.2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/05/28_a_13611326.shtml (дата обращения: 13.07.2021).

² Рабочая тетрадь РСМД «Перспективы развития проекта ЕАЭС к 2025 году», 79 с. [Электронный ресурс], URL: <https://russiancouncil.ru/activity/workingpapers/perspektivy-razvitiya-proekta-eaes-k-2025-godu/> (дата обращения 13.07.2021).

³ Официальный сайт Евразийской экономической комиссии // Документы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/docs/Pages/default.aspx> (дата обращения 13.07.2021).

Рис. 1. Динамика взаимной торговли стран ЕАЭС

Fig. 1. Dynamics of mutual trade of the EAEU countries

Источник: составлено автором на основе данных Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс].

URL: <http://eec.eaeunion.org/> (дата обращения: 13.07.2021).

Рис. 2. Динамика внешней торговли стран — членов ЕАЭС с третьими странами

Fig. 2. Dynamics of foreign trade of the EAEU member countries with third countries

Источник: составлено автором на основе данных Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс].

URL: <http://eec.eaeunion.org/> (дата обращения: 13.07.2021).

4. Обеспечение гарантий качества, безопасности продаваемых товаров и надлежащей защиты прав потребителей.
5. Формирование цифрового пространства, цифровой инфраструктуры и экосистем ЕАЭС.
6. Разработка гибких механизмов конкретной помощи для экономического развития.
7. Создание эффективной системы управления и финансирования совместных проектов сотрудничества, создание и развитие высокопроизводительных экономических секторов, в том числе экспортно-ориентированных.

8. Объединение усилий по стимулированию совместной исследовательской работы.
9. Обеспечение наиболее эффективной институциональной системы ЕАЭС, обеспечение внедрения принятых соглашений.
10. Расширение экономического сотрудничества в области образования, здравоохранения, туризма и спорта.
11. Формирование ЕАЭС как одного из ведущих центров развития современного мира.

Также стоит задача создания и контроля глобальных международных транспортных коридоров и хабов, обеспечивающих гарантированное развитие инфраструктуры и дивергенцию от внешних шоков волатильности глобальных рынков, а также более углубленную интеграцию в плане создания единого энергетического рынка и более взвешенных торговых балансов стран в товарообмене между собой.

Данные вопросы тесно обсуждаются в рамках технологических регламентов ЕАЭС в специальном исполнительном органе ЕЭК (Евразийской экономической комиссии), которая разрабатывает профессиональные стандарты, обеспечивает равномерную занятость внутри Союза трудовых ресурсов по профилю каждой страны и формирует различные инициативы по адресной поддержке экономики каждого участника Союза с максимально эффективным КПД его национальных компетенций и предпочтений.

Сама же стратегия Союза направлена на укрепление ассоциации для интеграции, совершенствования законодательства и дальнейшего развития единого рынка. Особое значение придается формированию совместного финансового, биржевого товарного рынка и общих рынков энергоресурсов; созданию условий для успешного совместного функционирования рынков лекарственных средств; переводу Союза на инновационный путь развития; внедрению крупных высокотехнологичных проектов; развитию сотрудничества в области «зеленых» и экологических технологий, а также внедрению циркулярной экономики; повышению эффективности институциональных органов ЕАЭС; разработке образовательных программ для обучения персонала современного рынка труда и улучшения общих подходов к системе здравоохранения; дальнейшему взаимодействию Союза с третьими странами, другими региональными экономическими интеграциями и международными организациями, а также развитию диалога с государствами, которые получили статус наблюдателя в рамках Союза, популяризации членства в ЕАЭС и получения статуса государства-наблюдателя¹.

Тем не менее потенциальный статус наблюдателя и переход на новый формат сотрудничества с ЕАЭС не являются гарантией дальнейшего сотрудничества с объединением. После подписания Договора о создании ЕАЭС в 2015 г. около 50 стран выразили заинтересованность в подписании соглашений о ЗСТ с новой организацией. Документ Высшего Евразийского экономического совета «Об основных направлениях международной деятельности ЕАЭС на 2021 год» определяет потенциальных партнеров, с которыми углубление связей является приоритетом. По этой причине такие страны, как Куба и Узбекистан, выразили желание получить статус наблюдателя в ЕАЭС, Египет, Израиль и Индия ведут переговоры о подписании соглашений о ЗСТ, а также Филиппины и Лаос заинтересованы в подписании меморандумов о сотрудничестве, что является приоритетом для ЕАЭС².

Переход к более тесному формату сотрудничества с этими странами может обеспечить торговые преимущества, на которые могут претендовать Узбекистан и Куба, получившие статус наблюдателей в ЕАЭС в конце 2020 г.

Страны ЕАЭС по-разному подходят к формату и скорости выстраивания международных связей ЕАЭС с другими странами. Некоторые из них пытаются сохранить контроль над определенными областями, например, торговлей услугами и инвестициями, что затрудняет переговоры по прогрессивным соглаше-

¹ Доклад Евразийской экономической комиссии «Цифры и факты» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЕЭК. Документы. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/3264_%D0%95%D0%AD%D0%9A_%D0%A6%D0%98%D0%A4%20-%D0%98%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B3.%20%D0%B8%20%D0%BC%D0%B0%D0%BA%D1%80%D0%BE%D1%8D%D0%BA-%D0%BA%D0%B0.pdf (дата обращения: 13.07.2021).

² Об основных направлениях международной деятельности ЕАЭС на 2021 год : решение № 15 Высшего Евразийского экономического совета. 11.12.2020 [Электронный ресурс]. URL: ocs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/DisplayDocument.aspx?s=e1f13d1d-5914-465c-835f-2aa3762eddda&w=9260b414-defe-45cc-88a3-eb5c73238076&l=8a412e96-924f-4b3c-8321-0d5e767e5f91&EntityID=28326 (дата обращения: 13.07.2021).

ниям о ЗСТ. Также существуют различия в географических приоритетах между государствами-членами: в частности, Казахстан уделяет приоритетное внимание партнерству с Китаем и Европейским союзом (которые являются его основными торговыми партнерами, соответственно 23,5% и 35,9% товарооборота к концу 2020 г.), из стран СНГ наибольший товарооборот наблюдается с Узбекистаном — 4,48% от общего объема торговли страны. Для Армении выгодно сотрудничество с Ираном (растущее партнерство, которое обещает большие выгоды от предоставления транспортных и логистических услуг), Европейским союзом (26,5% товарооборота)¹.

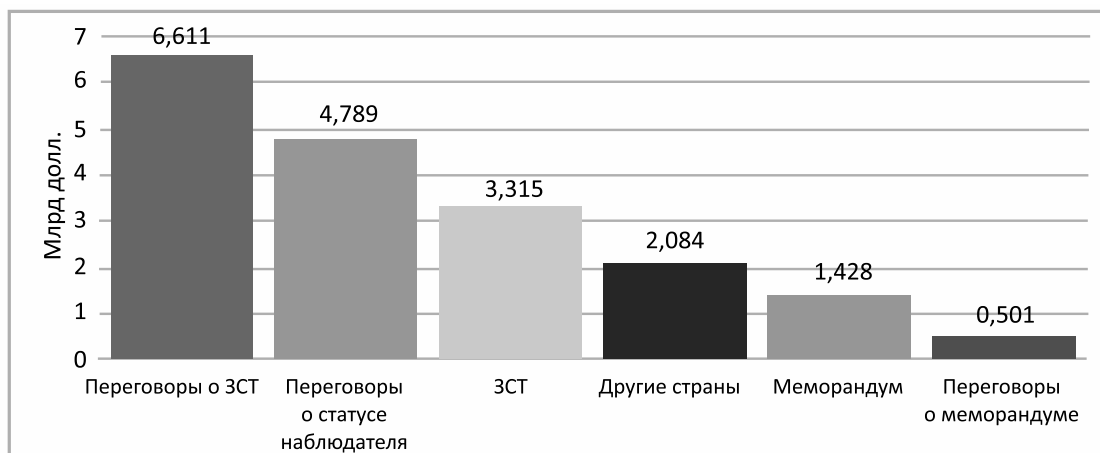

Рис. 3. Средний уровень товарооборота ЕАЭС со странами за 2020 г. в зависимости от их статуса, указанного в документе
«Об основных направлениях международной деятельности ЕАЭС на 2021 год»²

Fig. 3. Average level of EAEU trade with countries in 2020, depending on their status specified in the document

"On the main directions of international activities of the EAEU for 2021"

Источник: составлено автором на основе данных Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс].

URL: <http://eec.eaeunion.org/> (дата обращения: 13.07.2021).

Тем не менее товарооборот и текущий или потенциальный статус страны-партнера в ЕАЭС имеют определенную взаимосвязь. Согласно исследованию автора, основываясь на статистике ЕЭС, большинство стран, которые подписали или планируют подписать одно из вышеупомянутых соглашений, находятся в верхней части списка торговых партнеров ЕЭС, а их товарооборот превышает 1 млрд долл. (см. таблицу).

Прошло уже три года с тех пор, как Республика Молдова получила статус наблюдателя в ЕАЭС, и результаты взаимного сотрудничества дают о себе знать: с 2016 по 2019 г. товарооборот увеличился на 34,4%, достигнув 1,9 млрд долл. США. Экспорт увеличился на 36,5% до 1,4 млрд долл. США, в то время как импорт увеличился на 29% до 4 481,5 млн долл. США.

В 2013 г. Россия занимала лидирующие позиции по импорту и экспорту Молдовы, но в течение следующих шести лет список основных торговых партнеров Кишинева изменился: Румыния заняла первое место, а Россия опустилась на второе место по импорту и третье место по экспорту, после Италии. Такие изменения вызваны решением Республики Молдовы переориентироваться на европейский рынок: в 2008 г. в рамках восточного партнерства были введены автономные торговые преференции, а в 2014 г. было подписано соглашение об ассоциации между Молдовой и ЕС, включающее углубленную и всеобъемлющую зону свободной торговли. Однако 80% молдавского экспорта вообще не коснулось зоны свободной торговли с ЕС.

¹ Рабочая тетрадь РСМД «Перспективы развития проекта ЕАЭС к 2025 году», 80 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/workingpapers/perspektivy-razvitiya-proekta-eaes-k-2025-godu/> (дата обращения: 13.07.2021).

² Статус страны указан на момент публикации Решения № 15 Высшего Евразийского экономического совета «Об основных направлениях международной деятельности ЕАЭС на 2021 год» от 11.12.2020 (прим. автора).

Таблица

Товaroоборот ЕАЭС с настоящими и будущими странами-партнерами за 2020 г., указанными в документе¹ «Об основных направлениях международной деятельности ЕАЭС на 2021 год»²

Table. Trade turnover of the EAEU with current and future partner countries for 2020 specified in the document "On the main directions of international activities of the EAEU for 2021"

Статус	Страна	Оборот, млрд долл. США	Доля в общем обороте, %	Оборот с РФ, млрд долл. США	Доля торговли с Россией в обороте с ЕАЭС, %
Меморандум	Греция	4,18	0,671162667	2,688	64,31%
	Индонезия	2,646	0,424779752	2,351	88,85%
	Бангладеш	2,58	0,41421309	2,421	93,84%
	Таиланд	1,98	0,317842456	1,774	89,60%
	Сингапур	1,832	0,29413402	1,675	91,43%
	Молдова	1,591	0,255434128	1,307	82,15%
	Монголия	1,5	0,241016779	1,421	94,73%
	Марокко	1,32	0,212052102	1,158	87,73%
	Чили	0,955	0,153389007	0,918	96,13%
	Перу	0,421	0,067553506	0,409	97,15%
	Иордания	0,313	0,050183493	0,301	96,17%
	Фарерские острова	0,305	0,048998297	0,295	96,72%
	Камбоджа	0,212	0,034106197	0,197	92,92%
	Куба	0,156	0,025006897	0,148	94,87%
Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве	КНР	125,508	20,15188131	103,956	82,83%
ЗСТ	Вьетнам	6,248	1,003254752	5,667	90,70%
	Иран	2,902	0,465963051	2,220	76,50%
	Сербия	2,276	0,365506608	2,133	93,72%
	Сингапур	1,832	0,29413402	1,675	91,43%
Переговоры о статусе наблюдателя	Узбекистан	9,422	1,512838493	5,879	62,40%
	Куба	0,156	0,025006897	0,148	94,87%
Переговоры о меморандуме	Филиппины	0,972	0,15612246	0,931	95,78%
	Лаос	0,03	0,004850945	0,023	76,67%
Переговоры о ЗСТ	Индия	12,416	1,993572934	9,256	74,55%
	Египет	4,707	0,755791448	4,534	96,32%
	Израиль	2,71	0,435127901	2,161	79,74%

Источник: составлено автором по данным ЕЭК [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Pages/2020/12.aspx (дата обращения: 13.07.2021).

Участие Молдовы в ЕАЭС — хорошая возможность диверсифицировать свои экономические связи и рынки сбыта, и страна-наблюдатель будет использовать все возможности для углубления сотрудничества, которые предоставляет ее статус. Потому так важно уйти от воинствующей политически ангажированной риторики и вспомнить о многолетнем историческом опыте партнерства и дружбы в рамках бывшего СССР.

¹ Статус страны указан на момент публикации Решения № 15 Высшего Евразийского экономического совета «Об основных направлениях международной деятельности ЕАЭС на 2021 год» от 11.12.2020 (прим. автора).

² Временное соглашение с Ираном от 2018 г. рассматривается в качестве ЗСТ (прим. автора).

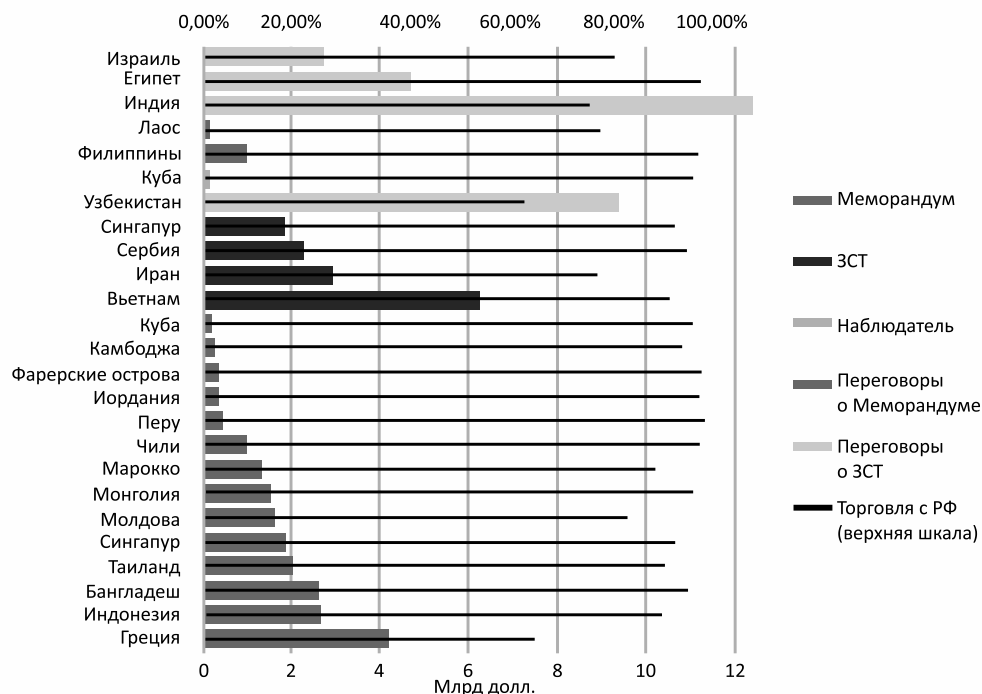

Рис. 4. Товарооборот ЕАЭС с настоящими и будущими странами-партнерами за 2020 г., указанными в документе «Об основных направлениях международной деятельности ЕАЭС на 2021 год»¹

Fig. 4. Trade turnover of the EAEU with current and future partner countries for 2020, specified in the document "On the main directions of international activities of the EAEU for 2021"

Источник: составлено автором по данным ЕЭК,

URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Pages/2020/12.aspx

(дата обращения: 13.07.2021).

Для Кубы, получившей статус наблюдателя в ЕАЭС в 2020 г., важнейшим элементом также является возобновление торгово-экономических отношений с традиционными партнерами на евразийском пространстве. В 2018 г. Куба подписала Меморандум о взаимопонимании с ЕАЭС, который позволил им координировать усилия по увеличению товарооборота и инвестиций, устранению барьеров на пути развития торговли, а также открыл возможности для систематической совместной деятельности в экономике. В том же году товарооборот между Кубой и ЕАЭС достиг самого высокого уровня за десять лет и составил 417,5 млн долл. США.

По итогам 2019 г. товарооборот стран ЕАЭС с Кубой составил 214,7 млн долл. США, в том числе экспорт — 197,1 млн долл. США и импорт — 17,6 млн долл. США. Российская Федерация является ключевым торговым партнером Кубы, о чем свидетельствуют данные Евразийской экономической комиссии: около 93% торговли ЕАЭС с Кубой приходится на Россию, около 4% — на Белоруссию, 3% — на Казахстан, менее 0,1% — на Армению и Киргизию. В 2020 г. на фоне пандемии коронавируса произошло снижение товарооборота до 155,8 млн долл. США.

Помимо взаимовыгодных условий торговли, Куба способствует укреплению торговых отношений между ЕАЭС и регионами Латинской Америки и Карибского бассейна, а именно внедрению товаров из Евразийского региона в страны Латинской Америки и стран Южной Америки на льготных и выгодных условиях.

¹ Статус страны указан на момент публикации Решения № 15 Высшего Евразийского экономического совета «Об основных направлениях международной деятельности ЕАЭС на 2021 год» от 11.12.2020 (прим. автора).

Наряду с Кубой Узбекистан также получил статус наблюдателя при ЕАЭС в 2020 г. Стоит отметить, что страны ЕАЭС создали развитую систему промышленного сотрудничества с Узбекистаном и в рамках интеграционного объединения ожидается дальнейшее сотрудничество по таким основным направлениям, как взаимное снятие ограничений, выход на новые рынки, транспортная интеграция, совместное использование транспортных коридоров и вопросы, связанные с мобильностью рабочей силы. Кроме того, особое внимание уделяется вопросу совместного развития транзитного и логистического потенциала, с акцентом на создание современных транспортных узлов.

В целом товарооборот Узбекистана со странами ЕАЭС начал расти с 2017 г. в среднем на 26% в год, а в 2019 г. достиг максимума и составил 9,0 млрд долл. США. В 2020 г. товарооборот составил 9,4 млрд долл. США (в том числе экспорт ЕАЭС в Узбекистан — 7,2 млрд долл. США, импорт — 2,2 млрд долл. США), что на 3,9% больше, чем в 2019 г. Более 60% торговли ЕАЭС с Узбекистаном приходится на Россию, около 30% — на Казахстан, примерно 3% — на Белоруссию, около 4% — на Киргизию и около 0,1% — на Армению.

По данным Мюнхенского института изучения интеграции рынков и экономической политики, если Узбекистан в конечном итоге станет полноправным членом Евразийского союза, экономика страны получит прирост до 4% ВВП.

ЕАЭС активно сотрудничает с Ираном. В 2018 г. было подписано временное соглашение, которое привело к созданию зоны свободной торговли между Ираном и ЕАЭС, которая начала действовать 27 октября 2019 г. В настоящее время идет работа над заменой временного соглашения на постоянное.

В заключение важно отметить, что в настоящее время взаимодействие стран-наблюдателей проходит успешно, идет работа над реализацией многих проектов, в частности, над проектами в рамках новой Стратегии-2025. Единственный недостаток статуса наблюдателя — отсутствие доступа к процессу принятия решений. Тем не менее три страны-наблюдательницы используют все возможности, которые дает им их статус, для развития экономических отношений.

Литература

1. Дурдыева А. А. Проблемы дипломатии в процессе евразийской интеграции // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 3 (36). С. 37–42.
2. Костюнина Г. М. Интеграционные объединения мира // Мировая экономика и международные экономические отношения : учебник / под ред. А. С. Булатова и Н. Н. Ливенцева. М., Магистр, 2008. С. 164–187.
3. Остапенко Ю. С. Ассоциированное членство в международных организациях. Казанская наука, 2014.
4. Поливач А. Взаимная торговля стран — участниц ЕАЭС и курсы их валют // Проблемы евразийской интеграции. DOI: 10.20542/2073-4786-2018-4-81-95.
5. Schermers H. G. International Organizations Membership // EPIL II. R. Bernhardt ed. 1995. P. 1320.

Об авторах:

Серегина Антонина Александровна, директор проекта «Федеральное государственное бюджетное учреждение “Российское энергетическое агентство”» Министерства энергетики Российской Федерации, доцент Дипломатической академии МИД России (Москва, Российская Федерация), кандидат политических наук; durdyeva@mail.ru

Богомолова Виктория Евгеньевна, студент магистратуры Дипломатической академии МИД России (Москва, Российская Федерация); viktory.ev@gmail.com

Харланов Алексей Сергеевич, профессор кафедры МЭ Дипломатической академии МИД России (Москва, Российская Федерация), кандидат технических наук, доктор экономических наук; kharlanov2009@mail.ru

References

1. Durdyyeva A. A. Problems of diplomacy in the process of Eurasian integration // Bulletin of MGIMO University. 2014. No. 3 (36). P. 37–42. (In rus)
2. Kostyunina G. M. Integration associations of the world // World economy and international economic relations: textbook / ed. A. S. Bulatova, N. N. Liventseva. M., Magistr, 2008. P. 164–187. (In rus)
3. Ostapenko Yu. S. Associated membership in international organizations. Kazan Science, 2014. (In rus)
4. Polivach A. Mutual trade of the EAEU member countries and their exchange rates // Problems of Eurasian integration. DOI: 10.20542/2073-4786-2018-4-81-95. (In rus)
5. Schermers H. G. International Organizations Membership // EPIL II. R. Bernhardt ed. 1995. P. 1320.

About the author:

Antonina A. Seryogina, Project Director of Federal State Budgetary Institution “Russian Energy Agency”(REA) of the Ministry of Energy of the Russian Federation, Assistant Professor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation), PhD in Political Sciences; durdyeva@mail.ru

Victoria E. Bogomolova, Master’s Student of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation); viktory.ev@gmail.com

Alexey S. Harlanov, Professor of the Department of World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation), PhD in Technical Science, Doctor of Sciences (Economics); kharlanov2009@mail.ru

Терроризм как особая форма политической борьбы в современном мире

Одинаев Д. С.

Таджикский национальный университета, Душанбе, Республика Таджикистан: odinaev_dilshod@inbox.ru

РЕФЕРАТ

Терроризм — явление не новое в истории человечества, и с древних времен различные политические и социальные силы пытались таким образом захватить власть, прибегая к насилию и запугиванию. Разные силы видели в терроризме средство борьбы со своими противниками. В средние века терроризм приобрел особый статус в европейских странах как особая форма политической борьбы за защиту интересов государства, церкви и религиозных властей.

Сам акт официального убийства преступников в любой форме был совершен с целью запугивания людей и различных слоев общества. Насилие маргиналов, выражаемое термином «террор», стало более распространенным в наше время во французской политической истории. Сторонники реформы видели в защите интересов и свобод личности с помощью терроризма эффективное средство политической борьбы. Однако позже этот термин был сочтен негативным актом, а терроризм преподнесен как преступление против государства. То есть с конца XVIII в. термин «террор» употребляется в отрицательном смысле.

На нынешнем этапе развития человеческого общества терроризм приобрел наиболее устрашающие черты. Террористы убивают невинных людей, чтобы запугать общественность и власти. Терроризм стал одним из основных инструментов борьбы за власть, защиты групповых, этнических, расовых и других интересов.

Ключевые слова: терроризм, политика, борьба, мир, экстремизм, власть, Республика Таджикистан, террористические и экстремистские организации

Для цитирования: Одинаев Д. С. Терроризм как особая форма политической борьбы в современном мире // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 3. С. 135–140.

Terrorism as a Special Form of Political Fight in the Modern World

Dilshod S. Odinaev

Tajik National University, Dushanbe, Republic of Tajikistan; odinaev_dilshod@inbox.ru

ABSTRACT

Terrorism is not a new phenomenon in human history, and since ancient times, various political and social forces have tried to seize power in this way, resorting to violence and intimidation. Various forces saw terrorism as a means of fighting their opponents. In the middle Ages, terrorism acquired a special status in European countries as a special form of political struggle to protect the interests of the state, church and religious authorities.

The very act of officially killing criminals in any form was committed with the aim of intimidating people and various sectors of society. The violence of the marginalized, expressed by the term “terror,” has become more common in modern French political history. The advocates of the reform saw the protection of the interests and freedoms of the individual with the help of terrorism as an effective means of political struggle. However, later this term was considered a negative act, and terrorism was

presented as a crime against the state. That is, since the end of the 18th century, the term “terror” has been used in a negative sense.

Especially at the current stage of the development of human society, terrorism has acquired more frightening features. Terrorists kill innocent people to intimidate the public and authorities. Terrorism has become one of the main instruments of the struggle for power, the protection of group, ethnic, racial and other interests.

Keywords: terrorism, politics, struggle, peace, extremism, power, the Republic of Tajikistan, terrorist and extremist organizations

For citing: Odinaev D. S. Terrorism as a Special Form of Political Fight in the Modern World // Eurasian integration: economics, law, politics. 2021. No. 3. P. 135–140.

Общеизвестно, что терроризм выступает одним из основных и наиболее распространенных средств борьбы во времена революций и контрреволюций, он дестабилизирует ситуацию в обществе, усиливая в то же время политическую денационализацию конфликтов и социальное сопротивление граждан. В настоящее время особое значение имеет уровень сопротивления политических сил и их политическая культура, а не то, какая сторона первая или кто причастен к незаконному применению силы. Как показывает накопленный опыт разных стран мира, в данном случае террористические силы только пытаются уничтожить своих противников.

В современном мире невозможно определить точное количество террористических групп или организаций потому, что существует множество организаций и движений, которые держат в секрете свои цели, направления деятельности и действий. Отсутствие элементарных норм и правил связи с террористическими и экстремистскими организациями усложняет проведение необходимых профилактических работ. Поскольку крупнейшие террористические организации очень хорошо осознают это, они регулярно осуществляют свою античеловеческую деятельность. В нынешней ситуации имеется необходимая информация о ряде известных террористических организаций, и антитеррористические действия также направлены в основном против них. К организациям такого типа можно отнести: «Аль-Каида» (международная террористическая организация); «Боко харам» (Африка), «Джамаат аль-Исламия» (Египет); ЕТА (Испания); Исламское оппозиционное движение ХАМАС (Ирак, Палестина, Сирия); Исламская партия Туркестана (Исламское движение Узбекистана), ИГИЛ (страны Ближнего Востока), «Ку-клукс-клан» (США) и другие¹.

Фактически самыми влиятельными террористическими организациями в мире на данный момент являются «Аль-Каида» и ИГИЛ — группировки, члены которых постепенно набирают силу, несмотря на преследования и антитеррористические действия международной коалиции. К ним присоединяются и другие террористические ячейки, превратив их в крупные террористические движения международного масштаба. Сегодняшние реалии деятельности террористических организаций свидетельствуют о разрушительных последствиях действий их последователей. Хотя, согласно общей статистике, глобальных катастрофических последствий террористических актов в мире пока не зафиксировано, однако события 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке (США) показали, что если не усилить совместную борьбу с международным терроризмом, то они могут быть еще более трагическими [1, с. 51].

Как утверждают международные эксперты, террористические акты ежегодно составляют около 5–10% от совершавшихся преступных актов в мире. Так, с 1976 по 1996 гг. в мире в среднем террористами совершено от 320 до 660 операций международного масштаба, число жертв которых растет день ото дня. Растет и уровень жестокости террористов: только 11 сентября 2001 г. жертвами таких актов в Нью-Йорке (США) стали более 3100 абсолютно невинных мирных граждан². А в результате террористических

¹ Организации, деятельность которых запрещена в Российской Федерации.

² Трагедия 9/11 в США: теракт и его последствия [Электронный ресурс]. URL: https://politmikser.mirtesen.ru/blog/43919469254/Tragediya-911-v-SSHA:-terakt-i-ego-posledstviya?utm_referrer=mirtesen.ru (дата обращения: 14.03.2021).

действий террористической организации ИГИЛ на территории Ирака и Сирии за последний десять лет (2011–2020 гг.) погибли десятки тысяч людей, а миллионы граждан этих стран стали беженцами.

Следует отметить, что терроризм тесно связан с экстремизмом и последнее является реальной базой формирования террористических организаций. Анализ информационного пространства позволяет сделать вывод, что в последние десятилетия распространение террористической и экстремистской идеологии растет не только в отдельно взятой стране, но и во всем мире. Вне всякого сомнения, этот процесс, имея существенные негативные последствия, создает угрозу безопасности как отдельным регионам мира, так и человеческому сообществу в целом. На наш взгляд, особую угрозу эти антисоциальные явления представляют для самого уязвимого социального слоя — молодежи, определенная часть (пусть даже и незначительная) которого находится под влиянием пропаганды определенных террористических и экстремистских движений и организаций религиозного толка. Не секрет, что основной целью таких движений и организаций является дестабилизация политической ситуации внутри отдельного государства или в конкретном регионе. Они используют религию и убеждения верующих для достижения своих далеко идущих политических целей, используя пропаганду экстремизма и терроризма в обществе, чтобы опорочить и отрицать светские ценности.

Опыт формирования идеологии религиозного экстремизма и терроризма в прошлом максимально показал, что они, безусловно, являются неблагоприятным социально-духовным явлением и специфической формой политической борьбы в современном мире. Даже в умах исследователей Ветхого Завета, включая Ксенофонта, это действие рассматривалось как эффективное и позитивное средство борьбы с соперниками [2]. Однако в Ветхом Завете термин «террор» не использовался в его нынешнем официальном смысле. Это негативное явление имеет причинно-следственную связь, поскольку фактором возникновения терроризма является экстремизм, который, в свою очередь, нацелен на достижение определенных политических целей, а также захват власти. Современные средства массовой информации широко используются экстремистскими и террористическими организациями для распространения своей идеологии и вербовки людей (особенно молодежи) в свои ряды. Особо эффективно в этих целях они используют социальные сети в Интернете, к которым молодежь проявляет большой интерес [3, с. 90–96]. К сожалению, результаты наблюдения позволяют убедиться в том, что распространители идеи экстремизма и терроризма ныне достаточно эффективно используют соцсети, и в этом деле они добились определенных желаемых результатов.

Стоит подчеркнуть, что терроризм, особенно в последние десятилетия, как выше нами было отмечено, привел к многочисленным разрушительным последствиям и огромным человеческим жертвам, став препятствием на пути формирования и укрепления мирного человеческого сообщества. Поэтому все страны мира, в частности независимый Таджикистан, который является членом мирового сообщества, активно участвуют в борьбе против экстремизма и терроризма, особенно их религиозной модификации. Правительство Республики Таджикистан постоянно принимает соответствующие меры с целью противостояния этим негативным явлениям и проводит необходимые работы для профилактики и дальнейшего их распространения в стране и Центрально-Азиатском регионе.

Подтверждением этому служат слова Президента Таджикистана Э. Рахмона, который в своем ежегодном послании Маджлиси Оли заявил, что вопрос «борьбы с терроризмом и экстремизмом, суевериями и экстремизмом и защиты национальных и государственных интересов является одним из важных направлений идеологической деятельности научных учреждений и соответствующих структур светского государства»¹.

Уместно напомнить, что в современном исламском мире осуществляют свою деятельность ряд экстремистских партий и движений, основанных на религиозных убеждениях, деятельность которых отдельные мировые и региональные державы ради преследования своих геополитических интересов транслируют странам Центральной Азии (в том числе недавно получившему независимость Таджикистану), что представляет определенную угрозу стабильности безопасности государств региона. Несомненно,

¹ Послание Президента Таджикистана Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан. Душанбе, 23 января 2015 г.

формирование экстремистско-террористических партий и движений угрожает атмосфере стабильности в мусульманских обществах. Сама жизнь граждан мусульманских стран сегодня показывает, что создание экстремистских партий и движений, а также их поддержка со стороны отдельных мировых держав — это тупиковое решение вопросов, связанных с геополитическими интересами данных государств. Более того, попытка связывать деятельность этих партий и движений с ценностями ислама еще больше усложняет решение проблемы. В такой ситуации государству и обществу необходимо защищать национальные и религиозные ценности и определять их роль в обществе.

Как известно, наряду с обретением политической независимости под влиянием определенных внутренних и внешних групп процесс возрождения религии в некоторых постсоветских республиках приобрел характер экстремизма (например, возникновение и формирование экстремистско-террористической Партии исламского возрождения в суверенном Таджикистане¹). Поэтому для предотвращения возникновения такого нежелательного явления и его тяжких последствий, а также защиты национальных и религиозных ценностей древнего таджикского народа возникла необходимость урегулировать религиозные вопросы в соответствии с законом. С этой целью после обретения независимости в 1999, 2007 и 2009 гг. были приняты законы Республики Таджикистан «О борьбе с терроризмом», «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан» и «О свободе совести и религиозных объединениях»².

Предназначением этих нормативных актов является регулирование и обеспечение законной деятельности религиозных объединений, защита истинных ценностей ислама от всех суеверий и чуждых духовной культуре таджикского народа традиций Средневековья, а также противостояние экстремизму. Очевиден факт, что в современном мире некоторые экстремистские и террористические группировки, прикрываясь ценностями мусульманской религии, совершают такие не благие действия, которые становятся причиной возникновения конфликтов и новых очагов напряженности в том или ином регионе земного шара. В этом контексте соответствующие государственные структуры и общество в целом должны выявить угрозы и опасности экстремизма и терроризма религиозного характера, угрожающие людям, предотвратить их распространение в стране и регионе.

В нынешней ситуации сверхдержавы стремятся продвигать свои политические интересы под лозунгом сохранения и возрождения ислама, а религиозные факторы используются ими для создания ситуации нестабильности и порождения конфликтов в различных странах, в том числе в мусульманском мире. К сожалению, в Центральной Азии также имеются определенные круги, которые вовлечены в дестабилизацию политической ситуации в регионе и таким образом хотят достичь своих геополитических целей. Эти группы пользуются несовершенством светских и религиозных знаний народа и под лозунгом джихада стремятся парализовать существующие структуры власти в странах. К сожалению, ни одно государство не может быть застраховано от этого идеологического бедствия, потому что современные технологии, прежде всего, выступают связующим звеном между этими процессами [4, с. 185–186].

Совершенно очевидно, что страны в одиночку не могут достичь своих целей в борьбе против этого негативного социально-политического явления. В связи с этим страны СНГ и соседние с ними государства должны объединиться и тесно взаимодействовать, чтобы противостоять современным вызовами религиозному экстремизму и международному терроризму. Фактически деятельность соответствующих государственных структур на постсоветском пространстве в области региональной безопасности и борьбы с экстремистско-террористическими группировками происходит в рамках таких авторитетных международных учреждений, как Шанхайская организация сотрудничества, Содружество Независимых Государств и Организация Договора о коллективной безопасности. Кроме того, имеется ряд организаций, предназначенных для борьбы с организованной международной преступностью, которые по мере

¹ Организация, деятельность которой запрещена в Российской Федерации.

² Закон Республики Таджикистан «О борьбе с терроризмом» от 16.11.1999 № 846. Закон Республики Таджикистан «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан» от 08.06.2007 № 272. Закон Республики Таджикистан «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26.03.2009 № 489.

своих возможностей также стремятся противостоять угрозам более «820 международных террористических организаций, общую численность боевиков которых можно оценить приблизительно в 300 тыс. человек. Из них ровно половина (150 тыс.) — из арабских стран, еще примерно 70 тыс. — из региона, в который входят Афганистан, Пакистан и т. д.»¹.

Необходимо акцентировать, что реальность последствий деятельности экстремистских и террористических организаций ныне можно увидеть в ужасающих актах, совершаемых ими в Ираке, Сирии, Пакистане, Афганистане, Ливане, в таких европейских странах, как Франция, Бельгия, и других государствах мира. Однако подтверждением тесной связи деятельности террористических движений с политикой в современном мире может служить накопленный в этом плане опыт Египта, Ирака, Сирии и Ливана, где цель таких организаций заключается не в терроре того или иного человека, а в разрушении политической и государственной системы страны. Все это еще раз подтверждает тезис о том, что терроризм в союзе с экстремизмом стали особой формой политической борьбы в современном мире, конечной целью которой является насильственная смена существующей власти.

Хотя террористические организации и движения во всем мире разнообразны, но все они объединены двумя общими целями:

- во-первых, их деятельность направлена на подрыв общественной безопасности и ослабление основ государственной власти;
- во-вторых, они порождают чувства страха и беспомощности среди населения.

Примечательно, что террористические акты подпадают под ст. 179 и 180 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, толкование которых объясняет их цель следующим образом: «Основная цель терроризма — подорвать общественную безопасность, запугать людей, посеять страх и панику среди населения и тем самым оказать давление на государственных чиновников. Такие действия являются конечной целью принуждения преступников к принятию незаконных решений в свою пользу или с целью запятнать имидж государства»².

Учитывая опыт 90-х гг. прошлого столетия, независимый Таджикистан должен был выбрать такую политическую систему, которая могла бы обеспечить идеологический баланс в обществе, правильно определить статус и роль этнических и религиозных ценностей в построении новой национальной государственности. Благодаря разумному выбору, граждане страны под руководством правительства страны предпочли систему светской государственности, которая является распространенной практикой государственности разных народов, ее статус и роль определены в рамках законодательства Республики Таджикистан. Основным принципом отношения государства к религии, что является неизменным, всецело отражен в конституции страны (ст. 8), где секуляризм оформляется как система правления, учитывающая создание условий и возможностей для развития национальных и религиозных ценностей³. Самым важным аспектом секуляризма в Конституции Республики Таджикистан является то, что он не принимается в качестве официальной идеологии. Секуляризм, как нерелигиозная ценность, восстанавливает принцип плюрализма и не допускает принятия ни одной идеи в качестве государственной или универсальной идеологии, что является основным принципом и условием сосуществования религии и светского государства.

Думается, в нынешней ситуации задача каждого патриота, уважающего национальные и прогрессивные ценности религии ислам, особенно молодежи, которая является главной движущей силой развития общества, состоит в том, чтобы воздерживаться от присоединения к деструктивной идеологии групп, которые отождествляют священную религию ислама с терроризмом и экстремизмом. Каждый добропорядочный гражданин, любящий свою нацию и страну, должен стремиться защитить ее независимость и целостность территории, так как невозможно представить будущее своего народа и его процветание без сплоченного таджикского национального государства.

¹ Можно ли победить терроризм в современном мире [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/other/41885391-mozhno-li-pobedit-terrorizm-v-sovremennom-mire/> (дата обращения: 02.04.2021).

² Уголовный кодекс Республики Таджикистан (в редакции Закона от 1 августа 2003 г. № 89).

³ Конституция Республики Таджикистан. Душанбе. 2016.

Литература

1. *Грачев С. И.* Терроризм и контртеррористическая деятельность: вопросы теории. Нижний Новгород. 2010.
2. Еврейский и халдейский этимологический словарь к книгам Ветхого Завета / сост. О. Н. Штейнберг. Вильна : Типография Л. Л. Маца, 1878. 292 с.
3. *Рахматова З. Д., Саидов А. С.* Механизмы противодействия и методы профилактики религиозного радикализма в молодежной среде современного Таджикистана // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. 2019. № 3. С. 90–96.
4. *Sageman M.* Understanding Terror Networks. University of Pennsylvania Press. 2005.

Об авторе:

Одинаев Дилшод Сангихмадович, соискатель кафедры международных отношений факультета международных отношений Таджикского национального университета (Душанбе, Республика Таджикистан); odinaev_dilshod@inbox.ru

References

1. Grachev S. I. Terrorism and counter-terrorist activity: theoretical questions. Nizhny Novgorod. 2010. (In rus)
2. Jewish and Chaldean etymological dictionary to the books of the Old Testament/ comp. O. N. Shteinberg. Vil'na : Tipografiya L. L. Matsa, 1878. 292 p. (In rus)
3. Rakhmatova Z. D., Saidov A. S. Saidov AS Countermeasures and methods of prevention of religious radicalism in the youth environment of modern Tajikistan // Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. Department of Social Sciences. 2019. No 3. P. 90–96. (In rus)
4. Sageman M. Understanding Terror Networks. University of Pennsylvania Press. 2005.

About the author:

Dilshod S. Odinaev, Graduant of the Faculty of International Relations, Department of International Relations, Tajik National University (Dushanbe, Republic of Tajikistan); odinaev_dilshod@inbox.ru

15.07.2021

ЕЭК сформировала евразийский реестр перспективных технологий в металлургии

Евразийская экономическая комиссия сформировала реестр перспективных технологий, внедряемых на металлургических предприятиях стран Евразийского экономического союза для перехода на ресурсо- и энергосберегающие технологии и снижения техногенного воздействия на окружающую среду. Реестр рассмотрен и поддержан представителями государств ЕАЭС на заседании экспертной группы по сотрудничеству в металлургической отрасли.

Реестр информирует производителей союзных государств о передовых разработках в сфере инновационных технологий в черной и цветной металлургии. Особое внимание в нем уделено зеленым технологиям, актуальность которых возросла в связи с мировым трендом по снижению негативного влияния производств на окружающую среду.

«По оценкам экспертов, внедрение инноваций в металлургии стран Союза и мира позволит снизить себестоимость стали на 8–12%, а также существенно сократить негативное воздействие на окружающую среду. При этом исследования показывают, что существует прямая зависимость между уровнями кооперации и инновационного развития», — отметил заместитель директора департамента промышленной политики ЕЭК Георгий Арзуманян на заседании экспертной группы по развитию сотрудничества в черной металлургии в ЕАЭС.

В реестр, в частности, включена информация об опыте производства евразийскими металлургами горячебрикетированного железа по технологии Midrex, железа прямого восстановления на основе технологии ENERGIRON, информация об опыте внедрения технологий предварительно обожженных анодов, технологии RPA, аддитивных технологий, а также беспилотных грузоперевозок для оптимизации логистики в сфере производства и доставки металлопродукции.

Реестр размещен на сайте Евразийского экономического союза. При поступлении от стран соответствующей информации этот документ будет обновляться.

Члены экспертной группы также обсудили ключевые вопросы инновационного развития металлургии, включая перспективные направления сотрудничества в сфере технологического развития и производства новых видов продукции, которая востребована в машиностроении, автомобилестроении, производстве сельскохозяйственной техники, железнодорожном транспорте и других отраслях экономики.

На заседании рассмотрен перечень перспективных направлений промышленного сотрудничества в сфере производства новых видов металлургических товаров, который сформирован по итогам анализа отраслевых стратегических документов государств Союза. Он включает автолистовые стали, высокопрочные конструкционные и трубные марки стали, металлы с порошковым покрытием, коррозионно-стойкие стали, транспортный металл.

«Создание новых видов продукции черной металлургии для нужд различных отраслей промышленности — это не только современное требование, но и вопрос конкурентоспособности евразийских производителей на внутреннем и внешних рынках», — резюмировал Георгий Арзуманян.

По итогам заседания достигнута договоренность о совместной работе по гармонизации национальных стандартов в области металлургии в соответствии с лучшим международным опытом и придании им статуса межгосударственных, а также создании новых межгосударственных стандартов на металлопродукцию.

Источник: <https://eec.eaeunion.org/news/eeek-sformirovala-evrazijskij-reestr-perspektivnyh-tehnologij-v-metallurgii/>

15.07.2021

ЕАЭС запускает проект «Цифровое техническое регулирование»

Совет Евразийской экономической комиссии принял решение о начале реализации проекта «Цифровое техническое регулирование Евразийского экономического союза». Основная его цель — цифровизация процессов формирования обязательных требований к продукции, разработки техрегламентов и перечней международных и региональных стандартов в сфере технического регулирования. Это масштабный проект, по итогам которого будут оцифрованы более десяти тысяч документов.

«Проект “Цифровое техническое регулирование ЕАЭС” обеспечит цифровую трансформацию системы технического регулирования, в том числе цифровизацию процессов взаимодействия всех участников рынка», — подчеркнул министр по внутренним рынкам, информатизации, ИКТ ЕЭК Гегам Варданян.

В частности, речь идет об изготовителях, экспортерах, импортерах, поставщиках, потребителях, органах, осуществляющих оценку соответствия, уполномоченных органах государств — членах Евразийского экономического союза по техническому регулированию, национальных органах по стандартизации, аккредитации и других организациях.

«Задачи этого цифрового проекта очень амбициозны — мы ожидаем, что он станет новым драйвером развития и интеграции в сфере технического регулирования, позволит вывести систему на принципиально новый уровень. Его реализация способствует, во-первых, созданию цифровой среды разработки технических регламентов, что повлечет ускорение и повышение прозрачности установления и актуализации в рамках Союза единых требований безопасности. И во-вторых, за счет перевода технических регламентов и взаимосвязанных с ними стандартов в машиночитаемый формат ускорится создание и вывод на рынок новой продукции, отвечающей актуальным обязательным требованиям», — отметил министр по техническому регулированию ЕЭК Виктор Назаренко.

Проект будет реализован в пять этапов: развертывание работ, разработка системы сервисов, наполнение, ввод наднационального компонента и сервисов в промышленную эксплуатацию, которые охватывают временной период вплоть до середины 2024 г. Финансирование проекта будет осуществляться за счет средств Комиссии.

Проект разработан в соответствии с Основными направлениями реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года, утвержденными решением Высшего Евразийского экономического совета и механизмами реализации проектов в рамках цифровой повестки Союза.

Справка

В январе 2021 года принято решение о реализации проекта «Цифровое техническое регулирование ЕАЭС». Проект прорабатывается офисом управления инициатив ЕЭК совместно с блоками информатизации и технического регулирования, а также при активном участии заинтересованных органов и организаций государств ЕАЭС. Инициатором проекта является исследовательский центр «Международная торговля и интеграция».

Источник: <https://eec.eaeunion.org/news/eaes-zapuskayet-proekt-%C2%ABtsifrovoe-tehnicheskoe-regulirovanie%C2%BB/>

15.07.2021

Сергей Глазьев: «Стратегия-2025 поспособствует более эффективному достижению Целей устойчивого развития в регионе ЕАЭС»

Об этом министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии Сергей Глазьев заявил в ходе министерского сегмента Политического форума высокого уровня по устойчивому развитию, который прошел под эгидой Экономического и социального совета ООН (ЭКОСОС) 14 июля.

«В условиях пандемии Союз продемонстрировал, что включенность в интеграционные процессы позволяет гораздо эффективнее решать задачи поддержания экономической устойчивости, — отметил Сергей Глазьев. — В кризисной ситуации удалось объединить усилия санитарно-эпидемиологических ведомств государств ЕАЭС и принять оперативные решения по защите населения, что способствовало достижению Целей устойчивого развития (ЦУР) 3 и 16».

Министр ЕЭК подчеркнул, что Комиссия и государства Союза уделяют большое внимание достижению ЦУР в рамках реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. «Включение в Стратегию-2025 новых сфер — образования, науки, здравоохранения, туризма и спорта — позволит дополнительно оценивать влияние евразийской экономической интеграции на Цели устойчивого развития 1, 2, 3, 4 и 10. Таким образом, будет расширен перечень показателей достижения ЦУР, характерных для региона ЕАЭС», — сказал Сергей Глазьев.

Кроме того, он обратил внимание на важность прямого диалога между интеграционными объединениями, призванного содействовать не только прогрессу в области достижения ЦУР, но и повышению предсказуемости и доверия в отношениях. Сергей Глазьев также выступил на открытии сайд-ивента «Региональная интеграция как средство достижения ЦУР: опыт ЕАЭС». Мероприятие было инициировано ЕЭК при поддержке Постоянного представительства Республики Казахстан при ООН, председательствующей в органах ЕАЭС в этом году. Обсуждение было посвящено региональному измерению ЦУР. «Региональная экономическая интеграция, являясь драйвером устойчивого и инклюзивного экономического роста для государств-членов, предоставляет странам дополнительные возможности существенно продвинуться в реализации этой повестки», — подчеркнул Сергей Глазьев.

В дискуссии приняли участие генеральный секретарь Андского сообщества наций — одного из старейших интеграционных объединений Латинской Америки — Хорхе Эрнандо Педраса Гутьеррес, партнеры из АСЕАН, представители региональных комиссий ООН (ЕЭК ООН и ЭСКАТО), государств — партнеров ЕЭК по меморандумам, а также руководство постоянных представительств государств Союза при ООН.

Справка

Евразийский экономический союз стал первым среди интеграционных объединений, которые проанализировали, на каком уровне в государствах-членах находится выполнение Целей в области устойчивого развития ООН.

В 2017 г. на Политическом форуме высокого уровня по устойчивому развитию (ПФУР) ЕЭК презентовала доклад «Показатели достижения ЦУР ООН в регионе ЕАЭС». В 2019 г. на ПФУР ЕЭК презентовала собственную универсальную методологию оценки достижения ЦУР в рамках регионального объединения.

Цели устойчивого развития — 2025:

- Цель 1. Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах.
- Цель 2. Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства.
- Цель 3. Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте.
- Цель 4. Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех.
- Цель 10. Сокращение неравенства внутри стран и между ними.
- Цель 16. Содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях.

Источник: <https://eec.eaeunion.org/news/sergej-glazev-%C2%ABstrategiya-2025-posposobstvuet-bolee-effektivnomu-dostizheniyu-tselej-ustojchivogo-razvitiya-v-regione-eaes%C2%BB/>

21.07.2021

Виктор Назаренко: «Для вывода товаров ЕАЭС на внешние рынки необходима единая политика в вопросах повышения их качества и конкурентоспособности»

Об этом министр по техническому регулированию Евразийской экономической комиссии Виктор Назаренко заявил в ходе семинара для глав дипломатических миссий Республики Беларусь, который проходит в Академии управления при Президенте Республики Беларусь в Минске. В. Назаренко сообщил, что сегодня ВВП Евразийского экономического союза составляет почти 2 трлн долларов США, а объем внешней торговли с третьими странами — более 620 млрд долларов США. При этом, характеризуя структуру внешней торговли, министр ЕЭК отметил высокую сырьевую составляющую экспорта (более 53%) при незначительной доле высокотехнологической продукции (около 15%). В то же время в структуре союзного импорта продукция машиностроения занимает практически половину. «Эти цифры свидетельствуют о важности проведения в ЕАЭС единой политики по повышению технического уровня и конкурентоспособности производимой продукции для ее вывода на внешние рынки», — сказал В. Назаренко.

«Единая система технического регулирования, которую мы создаем в ЕАЭС, решает три задачи. Первая — снять технические барьеры во взаимной торговле за счет выхода на единые обязательные требования к продукции и на единые процедуры ее допуска на рынок. Второе — обеспечить защиту рынка от небезопасной продукции. Третье — создать условия для повышения качества и конкурентоспособности продукции», — отметил В. Назаренко.

При этом министр ЕЭК обратил внимание на недостаточно эффективный механизм защиты единого союзного рынка от опасной и некачественной продукции, низкий уровень ответственности аккредитованных органов по оценке соответствия и других участников рынка за безопасность выпускаемой продукции. Виктор Назаренко также затронул тему эффективности оценки соответствия продукции обязательным требованиям как одного из основных инструментов защиты интересов промышленности стран ЕАЭС и гаранта поступления на рынок безопасной продукции.

«С выходом на единые разрешительные документы страны Союза столкнулись с серьезными проблемами в сфере оценки соответствия», — сказал министр ЕЭК. — Деятельность недобросовестных органов по оценке соответствия и уполномоченных иностранных изготовителей повлекла поставки значительных объемов импортной продукции с неподтвержденной безопасностью. ЕЭК совместно с уполномоченными органами стран Союза проводит системную работу по наведению порядка в этой сфере, в том числе по ревизии реестров выданных документов об оценке соответствия, органов по сертификации и испытательных лабораторий».

В. Назаренко сообщил, что 16 февраля текущего года было подписано соглашение, которое определило базовые принципы и подходы к государственному контролю и надзору за соблюдением требований технических регламентов Союза. Ключевыми из них являются обеспечение защиты прав потребителей, информирование об опасной продукции, системность контроля, в том числе применение риск-ориентированного подхода.

Министр ЕЭК рассказал о работе по устранению технических барьеров в торговле с третьими странами. «В ближайшее время в рамках ЕАЭС будет подписано Соглашение о порядке и условиях устранения технических барьеров в торговле с третьими странами. Это соглашение позволит наладить взаимодействие стран Союза с основными торгово-экономическими партнерами», — подчеркнул он.

При этом, по мнению В. Назаренко, развитие экспортного потенциала в значительной степени определяется уровнем гармонизации применяемых в Союзе требований с международными. К примеру, если

по электротехнической продукции уровень гармонизации межгосударственных стандартов с международными достигает 90–92%, то по машинам и оборудованию этот показатель составляет чуть больше 50%, что явно недостаточно для конкуренции на внешних рынках.

Министр ЕЭК также акцентировал внимание на мерах поддержки производителей со стороны государств ЕАЭС. Кроме того, он ознакомил участников мероприятия с новыми подходами к регулированию электронной торговли, проинформировал о работе по предупреждению распространения в ЕАЭС COVID-19 и о создании общих рынков лекарственных средств и медицинских изделий.

Источник: <https://eec.eaeunion.org/news/viktor-nazarenko-%C2%ABdlya-vyvoda-tovarov-eaes-na-vneshnie-rynki-neobhodima-edinaya-politika-v-voprosah-povysheniya-ih-kachestva-i-konkurentosposobnosti%C2%BB/>

22.07.2021

ЕЭК и Исламская организация по продовольственной безопасности подписали Меморандум о взаимопонимании

Документ подписали 22 июля в Евразийской экономической комиссии министр по промышленности и агропромышленному комплексу ЕЭК Артак Камалян и генеральный директор Исламской организации по продовольственной безопасности (ИОПБ) Ерлан Байдаулет. Меморандум определяет основные направления и мероприятия по развитию сотрудничества Комиссии с ИОПБ, деятельность которой направлена на содействие развитию сельского хозяйства и повышение продовольственной безопасности в государствах Организации Исламского Сотрудничества. Среди направлений сотрудничества: содействие устойчивому развитию сельского хозяйства, сбалансированное развитие производства и рынков сельскохозяйственной продукции и продовольствия. Взаимодействие предполагает обмен информацией, опытом и знаниями.

«Обеспечение продовольственной безопасности — это один из ключевых вопросов в национальных программах развития агропромышленного комплекса стран Евразийского экономического союза, поэтому в интеграционной повестке ему уделяется особое внимание, — отметил А. Камалян — Сейчас сотрудничество государств ЕАЭС со странами — участницами Организации Исламского Сотрудничества осуществляется в двустороннем формате. Полагаю, что подписанный сегодня меморандум придаст импульс расширению границ международной площадки для обсуждения вопросов аграрной политики, обмена опытом и лучшими передовыми практиками и технологиями».

Министр ЕЭК подчеркнул, что взаимодействие Комиссии с Исламской организацией по продовольственной безопасности позволит расширить соответствующую информационную базу и возможности торгово-экономического сотрудничества между странами ЕАЭС и исламского мира, использовать накопленный сторонами опыт для более эффективного обеспечения продовольственной безопасности. Особенную значимость углубление взаимодействия приобретает в условиях пандемии коронавирусной инфекции. По словам А. Камаляна, именно сейчас вопросы обеспечения продовольствием, бесперебойных поставок сельскохозяйственной продукции и продуктов питания показали необходимость принятия оперативных решений и совместных усилий для устранения возникающих проблем.

«Данный меморандум закладывает основы для плодотворного и долгосрочного сотрудничества. Одним из основных направлений нашей совместной работы станет содействие устойчивому развитию сельского хозяйства и сбалансированному развитию производства и рынков сельскохозяйственной продукции и продовольствия. Для нас это очень важно. Мы также планируем сотрудничество в области так называемых в ЕАЭС чувствительных товаров (по определению в ИОПБ — стратегических товаров). Я думаю, что это принесет большой позитивный эффект, в том числе позволит стабилизировать цены на пищевых рынках, расширить обмен агро- и биотехнологиями», — подчеркнул генеральный директор Исламской организации по продовольственной безопасности Е. Байдаулет.

Комиссия совместно с экспертами стран Союза сформировала общие принципы и подходы к обеспечению продовольственной безопасности с учетом методологии Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), которые направлены на повышение уровня обеспеченности стран ЕАЭС сельскохозяйственной продукцией и продовольствием собственного производства, минимизацию рисков возникновения дефицита продовольственных товаров при форс-мажорах, а также импортозамещение ресурсов, используемых в АПК.

Источник: <https://eec.eaeunion.org/news/eek-i-islamskaya-organizatsiya-po-prodovolstvennoj-bezopasnosti-podpisali-memorandum-o-vzaimoponimanii/>

22.07.2021

Евразийская экономическая комиссия и Исламская организация по продовольствию и безопасности сотрудничают в целях содействия развитию сельского хозяйства

НУР-СУЛТАН — Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) и Исламская организация по продовольствию и безопасности (ИОПБ) подписали Меморандум о взаимопонимании по содействию развитию сельского хозяйства и повышению продовольственной безопасности среди стран — членов ИОПБ 22 июля в Москве, сообщает пресс-служба ЕЭК.

В мероприятии приняли участие представители дипломатических миссий стран — членов Европейского экономического сообщества, в том числе Казахстана, Кыргызстана, России, Армении и Беларуси, а также стран — членов Международной организации по продовольственной безопасности, включая Иран, Таджикистан, Тунис, Катар и Кувейт.

Меморандум закладывает основу для плодотворного и долгосрочного сотрудничества. Одним из основных направлений нашей совместной работы будет содействие устойчивому развитию сельского хозяйства и сбалансированному развитию индустриализации и рынков сельскохозяйственных и пищевых продуктов. Для нас это очень важно. Мы также планируем сотрудничать в сфере так называемых чувствительных товаров Евразийского экономического союза (ЕАЭС). «Я думаю, что это окажет значительное положительное влияние, в том числе на стабильность цен на продовольственных рынках», — сказал генеральный директор IOFS Ерлан Байдаулет.

Обе стороны стремятся достичь заявленной цели меморандума посредством скоординированной политики и механизмов для регулирования развития сельского хозяйства, повышения конкурентоспособности экспорта сельскохозяйственных продуктов питания, стандартизации стандартов, повышения безопасности пищевых продуктов и развития биотехнологий.

Партнерство между двумя авторитетными международными организациями позволит мобилизовать и приумножить ресурсы, добиться качественного и устойчивого роста в агропромышленном секторе, что приведет к повышению благосостояния и продовольственной безопасности стран-участниц.

Министр промышленности и агропромышленного комплекса Европейского экономического сообщества Артак Камальян подчеркнул, что взаимодействие Комиссии с IOFS расширит обмен актуальной информацией и возможности торгово-экономического сотрудничества между странами ЕАЭС и исламским миром.

Укрепление сотрудничества особенно важно в контексте пандемии коронавируса. По словам Камальяна, вопросы продовольственной безопасности и бесперебойных поставок сельхозпродукции и продуктов питания требуют неотложных решений и совместных усилий.

«Обеспечение продовольственной безопасности — один из основных вопросов в национальных программах развития агропромышленного комплекса стран Евразийского экономического союза, поэтому ему уделяется особое внимание в интеграционной повестке. Считаю, что подписание сегодня меморандума придаст импульс расширению границ международной платформы для обсуждения вопросов сельскохозяйственной политики и обмена опытом, практиками и передовыми технологиями».

Сегодня в IOFS входят 36 государств-членов, в том числе страны ЕЭС, такие как Казахстан и Кыргызстан, и партнеры из ЕЭС, такие как Узбекистан, Иран, Египет и Бангладеш.

Источник: <https://www.vzglyad.kg/>

06.08.2021

Совместное заявление по итогам Консультативной встречи глав государств Центральной Азии

6 августа 2021 г. в городе Туркменбаши состоялась Консультативная встреча глав государств Центральной Азии, в которой приняли участие Президент Республики Казахстан, Президент Кыргызской Республики, Президент Республики Таджикистан, Президент Туркменистана и Президент Республики Узбекистан.

Главы государств по итогам переговоров, прошедших в атмосфере дружбы, взаимного уважения и доверия, конструктивизма и взаимопонимания, отмечая поступательный процесс развития регионального сотрудничества на основе исторически сложившихся дружественных и добрососедских отношений, основываясь на принципах Устава Организации Объединенных Наций и подтверждая свою твердую приверженность соблюдению общепризнанных норм международного права, подчеркивая необходимость рассмотрения и решения актуальных вопросов развития Центральноазиатского региона посредством переговоров и консультаций на основе взаимного уважения, равноправия, учета интересов друг друга, отмечая готовность своих государств к открытому и широкому взаимодействию в интересах обеспечения мира, стабильности и безопасности в регионе, исходя из общего стремления к дальнейшему расширению и укреплению отношений во всех сферах, представляющих взаимный интерес, включая политику, устойчивое и стабильное развитие, торгово-экономическое и инвестиционно-финансовое, транспортно-коммуникационное, водно-энергетическое, информационно-технологическое, экологическое и культурно-гуманитарное сотрудничество, отмечая, что совместные инициативы государств Центральной Азии в решении важных глобальных и региональных проблем имеют ощутимые результаты на мировой арене, подчеркивая важность тесного партнерства государств региона в противодействии глобальным вызовам и угрозам, в том числе пандемии коронавирусной инфекции, а также совместного преодоления ее негативных последствий, вновь подтверждая, что регулярные Консультативные встречи глав государств Центральной Азии позволяют обсуждать и вносить предложения по актуальным вопросам, которые способствуют дальнейшему укреплению многостороннего межгосударственного сотрудничества в регионе, заявляют о нижеследующем:

1. Главы государств отмечают, что нынешняя Консультативная встреча проходит в год 30-летия независимости государств Центральной Азии.
В этой связи Стороны подчеркивают историческую значимость данного форума в деле дальнейшего укрепления и развития отношений между странами Центральной Азии.
2. Стороны подтверждают актуальность и необходимость комплексного развития многостороннего взаимодействия путем проведения двусторонних и многосторонних мероприятий, осуществления взаимных визитов в целях содействия мирному развитию, процветанию и стабильности всех государств Центральноазиатского региона.
3. Стороны отмечают, что Консультативная встреча в г. Туркменбаши позволила всесторонне рассмотреть перспективные направления, формы и механизмы дальнейшего развития регионально-го взаимовыгодного сотрудничества в области обеспечения безопасности и стабильности, в сферах торговли, экономики и инвестиций, транспорта и транзита, сельского хозяйства и продовольственной безопасности в вопросах промышленной кооперации, водно-энергетических ресурсов, охраны окружающей среды, туризма, науки, образования, культуры и гендерного равенства.

4. Главы государств отмечают важность использования потенциала своих стран в интересах формирования в регионе пространства для безопасного, устойчивого, широкого и открытого партнерства.

В этой связи Стороны подчеркивают важность проведения консультаций и укрепления контактов и связей по линии министерств иностранных дел, дипломатических представительств, консульских учреждений, а также постоянных представительств Центральноазиатских государств при ООН и других международных организаций.

5. Стороны считают, что в нынешнем, 2021 г., объявленном Генеральной Ассамблеей ООН Международным годом мира и доверия, необходимо активизировать консолидированную деятельность государств Центральной Азии на международной арене в целях достижения конкретных результатов в деле реализации широкомасштабных и долгосрочных стратегий, концепций и программ, принятых международным сообществом в лице Организации Объединенных Наций.
6. Главы государств подчеркнули, что в 2021 г. отмечается 15-летняя годовщина со дня подписания Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии, а также 30-летие закрытия Семипалатинского испытательного ядерного полигона.

В этой связи президенты выразили готовность продолжать активное сотрудничество государств региона по реализации Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии и отметили необходимость активизации взаимодействия с другими безъядерными зонами с целью консолидации усилий в деле ядерного разоружения и нераспространения.

7. Стороны подтверждают, что одним из важнейших факторов сохранения и укрепления безопасности и стабильности в Центральной Азии является скорейшее урегулирование ситуации в соседнем Афганистане. В этой связи Стороны выразили готовность оказывать всемерное содействие в скорейшем достижении гражданского мира и согласия в афганском обществе.
8. В этой связи Стороны поддерживают усилия всех заинтересованных государств и международных организаций, направленные на обеспечение безопасности и стабильности в Афганистане, восстановление социально-экономической инфраструктуры страны и ее вовлечение в мирохозяйственные связи.
9. Стороны высказались за проработку вопроса о создании диалога по безопасности и сотрудничеству в Центральной Азии в качестве постоянно действующей консультативной платформы для рассмотрения актуальных вопросов развития региона на системной и регулярной основе.
10. Стороны считают первостепенной задачей обеспечение устойчивого развития региона Центральной Азии посредством дальнейшего укрепления связей в торгово-экономической, инвестиционной, промышленной, финансовой, энергетической, сельскохозяйственной, коммуникационной, социальной, экологической и других сферах, представляющих взаимный интерес.

В целях совместного развития финансовой системы и привлечения инвестиций в регион Стороны согласились использовать площадку Международного финансового центра «Астана» в качестве экономической платформы, связывающей страны региона Центральной Азии, а также с иностранными инвесторами.

11. Стороны признают важность усиления взаимодействия компетентных органов в области регулирования миграционных процессов между государствами Центральной Азии, а также необходимость обеспечения защиты прав и интересов трудящихся мигрантов, оказания им правовой, социальной, информационно-консультативной помощи.
12. Стороны отмечают важность наращивания взаимного товарооборота и необходимость дальнейшей выработки общих взаимовыгодных подходов к эффективному решению задачи по упрощению процедур торговли в регионе.

Стороны отмечают необходимость активизации работы по расширению сотрудничества между деловыми кругами и регионами государств Центральной Азии с целью увеличения взаимной торговли, реализации совместных экономических проектов, включая развитие торгово-производственных площадок на приграничных территориях, а также сети оптово-распределительных центров.

13. Стороны подчеркивают важность дальнейшего углубления многостороннего сотрудничества в транспортно-транзитной сфере в целях обеспечения свободного и беспрепятственного транзита товаров и грузов, включая создание новых и модернизацию действующих международных маршрутов для авиационного, автомобильного, железнодорожного, речного и морского транспорта, мультимодальных транспортных коридоров, международных многофункциональных центров логистики, торговли и туризма, внедрение инновационных, энергосберегающих и электронных технологий, упрощение трансграничных процедур в соответствии с лучшими международными практиками и реализацию других совместных инфраструктурных проектов, обеспечивающих эффективное использование транзитного потенциала региона.

Стороны приложат максимальные усилия по совместному развитию международных коридоров «Север-Юг» и «Восток-Запад».

Стороны отметили необходимость ускорения создания регионального Совещания по транспортным коммуникациям, согласования Программы и Соглашения по совместному развитию транспортной системы в Центральной Азии с учетом реализуемых и перспективных проектов по формированию выгодных международных транспортных коридоров с участием государств региона.

Стороны поддержали инициативу узбекской стороны о создании Регионального центра развития транспортно-коммуникационной взаимосвязанности под эгидой Организации Объединенных Наций.

Стороны намерены увеличить объемы взаимной торговли посредством создания региональных цепочек добавленной стоимости и совместных промышленных кластеров, повышения сотрудничества в продвижении цифровой экономики.

14. Стороны заявили о необходимости создания пятистороннего Совета промышленников и предпринимателей стран Центральной Азии в целях придания взаимному сотрудничеству в торгово-экономическом, энергетическом, транспортно-логистическом и инновационном направлениях целенаправленного и системного характера.

15. Стороны выражают намерение объединить усилия для совместной реализации инновационных программ и проектов, а также содействовать эффективному сотрудничеству в области науки, технологий и инноваций, совместному проведению научных исследований, обмену опытом между научно-исследовательскими центрами в целях поиска новых источников социального и экономического роста.

16. Стороны выступают за углубление сотрудничества в области образования, «научной дипломатии», в рамках форумов ректоров, научных конференций и симпозиумов научно-педагогической и студенческой общественности и молодежи путем разработки региональной Программы межвузовских и научных обменов.

Стороны подчеркивают прогресс в развитии и использовании информационно-коммуникационных технологий, а также их растущее влияние на повседневную жизнь. Государства намерены объединить усилия в целях противостояния новым угрозам информационной безопасности с соблюдением принципов и норм международного права.

17. Все государства Центральной Азии отмечают необходимость укрепления регионального сотрудничества в области смягчения последствий изменения климата и адаптации к нему, борьбы с опустыниванием, рационального использования водно-энергетических ресурсов, охраны окружающей среды и экологии, сохранения ледников и рекультивации урановых хвостохранилищ, продвижения проектов и программ, направленных на внедрение ресурсосберегающих и зеленых технологий, включая развитие возобновляемых источников энергии.

В этих сферах Стороны готовы прилагать совместные усилия для совершенствования механизмов долгосрочного и взаимовыгодного сотрудничества для достижения целей устойчивого развития в регионе.

Стороны отметили важность существующих и строящихся гидроэнергетических объектов для содействия решению водно-энергетических вопросов в Центральной Азии с учетом интересов всех стран региона.

Стороны подчеркивают важность достижения единого понимания и продвижения на площадке ООН международных и региональных инициатив, таких как принятие резолюций 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН «Природа не знает границ: трансграничное сотрудничество — ключевой фактор в сохранении, восстановлении и устойчивом использовании биоразнообразия», «Конференция Организации Объединенных Наций по среднесрочному всеобъемлющему обзору хода достижения целей Международного десятилетия действий “Вода для устойчивого развития”, 2018–2028 годы», «Объявление региона Приаралья зоной экологических инноваций и технологий», «Сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и Международным фондом спасения Арала», «Международное сотрудничество и координация деятельности в целях реабилитации населения, восстановления окружающей среды и экономического развития Семипалатинского региона в Казахстане».

Учитывая негативное влияние глобального изменения климата на ледники в мире и, в частности, в Центральной Азии, главы государств поддержали предложение Президента Республики Таджикистан об объявлении 2025 года Международным годом сохранения ледников и создании Международного фонда защиты ледников.

Главы государств выразили поддержку инициативе Президента Туркменистана о разработке Стратегии ООН, нацеленной на осуществление мер по развитию низкоуглеродной энергетики, а также создание под эгидой ООН международной «Дорожной карты» по развитию водорода в качестве одного из приоритетных направлений в энергетике.

18. Главы государств признали важность консолидации усилий для комплексного решения проблем, связанных с оздоровлением социально-экономической и экологической обстановки в регионе, в том числе в бассейне Аральского моря, особенно в зонах, подверженных экологическому кризису и негативному воздействию изменения климата.

19. Стороны подчеркнули необходимость принятия согласованных мер, направленных на уменьшение загрязнения вод, атмосферного воздуха, сохранение ледников деградации земель, увеличение площадей лесопосадок, снижение рисков стихийных бедствий, в том числе наводнений, селевых потоков, засух, а также обеспечение чистой питьевой водой и другие.

Главы государств подчеркнули важность проводимых работ по совершенствовании организационной структуры и договорно-правовой базы Международного Фонда спасения Арала с учетом интересов и участием всех государств Центральной Азии.

20. Сегодня, когда человечество столкнулось с новой глобальной угрозой — пандемией коронавирусной инфекции, государства Центральной Азии предпринимают комплексные меры по противодействию распространения этой инфекции.

Полностью соизмеряя свои шаги в этом направлении с деятельностью мирового сообщества, Стороны поддерживают важные международные инициативы в борьбе с коронавирусом.

Главы государств выразили поддержку инициативе Президента Республики Казахстан о создании под эгидой ООН Сети региональных центров по контролю за заболеваниями и биобезопасностью, а также учреждению специального многостороннего органа под эгидой ООН — Международного агентства по биологической безопасности, подотчетного Совету Безопасности ООН.

В этой связи Стороны согласились активизировать взаимодействие по линии научной дипломатии, создать все необходимые условия для системного общения ученых-медиков, экспертов и специалистов в других смежных областях знаний.

В целях консолидации усилий государств Центральной Азии в деле противодействия распространению опасных инфекций Стороны считают необходимым рассмотреть вопрос о создании регионального механизма по изучению природы происхождения вирусов и других инфекций, форм проявления заболеваний, вызываемых ими, методов лечения и профилактики инфекционных болезней.

21. В контексте необходимости повышения устойчивости продовольственных систем Стороны согласились поддерживать цепочки поставок и широко внедрять механизмы «зеленых коридоров» для продовольствия и товаров первой необходимости.

22. Стороны договорились развивать межкультурный диалог в интересах народов, живущих в Центральной Азии, и в духе Международного десятилетия сближения культур, провозглашенного ООН, сохранять и поощрять многообразие культур и межнациональную толерантность, сотрудничать и оказывать взаимную поддержку в области изучения и охраны этнополитики, материального и нематериального культурного и природного наследия региона, совершенствовать литературные связи, проводить международные фестивали, форумы и конкурсы, углублять взаимодействие в области музыкального, театрального, изобразительного и ремесленного искусства, кинематографии, телерадиовещания, архивного, музейного и библиотечного дела, а также развивать прямые связи между гражданами, прежде всего молодежью, и туристические обмены.

В целях придания системного и регулярного характера взаимодействию в данном направлении Стороны договорились создать Форум культурного диалога Центральной Азии в качестве единой платформы культурно-гуманитарного обмена под названием «Центральная Азия: одно прошлое и одно будущее».

23. Учитывая важную роль спорта в укреплении дружбы между народами, главы государств договорились продолжить развивать физическую культуру и спорт, поддерживать проведение международных спортивно-массовых мероприятий на территориях Сторон, поощрять сотрудничество между организациями и учреждениями физической культуры и спорта. Также отмечено о необходимости консолидации усилий по продвижению национальных видов спорта Сторон на международную спортивную арену.

24. Главы государств отметили необходимость тесного взаимодействия в сфере туризма, в том числе в целях ускоренного восстановления данного сектора после пандемии и возобновления туристического обмена между странами региона.

Также Стороны согласились активизировать работу по созданию туристических зон и кластеров на трансграничных территориях, совместному продвижению турпродуктов и маршрутов в целях создания единого пространства в Центральной Азии.

Стороны выступают за тесное сотрудничество между органами государственного управления туризмом и туристическими компаниями, а также между другими организациями, участвующими в развитии международного и внутреннего туризма.

Стороны будут и далее содействовать обмену информацией о развитии туристической деятельности, печатными материалами, фильмами, сотрудничать в проведении рекламных кампаний, конференций и семинаров, организации выставок и ярмарок.

25. Главы государств поручили внешнеполитическим ведомствам завершить в ближайшее время работу по согласованию проекта «Дорожной карты» по развитию регионального сотрудничества на 2022–2024 годы (по итогам Консультативных встреч глав государств Центральной Азии).

26. Главы государств поручили внешнеполитическим ведомствам подготовить к подписанию на следующей Консультативной встрече глав государств Центральной Азии Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии в XXI веке.

27. Президенты приняли решение об использовании Единого символа Консультативных встреч глав государств Центральной Азии и одобрили Положение о нем.

28. Президенты приняли решение об учреждении Почетного знака глав государств Центральной Азии и одобрили Положение о Почетном знаке и его Описание.

29. Главы государств дали высокую оценку проводимым в г. Туркменбаши Форуму диалога женщин стран Центральной Азии, Экономическому форуму стран Центральной Азии, Международной выставке национальной продукции стран Центральной Азии, Международному фестивалю национальной кухни стран Центральной Азии и Торжественному концерту мастеров культуры и искусства стран Центральной Азии.

Главы государств поручили министрам иностранных дел подготовить предложения по срокам и месту проведения четвертой Консультативной встречи глав государств Центральной Азии и разработать повестку дня Консультативной встречи.

Консультативная встреча прошла в традиционно дружеской, теплой и доверительной атмосфере. Главы государств выразили признательность Президенту Туркменистана Гурбангулы Мяликгулыевичу Бердымухамедову за гостеприимство и высокий уровень организации Консультативной встречи.

г. Туркменбаши, 6 августа 2021 г.

Источник: <https://www.akorda.kz/ru/sovместное-zayavlenie-po-itogam-konsultativnoy-vstrechi-glav-gosudarstv-centralnoy-azii-672511>

17.09.2021

Душанбинская декларация двадцатилетия ШОС

Dushanbe Declaration of the Twentieth Anniversary of the SCO

В двадцатую годовщину образования Шанхайской организации сотрудничества (далее — ШОС или Организация) государства-члены, высоко оценивая позитивную роль ШОС в продвижении и углублении отношений добрососедства между государствами-членами, упрочении безопасности и стабильности в регионе, обобщая достижения за период деятельности Организации и отмечая высокий потенциал дальнейшего взаимодействия между государствами-членами, строго следуя принципам и положениям Хартии ШОС, Договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств — членов ШОС, Стратегии развития ШОС до 2025 года, Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества, международных договоров и нормативно-правовых документов Организации, опираясь на «шанхайский дух», который воплощает взаимное доверие, взаимную выгоду, равенство, взаимные консультации, уважение к многообразию культур, стремление к совместному развитию, будучи преисполненными решимости укреплять отношения между государствами-членами с тем, чтобы дружба их народов передавалась из поколения в поколение, придерживаясь принципа открытости внешнему миру и руководствуясь намерением способствовать укреплению многополярного мироустройства и выстраиванию международных отношений, основанных на общепризнанных принципах международного права, прежде всего Устава ООН; стремясь превратить пространство Организации в регион мира, сотрудничества, устойчивого развития, процветания и гармонии; по итогам состоявшегося в Душанбе 17 сентября 2021 года заседания Совета глав государств — членов ШОС заявляют о следующем.

1. Создание, становление, основные принципы

ШОС сформировалась на базе соглашений об укреплении доверия в военной области и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы, подписанных Республикой Казахстан, Китайской Народной Республикой, Кыргызской Республикой, Российской Федерацией и Республикой Таджикистан соответственно в Шанхае и Москве в 1996 и 1997 годах.

Необходимость приложения усилий по превращению «Шанхайской пятерки» в региональную структуру многостороннего сотрудничества в различных сферах была отмечена в Душанбинской декларации глав государств Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан от 4 июля 2000 года.

15 июня 2001 года в Шанхае главами государств Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Республики Узбекистан была принята Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества.

Организация создана с целью укрепления взаимного доверия, дружбы и добрососедства, упрочения разностороннего взаимодействия в деле поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе, совместного противодействия новым вызовам и угрозам, поощрения эффективного и взаимовыгодного сотрудничества в различных областях, содействия экономическому росту, социальному и культурному развитию.

ШОС не является союзом, направленным против других государств и регионов, открыта для широкого сотрудничества с другими государствами и международными объединениями в соответствии с целями и принципами Устава ООН и нормами международного права на основе учета взаимных интересов и общности подходов к решению региональных и общемировых проблем.

Хартия ШОС заложила прочную правовую основу развития Организации. За двадцать лет ШОС стала общепризнанным и авторитетным многосторонним объединением, сформировала солидную нормативно-правовую базу и механизмы взаимодействия, установила партнерские отношения с государствами, международными организациями и структурами, разделяющими принципы и ценности Организации.

Налажена эффективная работа постоянно действующих органов — Секретариата в Пекине и Исполнительного комитета Региональной антитеррористической структуры в Ташкенте. Утверждены эмблема, флаг и Гимн ШОС.

Государства-члены твердо придерживаются целей и задач Устава ООН и Хартии ШОС, принципов взаимного уважения независимости, суверенитета и территориальной целостности, равноправия и взаимной выгоды, мирного разрешения возможных разногласий путем диалога и взаимных консультаций, невмешательства во внутренние дела, неприменения военной силы или угрозы силой, отказа от одностороннего военного превосходства в сопредельных районах.

Государства-члены выступают за формирование многополярного мироустройства, основанного на общепризнанных принципах международного права, многосторонности, равной, совместной, неделимой, комплексной и устойчивой безопасности, глобальной и региональной безопасности и стабильности, отказа от конфронтации и конфликтов. Принимая во внимание мнения государств-членов, они подтверждают актуальность инициатив продвигать взаимодействие в строительстве международных отношений нового типа в духе взаимного уважения, справедливости, равенства и взаимовыгодного сотрудничества, а также формирования общего видения идеи создания сообщества единой судьбы человечества.

Государства-члены намерены и далее развивать сотрудничество в сферах политики и безопасности, торговли, экономики, финансов и инвестиций, культурных и гуманитарных связей в целях построения мирной, безопасной, процветающей и экологически чистой планеты Земля.

ШОС вступила в ответственный период своего развития. В этой связи государства-члены отмечают необходимость углубления и расширения взаимодействия в рамках Организации, не предусматривающего формирования военно-политического союза или экономического интеграционного объединения с образованием наднациональных институтов управления.

Государства-члены будут уважать право на выбор пути политического, экономического, социального и культурного развития с учетом исторического опыта и национальных особенностей каждого государства. Они продолжат содействовать межкультурному диалогу, общему миру, прогрессу и гармонии, равноправному партнерству государств. Будут и впредь укреплять ШОС для обеспечения поступательного роста и процветания, реализации в этих целях Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.

Государства-члены придерживаются линии, исключающей блоковые, идеологизированные и конфронтационные подходы к решению актуальных проблем международного и регионального развития, исходя из непреложности закрепленного в Хартии ШОС принципа недопущения любых противоправных действий, направленных против интересов Организации.

Государства-члены отмечают, что Организация открыта для присоединения заинтересованных государств, которые соответствуют критериям и условиям, содержащимся в нормативно-правовых документах ШОС, и обязуются соблюдать цели и принципы Хартии ШОС, а также положения других международных договоров и документов Организации.

2. Политическое измерение

Государства-члены констатируют близость или совпадение их оценок текущей региональной и международной обстановки. Они подтверждают приверженность формированию более представительного, демократического, справедливого и многополярного миропорядка, основанного на общепризнанных принципах международного права, культурно-цивилизационном многообразии, взаимовыгодном и равноправном сотрудничестве государств при центральной координирующей роли ООН.

Высокий уровень взаимного доверия, присущий встречам в рамках регулярных заседаний основных органов ШОС — Совета глав государств, Совета глав правительств (премьер-министров) и Совета министров иностранных дел, — способствует развитию политического диалога, принятию согласованных решений по всем аспектам деятельности Организации и продвижению эффективного взаимодействия между ее участниками.

Государства-члены считают важным активизировать контакты и сотрудничество по линии законодательных органов, наладить обмен опытом в области государственного управления и развития.

Они высоко оценивают практику направления Миссий от ШОС для наблюдения за президентскими, парламентскими выборами и референдумами.

Главы государств отмечают, что Центральная Азия является ядром ШОС. Они поддерживают усилия центральноазиатских государств, направленные на обеспечение мира, безопасности и стабильности в своих странах и в регионе в целом, приветствуют проведение на регулярной основе Консультативных встреч глав государств Центральной Азии и выступают за активную роль ШОС в дальнейшем укреплении стабильности и социально-экономического развития этого региона.

3. Безопасность

Приоритетами ШОС в области обеспечения региональной безопасности и стабильности будут оставаться противодействие терроризму во всех его формах и проявлениях, сепаратизму, экстремизму, незаконному обороту наркотиков, оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, трансграничной организованной преступности, обеспечение международной информационной безопасности, укрепление безопасности границ, совместная борьба с незаконной миграцией и торговлей людьми, отмыванием денег, экономическими преступлениями, коррупцией.

В этом контексте государствами — членами ШОС налажено эффективное сотрудничество, функционируют соответствующие механизмы взаимодействия между ними. Они выступают за дальнейшую практическую реализацию принятых в этой сфере документов и считают важным принимать меры по дальнейшему совершенствованию нормативно-правовой базы ШОС в области обеспечения безопасности.

В целях совершенствования механизмов противодействия вызовам и угрозам безопасности государствами — членами ШОС рассматриваются следующие инициативы: о создании Антинаркотического центра ШОС в городе Душанбе в качестве отдельного постоянно действующего органа (Республика Таджикистан), об учреждении на базе Региональной антитеррористической структуры (РАТС) ШОС в городе Ташкенте Универсального центра по противодействию вызовам и угрозам безопасности государств — членов ШОС (Российская Федерация), о создании Центра информационной безопасности ШОС (Республика Казахстан), об учреждении Центра по противодействию международной организованной преступности в городе Бишкеке (Кыргызская Республика).

Государства-члены отмечают, что сотрудничество в противодействии вызовам и угрозам безопасности должно осуществляться последовательно, без применения двойных стандартов, через строгое соблюдение норм международного права.

Государства-члены подчеркивают важность поддержки многосторонности и поиска путей обеспечения безопасности, выступают за реагирование на глобальные и региональные вызовы политическими и дипломатическими мерами. Они выступают за усиление взаимодействия в целях активного продвижения процесса разоружения, контроля над вооружениями и нераспространения оружия массового уничтожения, включая усилия в рамках Конференции по разоружению.

Государства-члены считают важной устойчивую реализацию Совместного всеобъемлющего Плана действий по иранской ядерной программе и в соответствии с Резолюцией 2231 СБ ООН призывают всех участников к неукоснительному исполнению всех своих обязательств для всестороннего и результативного выполнения документа.

Государства-члены, являющиеся участниками Договора о нераспространении ядерного оружия, выступают за неукоснительное соблюдение положений Договора, всестороннее сбалансированное про-

движение всех зафиксированных в нем целей и принципов, укрепление глобального режима нераспространения ядерного оружия, продолжение процесса ядерного разоружения, а также содействие равноправному взаимовыгодному сотрудничеству в области использования атомной энергии в мирных целях.

Государства-члены считают, что скорейшее вступление в силу Протокола о гарантиях безопасности к Договору о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии для всех подписавших его государств внесет значительный вклад в обеспечение региональной безопасности и укрепление режима ядерного нераспространения.

Государства-члены особо отмечают значимость Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБТО) как одной из опор архитектуры глобальной безопасности. Они подчеркивают необходимость строгого соблюдения КБТО, в том числе путем принятия Протокола к Конвенции, предусматривающего эффективный механизм проверки. Они выступают против создания любых механизмов, дублирующих функции КБТО, в том числе в части, касающейся компетенции Совета Безопасности ООН.

Государства-члены призывают к соблюдению в полном объеме Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (КЗХО) в качестве эффективного инструмента в сфере разоружения и нераспространения. Они подчеркивают важность скорейшего уничтожения всех заявленных запасов химического оружия. Государства-члены вновь заявляют о поддержке Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) и выступают за принятие согласованных решений с тем, чтобы преодолеть разногласия в рамках Организации, обеспечить ее целостность и эффективную работу в соответствии с Конвенцией.

Государства-члены выступают за сохранение космического пространства свободным от оружия любого вида и констатируют важное значение неукоснительного соблюдения действующего правового режима, предусматривающего исключительно мирное использование космоса. Они подчеркивают необходимость заключения международного юридически обязывающего документа, который обеспечивал бы укрепление транспарентности и предоставлял бы надежные гарантии предотвращения гонки вооружений и неразмещения первыми оружия в космическом пространстве.

3.1. *Афганистан и региональная безопасность*

Государства-члены исходят из безальтернативности политико-дипломатического урегулирования конфликтных ситуаций в различных регионах мира на основе строгого соблюдения общепризнанных норм и принципов международного права.

Государства-члены считают, что одним из важнейших факторов сохранения и укрепления безопасности и стабильности на пространстве ШОС является скорейшее урегулирование ситуации в Афганистане. Они выступают за становление Афганистана в качестве независимого, нейтрального, единого, демократического и мирного государства, свободного от терроризма, войны и наркотиков.

Государства-члены считают исключительно важным создание в Афганистане инклюзивного правительства с участием представителей всех этнических, религиозных и политических групп афганского общества.

Государства — члены ШОС, подчеркивая значимость оказанных региональными и соседними с Афганистаном странами многолетнее гостеприимство и эффективную помощь афганским беженцам, считают важными активные усилия международного сообщества по содействию их достойному, безопасному и устойчивому возвращению на родину.

3.2. *Борьба с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом*

Государства-члены решительно осуждают терроризм во всех его формах и проявлениях. Они подчеркивают ключевую роль государств-членов и их компетентных органов в вопросах противодействия терроризму, сепаратизму и экстремизму.

Государства-члены подтверждают необходимость активизации общих усилий по предупреждению терроризма и его финансирования, в том числе в контексте реализации имеющихся мировых стандартов в сфере противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма, а также

пресечению распространения питающей его террористической, сепаратистской и экстремистской идеологии. Считаю важным участие государств — членов ШОС в Кодексе поведения для достижения мира, свободного от терроризма.

Государства-члены отмечают недопустимость вмешательства во внутренние дела государств под предлогом противодействия терроризму и экстремизму, а также неприемлемость использования террористических, экстремистских и радикальных группировок в корыстных целях.

Государства-члены подтверждают особую роль Региональной антитеррористической структуры ШОС в совместной борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом в целях обеспечения региональной безопасности и будут наращивать потенциал сотрудничества компетентных органов на этих направлениях. Первоочередное внимание будет уделено реализации Программы сотрудничества государств — членов ШОС в противодействии терроризму, сепаратизму и экстремизму на 2022–2024 годы.

Государства-члены убеждены, что важным направлением глобальной антитеррористической борьбы должно стать лишение терроризма социальной опоры, в том числе ликвидация нищеты, безработицы, неграмотности. Они будут наращивать собственные усилия по недопущению на своих территориях подготовки и финансирования актов терроризма и отказывать террористам в убежище, углублять взаимодействие по выявлению, предупреждению, пресечению деятельности организаций и лиц, причастных к терроризму, сепаратизму и экстремизму.

Государства-члены считают важным ответственный подход к реабилитации своих граждан, вернувшихся из зон террористической активности, в соответствии с Резолюцией 2396 СБ ООН и национальным законодательством каждого государства — члена ШОС.

Государства-члены будут наращивать усилия по противодействию распространению экстремистских и сепаратистских идей, прежде всего среди молодежи, и вести работу по профилактике религиозной нетерпимости, агрессивного национализма, этнической и расовой дискриминации, ксенофобии, идей фашизма и шовинизма. Будет продолжено последовательное выполнение Программы действий по реализации положений Совместного обращения глав государств — членов ШОС к молодежи.

Государства-члены подчеркивают необходимость активизации общих усилий по предотвращению и пресечению распространения террористической, сепаратистской и экстремистской идеологии. Они убеждены, что продвижение экстремистских, сепаратистских и террористических идей, любая информационная поддержка, пропаганда и оправдание терроризма создают условия для распространения радикальных настроений и вербовки сторонников в ряды террористических организаций.

Государства-члены будут и далее проводить совместные антитеррористические учения компетентных органов государств — членов ШОС, в том числе предстоящие учения «Пабби — Антитеррор-2021». Особое внимание будет уделяться сотрудничеству по вопросам выявления и пресечения использования сети Интернет в террористических, сепаратистских и экстремистских целях, укрепления соответствующего потенциала компетентных органов государств — членов ШОС, включая подготовку кадров.

В целях противодействия угрозе химического и биологического терроризма государства-члены подчеркивают необходимость запуска на Конференции по разоружению многосторонних переговоров по международной конвенции о пресечении актов химического и биологического терроризма.

Государства-члены продолжают эффективное сотрудничество по пограничным вопросам, в том числе проведение совместных пограничных операций, а также обмен информацией о лицах, причастных к террористической деятельности, и совместное расследование террористических преступлений транснационального характера посредством эффективного пограничного контроля в целях предотвращения деятельности и перемещения через границу иностранных террористов и террористических групп.

3.3. Международная информационная безопасность

Государства-члены подчеркивают, что современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) создают новые преимущества и возможности для развития всего человечества. Они выступают против дискриминационных мер под любыми предлогами, которые препятствуют развитию цифровой экономики и коммуникационных технологий.

Государства-члены с серьезной озабоченностью отмечают растущие угрозы безопасности в информационной сфере, включая использование информационно-коммуникационных технологий в преступных целях, выходящие на глобальный и транснациональный уровень и дестабилизирующие международный мир и безопасность. Борьба с ними требует объединения усилий и широкого международного сотрудничества.

Государства-члены выступают категорически против милитаризации ИКТ-сферы, считая необходимым обеспечение использования современных технологий в мирных целях, создание безопасного, справедливого и открытого информационного пространства, построенного на принципах уважения государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела других стран.

Государства — члены ШОС продолжают выстраивать практическое взаимодействие и консолидировать усилия в сфере обеспечения международной информационной безопасности на основе соответствующего Плана взаимодействия на 2022–2023 гг. и других принятых в Организации документов.

Государства-члены вновь подчеркивают ключевую роль ООН в сфере противодействия угрозам в информационном пространстве. Они поддерживают выработку универсальных правил, принципов и норм ответственного поведения государств в этой области, в том числе приветствуют запуск разработки под эгидой ООН всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию ИКТ в преступных целях. Государства-члены продолжают сотрудничать в рамках профильных переговорных механизмов в ООН и на других международных площадках.

Государства-члены выступают за налаживание взаимодействия профильных органов государств-членов в сфере развития цифровой грамотности в целях преодоления цифрового разрыва.

Они выступают за равные для всех стран права на регулирование сети Интернет и суверенное право государств на управление ею в своем национальном сегменте.

3.4. *Антинаркотическое сотрудничество*

Государства-члены отмечают, что незаконный оборот наркотиков и их немедицинское потребление представляют угрозу международной и региональной безопасности и стабильности, устойчивому экономическому развитию государств, здоровью и благосостоянию народов, а также осуществлению основных прав и свобод человека. Они подчеркивают важность консолидации сил по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, выступают за дальнейшее активное развитие практического сотрудничества на этом направлении.

Государства-члены подтверждают приверженность действующей международной системе борьбы с незаконным оборотом наркотиков на основе норм и принципов международного права, а также соответствующих конвенций ООН и документов ШОС. Отмечая важность международных конвенций о контроле над наркотиками и других соответствующих правовых документов, они считают необходимым принятие мер по формированию эффективно работающей системы совместной борьбы с наркоугрозой, установлению надежного заслона культивированию, производству, изготовлению и незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также по противодействию распространению наркомании.

Государства-члены считают необходимым продолжить реализацию действенных мер по борьбе с наркоугрозой, связанной с незаконным культивированием и распространением наркосодержащих растений, производством наркотических средств опийной и каннабисной групп и синтетических наркотиков, в том числе через сеть Интернет.

Особый акцент будет сделан на продолжении проведения совместных операций по пресечению незаконного оборота наркотиков и их прекурсоров, в том числе антинаркотической операции «Паутина», повышении квалификации сотрудников для подразделений правоохранительных органов, углублении сотрудничества в сфере сокращения спроса на наркотики, организации учебных и научно-практических мероприятий.

Государства-члены намерены и впредь совместно противодействовать попыткам узаконить применение наркотиков в немедицинских целях, исходя из неприемлемости легализации наркотиков, которая рассматривается в качестве грубого нарушения трех профильных международных конвенций.

Они будут уделять особое внимание подрыву финансовых основ наркобизнеса, в том числе с учетом его взаимосвязанности с другими формами организованной преступности и террористической деятельностью.

Государства-члены выступают за продолжение практики проведения совместных мероприятий высокого уровня между ШОС и Управлением ООН по наркотикам и преступности, а также с участием Центральноазиатского регионального информационного координационного центра по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

3.5. *Взаимодействие в сфере обороны*

Государства-члены будут и далее развивать сотрудничество в области обороны, в том числе по вопросам подготовки кадров и повышения потенциала вооруженных сил сторон, в интересах укрепления мер доверия, обеспечения мира и региональной стабильности, противодействия вызовам и угрозам безопасности, создания благоприятных условий для устойчивого развития ШОС.

Государства-члены выступают за продвижение сотрудничества с ООН в области миротворческой деятельности. Они будут обмениваться опытом в сфере операций по поддержанию мира для подготовки военнослужащих к миротворческим миссиям ООН.

Государства-члены подчеркивают важное значение регулярного проведения совместных военных антитеррористических командно-штабных учений «Мирная миссия» для повышения уровня взаимодействия в борьбе с вооруженными формированиями международных террористических организаций и совершенствованию методов противодействия терроризму.

Государства-члены отмечают вклад фестивалей военных оркестров «Труба мира» в укрепление взаимодействия оборонных ведомств стран ШОС.

Принимая во внимание риск повторной пандемии из-за возникновения различных инфекционных заболеваний, государства-члены отметили необходимость развивать сотрудничество в области военной медицины.

3.6. *Организованная преступность и борьба с коррупцией*

Государства-члены подчеркивают, что одной из важных задач в рамках ШОС является борьба с организованной преступностью и экономическими преступлениями.

Государства-члены считают, что разработка дополнительных механизмов международного сотрудничества в этой области должна стать адекватной мерой по наращиванию и модернизации потенциала для эффективного совместного использования открывающихся возможностей и противодействию новым вызовам и угрозам.

Государства-члены убеждены, что коррупция во всех ее проявлениях является угрозой национальной и региональной безопасности, приводит к снижению эффективности государственного управления, негативно влияет на международный авторитет и инвестиционную привлекательность государств, сдерживает их поступательное социально-экономическое развитие. Они выступают за дальнейшее укрепление международного сотрудничества в сфере антикоррупционной деятельности, повышение авторитета ООН и ее роли в глобальной антикоррупционной борьбе и поддерживают соответствующую Конвенцию ООН.

3.7. *Взаимодействие в судебной сфере*

Государства-члены отмечают, что плодотворное сотрудничество по линии председателей верховных судов является надежной платформой для совершенствования совместной деятельности в области защиты прав и свобод человека, укрепления справедливости, законности и правопорядка. Данный механизм служит сближению подходов в работе судов государств — членов ШОС, улучшению эффективности межсудебного взаимодействия, созданию условий для углубления судебных реформ.

Они будут расширять информационный обмен и осуществлять согласованные шаги в судебно-экспертной области, включая совместные мероприятия.

Государства-члены придают важное значение сотрудничеству между верховными судами в области правосудия как эффективному фактору в укреплении взаимного доверия и дружбы, развитие добрососедства в рамках ШОС.

3.8. *Сотрудничество между органами прокуратуры*

Государства-члены выразили готовность расширять каналы правового сотрудничества, повышать его эффективность, содействовать развитию прямого взаимодействия между органами прокуратуры.

Они будут стремиться к созданию механизма надежного и быстрого обмена правовой информацией о действующих в государствах — членах ШОС практиках надзора за соблюдением законодательства, права и юстиции, а также по вопросам борьбы с преступностью и любой другой информацией, имеющей отношение к противодействию незаконной деятельности транснационального характера.

Государства-члены усилят многосторонний обмен между органами прокуратуры в области исследовательской деятельности, будут заимствовать позитивный опыт прокурорской работы, совершенствовать программы подготовки специалистов, направленные на повышение квалификации прокуроров государств — членов ШОС.

3.9. *Сотрудничество в сфере юстиции*

Государства-члены подчеркнули, что установление верховенства права, основанного на принципах уважения, защиты и обеспечения прав человека во всех сферах общественной, политической, экономической и социальной жизни, является важным фактором стабильности, устойчивости и успешного развития государств — членов ШОС.

Они выступают за развитие сотрудничества по обмену опытом в области нормотворческой деятельности, правовой помощи, правового просвещения населения, а также продолжение усилий по созданию онлайн-платформы для обмена правовой информацией с учетом положений национального законодательства.

4. Экономическое сотрудничество

Государства-члены считают, что первоочередной задачей является развитие взаимодействия в торгово-экономической области, создание благоприятных условий для торговли и инвестиций на принципах равенства, добросовестной конкуренции, взаимного уважения и взаимной выгоды.

Они отмечают, что мировая экономика по-прежнему сталкивается с многочисленными вызовами, сдерживающими ее устойчивый и сбалансированный рост. Негативное влияние на глобальные экономические перспективы оказывают риски, связанные с пандемией новой коронавирусной инфекции, ростом протекционизма, в том числе в форме односторонних ограничений в торговле. Важным становится управление финансовыми и экономическими рисками, источником которых является изменение климата, истощение ресурсов, деградация окружающей среды, а также обеспечение ресурсов для устойчивого развития.

Государства-члены считают необходимой последовательную реализацию значительного потенциала экономического взаимодействия, сформированного в процессе развития ШОС. Приоритетное значение будет иметь эффективное выполнение принятых долгосрочных программ и планов в торгово-экономической области в целях содействия социально-экономическому развитию государств — членов Организации и региона в целом.

Государства-члены будут и далее укреплять сотрудничество в торговой, производственной, транспортной, энергетической, финансовой, инвестиционной, сельскохозяйственной, таможенной, телекоммуникационной, инновационной и других представляющих взаимный интерес сферах, в том числе путем использования передовых, ресурсосберегающих, энергоэффективных, «зеленых» и низкоэмиссионных технологий, в интересах повышения благосостояния и уровня жизни населения, обеспечения устойчивого развития государств-членов.

Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Исламская Республика Пакистан, Российская Федерация, Республика Таджикистан и Республика Узбекистан, подтверждая поддержку инициативы Китая «Один пояс — один путь» (ОПОП), отмечают текущую работу по совместному осуществлению этого проекта, в том числе усилия по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и ОПОП.

Они выступают за широкое международное сотрудничество в решении проблем ресурсного обеспечения потребностей человечества без ущерба для окружающей среды и здоровья населения, в достижении устойчивого и качественного экономического роста на основе предоставления всем государствам равного и справедливого доступа к преимуществам экономической глобализации.

Государства-члены считают важным использовать потенциалы стран региона, международных организаций и многосторонних объединений в интересах формирования в Евразии пространства широкого, открытого, взаимовыгодного и равноправного взаимодействия в соответствии с нормами международного права и с учетом национальных интересов. В этой связи они отметили идею создания Большого Евразийского партнерства с участием стран ШОС, Евразийского экономического союза, Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, а также других заинтересованных государств и многосторонних объединений.

Государства-члены подчеркивают важность обмена опытом по разработке и реализации национальных стратегий развития, планов по цифровой экономике и внедрению инновационных технологий, в том числе в целях совместного преодоления технологического и цифрового разрыва между ними.

4.1. Пандемия новой коронавирусной инфекции

Государства-члены считают, что пандемия новой коронавирусной инфекции привела к глобальным социально-экономическим вызовам, нанесла значительный ущерб национальным экономикам, внесла существенные коррективы в динамику роста мировой экономики, стала фактором резкого роста безработицы, препятствием для развития торговли. Последствия кризиса по-прежнему полностью не преодолены, сохраняются многочисленные вызовы, оказывающие негативное влияние на мировую экономику.

В этом контексте они подчеркивают, что в центре внимания ШОС должны оставаться вопросы усиления координации совместной деятельности, связанной с выходом из кризиса и снижением его негативных последствий, а также реализация совместных планов по стабилизации положения дел в критически важных отраслях промышленного производства, сельском хозяйстве, в сфере услуг в интересах обеспечения устойчивого и сбалансированного роста национальных экономик.

4.2. Сотрудничество в банковской и финансовой сферах

Государства-члены продолжают укреплять взаимовыгодное сотрудничество в банковской и финансовой сферах, обмениваться передовым опытом и информацией, прилагать усилия в целях формирования благоприятных условий для развития рынка финансовых услуг и привлечения инвестиций, совершенствования платежно-расчетных и иных финансово-экономических отношений.

Они выступают за дальнейшее укрепление роли Организации в решении задач по обеспечению практического сотрудничества в банковско-финансовой сфере в целях создания благоприятных условий для развития межбанковских взаимоотношений и связей между финансовыми рынками стран региона.

Государства-члены рассмотрят возможности использования национальных валют во взаиморасчетах между государствами — членами ШОС, расширения обмена опытом в части функционирования национальных систем платежных карт и инноваций в платежной сфере, а также в области финансового контроля.

Они полагают важным налаживание взаимодействия ШОС с международными финансовыми институтами и институтами развития.

4.3. Финансовые механизмы

Государства-члены в целях реализации достигнутого на высшем уровне общего понимания и обеспечения финансового сопровождения проектной деятельности продолжают консультации по вопросам создания Банка развития ШОС и Фонда развития (Специального счета) ШОС.

В целях финансового обеспечения реализации совместных проектов будет продолжено взаимодействие в рамках функционирующих в регионе многосторонних банковских и финансовых структур.

4.4. *Деловой совет и Межбанковское объединение*

Государства-члены продолжают раскрывать потенциал Делового совета ШОС и Межбанковского объединения ШОС, а также развивать совместные инициативы деловых кругов по укреплению сотрудничества в целях реализации проектов в области финансов, высоких технологий, транспортно-коммуникационной инфраструктуры, энергетики, сельского хозяйства и инвестиционных проектов на пространстве ШОС.

Они считают важным участие Делового совета ШОС и Межбанковского объединения ШОС в разработке эффективных механизмов поддержки межрегионального экономического сотрудничества и частной предпринимательской инициативы.

Государства-члены считают необходимым определить порядок действий межгосударственных и национальных институтов развития по реализации проектов, имеющих приоритетное значение для всех стран объединения и совместно финансируемых банковскими структурами государств — членов ШОС в условиях чрезвычайных ситуаций и пандемии.

4.5. *Торговля и инвестиции*

Государства-члены подтверждают важность дальнейшего совершенствования архитектуры глобального экономического управления и будут последовательно отстаивать и укреплять открытую, транспарентную, справедливую, инклюзивную и недискриминационную многостороннюю торговую систему, основанную на принципах и правилах Всемирной торговой организации (ВТО), содействовать развитию открытой мировой экономики, выступать против односторонних протекционистских действий, которые подрывают систему многосторонней торговли и угрожают мировой экономике.

Государства-члены призывают к повышению эффективности ВТО как ключевой площадки для обсуждения повестки дня международной торговли и принятия правил многосторонней торговой системы. Они подчеркивают необходимость скорейшего проведения инклюзивной реформы организации с упором на вопросы ее развития и адаптации к современным экономическим реалиям, а также эффективной реализации функций мониторинга, переговоров и разрешения споров.

Государства-члены считают, что развитие сферы услуг и торговли услугами, поддержка микро-, малого и среднего предпринимательства и стимулирование электронной торговли в рамках ШОС имеет большое значение для развития экономики, повышения занятости и роста благосостояния населения.

Они полагают необходимым разработку совместных шагов по поддержке предприятий в реализации инвестиционных проектов, развитии их экспортно ориентированного потенциала.

Государства-члены в целях создания благоприятного инвестиционного климата продолжают разработку проекта документа о поощрении и взаимной защите инвестиций.

Государства-члены выступают за содействие созданию благоприятных условий для развития торговли и инвестиций, необходимых для постепенного осуществления свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и технологий, как это предусмотрено Хартией ШОС. Они высказались за дальнейшую проработку подходов к решению задачи упрощения процедур торговли в регионе.

4.6. *Малый и средний бизнес*

Государства-члены подчеркивают важность поддержки малого и среднего предпринимательства в целях стимулирования экономического роста и повышения занятости населения. В этой связи они выступают за налаживание и поддержание прямых контактов между хозяйствующими субъектами и деловыми кругами, в том числе путем проведения экономических и бизнес-форумов.

Важным представляется регулярное проведение Форума стартапов и конкурсов по инновациям и стартапам, которые способствуют развитию предпринимательства с участием молодежи.

Государства-члены отмечают актуальность сотрудничества в сфере охраны интеллектуальной собственности, включая обмен опытом в области защиты прав и развития системы интеллектуальной собственности.

4.7. Промышленность

Государства-члены выступают за развитие сотрудничества в сфере промышленности и промышленной кооперации в рамках ШОС, в том числе путем проведения ярмарок и выставочных мероприятий.

Они отмечают необходимость укрепления сотрудничества в сфере высоких технологий и внедрения в производство технологических достижений, а также в области обмена опытом по созданию промышленных парков и торгово-промышленных кластеров.

Государства-члены приняли решение об учреждении механизма Совещания министров промышленности государств — членов ШОС.

4.8. Сельское хозяйство и развитие удаленных территорий

Государства-члены выступают за дальнейшее усиление роли ШОС в решении задач по обеспечению продовольственной безопасности, укреплению мирового рынка продовольствия, развитию производства экологически чистых и органических продуктов.

Государства-члены, отмечая важность сотрудничества в области сельского хозяйства, будут развивать взаимодействие по таким направлениям, как производство и торговля сельскохозяйственной продукцией, ветеринарная и фитосанитарная безопасность, профилактика и борьба с трансграничными эпизоотиями, обмен опытом в сфере растениеводства, семеноводства и животноводства, научные исследования в области сельского хозяйства, цифровизация сельского хозяйства, «умное» сельское хозяйство и внедрение агроинноваций, производство органических продуктов, реализация совместных проектов в различных сферах сельского хозяйства.

Они отметили необходимость налаживания сотрудничества ШОС с Всемирной продовольственной программой ООН и другими международными организациями в области сельского хозяйства.

Государства-члены отмечают важность решения проблемы сокращения разрыва в доступности к экономическим, социальным и иным благам между населением городских центров и удаленных и сельских территорий стран ШОС. Для достижения этих целей они будут поощрять развитие регионов, удаленных и труднодоступных территорий, сельских местностей, используя достижения и лучшие практики, в том числе в области цифровых технологий и инновационных разработок. В этой связи подчеркнута важность практической реализации договоренностей по развитию удаленных и сельских территорий в цифровую эпоху.

4.9. Сотрудничество в области транспорта

Государства-члены подчеркивают необходимость эффективного использования транзитного потенциала ШОС, формирования региональных транспортных и транзитных коридоров, реализации крупных проектов, способствующих усилению транспортной взаимосвязанности на пространстве Организации.

Они отмечают важность последовательного выполнения договоренностей о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок, включая регулярное проведение заседаний соответствующей Совместной комиссии.

Государства-члены подчеркивают важность создания новых и модернизацию действующих международных маршрутов для автомобильных и железнодорожных перевозок, мультимодальных транспортных коридоров и логистических центров, а также внедрения цифровых, инновационных и энергосберегающих технологий, оптимизации трансграничных процедур в соответствии с лучшими международными практиками и реализации совместных инфраструктурных проектов, обеспечивающих эффективное использование транзитного потенциала государств — членов ШОС.

В этой связи они отмечают необходимость активизировать практическое сотрудничество с международными финансовыми институтами и профильными региональными структурами в целях привлечения их финансовых ресурсов для реализации совместных проектов.

Государства-члены приветствуют проведение второй Международной конференции ООН по устойчивому транспорту в Китае в 2021 году и надеются на ее позитивные результаты.

4.10. Энергетическое сотрудничество

Государства-члены подчеркивают необходимость наращивания взаимовыгодного сотрудничества в сфере энергетики, в том числе широкого использования возобновляемых и альтернативных источников энергии, а также поддерживают применение различных действенных экономически эффективных и экологически чистых технологий, позволяющих снизить негативное воздействие на окружающую среду и способствующих энергетической безопасности и переходу к более чистым и экологичным источникам энергии в энергоэффективной экономике. Они отмечают важность совместного изучения путей расширения региональной взаимосвязанности электросетей государств — членов ШОС.

Государства-члены будут стремиться к сопряжению национальных энергетических стратегий на основе взаимного уважения и углублению взаимодействия друг с другом в целях развития устойчивой энергетики и снижения выбросов парниковых газов. С учетом национальных интересов государства-члены будут и далее содействовать развитию полномасштабного диалога по энергетической тематике, практическому сотрудничеству между государствами-производителями, транзитерами и потребителями энергоносителей.

Государства-члены приняли решение об учреждении механизма Совещания министров энергетики государств — членов ШОС.

4.11. Сотрудничество таможенных служб

Государства-члены считают важным наращивать сотрудничество в таможенной сфере. Они отмечают, что защита прав интеллектуальной собственности, электронный обмен информацией о перемещаемых через таможенную границу товарах и транспортных средствах, взаимодействие в области развития и применения системы управления рисками и борьба с таможенными правонарушениями являются необходимыми шагами для расширения сотрудничества.

Государства-члены будут стремиться к упрощению таможенных операций, проведению совместных мероприятий по вопросам организации таможенного контроля с применением системы управления рисками в целях обеспечения безопасности международной цепи поставок, по противодействию правонарушениям в таможенной сфере, а также содействовать обмену сведениями об изменениях в таможенном законодательстве и передовой практикой в области упрощения процедур торговли и правоприменения.

4.12. Цифровизация и инновационное развитие

Государства-члены подчеркивают значимость инноваций как ключевого фактора среднесрочного и долгосрочного экономического роста и глобального устойчивого развития.

Отмечая необходимость целенаправленного внимания к преодолению социально-экономических последствий цифрового разрыва между государствами-членами, они подчеркивают важность углубления взаимовыгодного сотрудничества и обмена опытом в области цифровой экономики и использования цифровых технологий. Государства-члены выступают против дискриминационных мер под любыми предлогами, которые препятствуют развитию цифровой экономики и коммуникационных технологий.

Государства-члены считают важным продолжить обмен знаниями и передовым опытом, а также проведение совместных исследований научными, образовательными учреждениями и организациями в области цифровизации, инноваций и информационно-коммуникационных технологий.

5. Гуманитарное измерение

Государства-члены убеждены, что поступательное развитие культурно-гуманитарного сотрудничества в рамках ШОС остается безусловным приоритетом. За прошедший период удалось достичь высокого

уровня взаимодействия в области культуры, образования, науки и техники, здравоохранения, охраны окружающей среды, туризма и спорта.

5.1. Культура

Государства-члены подчеркивают, что культурное сотрудничество в рамках ШОС имеет значительный потенциал как эффективный фактор укрепления взаимопонимания между народами. Они отметили, что Организация показывает мировому сообществу пример уважительного, толерантного отношения к национальным традициям и ценностям друг друга, взаимообогащения культур через развитие связей в этой области.

Государства — члены ШОС будут принимать меры по углублению взаимодействия в области музыкального, театрального и изобразительного искусства, литературы, кинематографии, а также архивного, музейного, библиотечного дела.

Они будут и далее развивать сотрудничество в области проведения совместных археологических работ, охраны и реставрации памятников и объектов культурного наследия государств — членов ШОС, в том числе в целях совместной подачи и продвижения заявок на их включение в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

5.2. Образование

Государства-члены выступают за углубление сотрудничества в области образования и намерены предпринимать дополнительные меры по разработке инновационных образовательных технологий, использовать новые информационно-коммуникативные и мультимедийные средства для обеспечения качественного образования, достижения оптимальных результатов в профессиональной подготовке обучающихся.

Государства-члены подчеркивают важность дальнейшей деятельности Университета ШОС, в том числе путем подключения заинтересованных государств к его работе.

5.3. Научно-техническое сотрудничество

Государства-члены отмечают, что сотрудничество в области науки и техники отвечает интересам всех государств-членов и имеет важное значение для развития их экономик.

Они считают необходимым разработать в соответствии с национальным законодательством приоритетные направления научного и технического сотрудничества, включая рассмотрение возможности создания механизма финансирования совместных проектов в данной области.

5.4. Здравоохранение и обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия

Государства-члены подчеркивают, что в условиях распространения новой коронавирусной инфекции сотрудничество в рамках ШОС в области здравоохранения и обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия приобретает особую актуальность.

Государства-члены выражают признательность всем работникам сферы здравоохранения, медицинским специалистам, ученым и исследователям в наших странах, которые работают в трудных и сложных условиях, вызванных пандемией COVID-19.

Государства-члены считают важным продолжать взаимодействие в сфере профилактики инфекционных заболеваний, мониторинга эпидемий, создания благоприятной среды для профилактики хронических заболеваний неинфекционного характера, охраны здоровья матери и ребенка. Отмечая необходимость внедрения новых дистанционных технологий, они выступают за налаживание сотрудничества органов здравоохранения государств — членов ШОС в области телемедицины.

Государства-члены отмечают, что сотрудничество по вопросам борьбы с инфекциями внесло существенный вклад в готовность региона к эффективному реагированию на крупномасштабные вспышки инфекционных заболеваний, в том числе пандемии COVID-19.

Государства-члены, выступая против стигматизации в связи с новой коронавирусной инфекцией, подчеркивают необходимость дальнейшего укрепления международного сотрудничества в борьбе с ее

распространением, а также в преодолении глобальных политических и социально-экономических последствий пандемии.

5.5. Охрана окружающей среды, изменение климата

Государства-члены отмечают значимость сотрудничества в сфере охраны окружающей среды, экологической безопасности, предотвращения негативных последствий изменения климата, сохранения и использования биоразнообразия, а также обмена опытом и оперативной информацией по этим вопросам. Они осознают, что нехватка доступа к источнику безопасной питьевой воды, базовым услугам санитарии и здоровой гигиене являются серьезными проблемами современности, отмечают необходимость уделять повышенное внимание устойчивому развитию и интегрированному управлению водными ресурсами.

Государства-члены убеждены в недопустимости использования климатической повестки для введения мер, ограничивающих торговое и инвестиционное сотрудничество. Будут предприняты усилия для налаживания активного диалога с соответствующими международными институтами в целях привлечения инвестиций и финансирования совместных проектов и программ в области охраны окружающей среды и внедрения новых экологически чистых технологий, повышения удельного веса «зеленой» экономики.

5.6. Чрезвычайные ситуации

Государства-члены отмечают необходимость продолжения сотрудничества в сфере совместного противодействия угрозам природных и техногенных катастроф и оперативного реагирования на них.

Государства-члены подчеркивают необходимость продолжения усилий по снижению риска бедствий и усилению потенциала чрезвычайного реагирования. Они намерены укреплять взаимодействие в таких сферах, как обмен оперативной информацией, подготовка кадров, проведение совместных учений по ликвидации последствий стихийных бедствий и аварий, а также содействовать продвижению сотрудничества в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в приграничных регионах. Государства-члены будут развивать сотрудничество с ООН, другими международными и региональными организациями на этих направлениях.

5.7. Усиление роли женщин

Государства-члены подчеркивают необходимость обеспечения широкого участия женщин в политической, экономической, общественной, социальной и других сферах деятельности. Они считают важным регулярное проведение форумов, конгрессов и встреч женщин в рамках ШОС.

5.8. Народная дипломатия

Государства-члены приветствуют деятельность институтов народной дипломатии, которая способствует укреплению взаимного доверия и взаимопонимания, расширению культурно-гуманитарных связей в рамках ШОС. Они будут поощрять проведение действующими в государствах — членах ШОС институтами народной дипломатии и культурными центрами совместных форумов, встреч и других мероприятий.

5.9. Права человека

Государства-члены, обязуясь действовать в соответствии с принципами Устава ООН, подтверждают универсальность, неделимость, взаимозависимость и взаимосвязанность всех прав человека, а также свои обязательства соблюдать права и основные свободы человека, выступают против применения «двойных стандартов» в вопросах прав человека и вмешательства во внутренние дела других государств под предлогом их защиты.

Они отметили необходимость строго и последовательно уважать исторические традиции и суверенное равенство всех государств.

5.10. Межрегиональное сотрудничество

Государства-члены выступают за сотрудничество между регионами и административно-территориальными единицами и развитие взаимодействия в рамках Форума глав регионов государств — членов ШОС.

5.11. СМИ

Государства-члены считают, что одной из важных задач ШОС в сфере информационного сопровождения ее деятельности будет являться формирование позитивного, адекватного представления о ШОС в регионе и мире. В этих целях они будут способствовать контактам и обмену информацией по линии СМИ, их регулярному обеспечению актуализированными материалами о текущей работе ШОС, политических, экономических и культурно-гуманитарных достижениях, а также продвижению информации об Организации в международные СМИ.

5.12. Молодежь

Государства-члены отмечают активную работу Молодежного совета ШОС по объединению молодежи. Они выступают за продвижение молодежного предпринимательства и создание специальных программ, содействующих повышению компетенции молодых предпринимателей в сфере ведения экономической деятельности на пространстве ШОС.

5.13. Спорт

Государства-члены, признавая роль спорта как одного из важных инструментов обеспечения мира, социальной интеграции и устойчивого развития, подтверждают готовность наращивать сотрудничество в этой области. Они подчеркивают недопустимость использования спортсменов и спортивных мероприятий в политических целях и намерены активно содействовать развитию олимпийского и паралимпийского движения. Государства-члены считают, что Зимние Олимпийские и Паралимпийские игры 2022 года будут способствовать укреплению дружбы, взаимопонимания и гармонии между народами.

5.14. Туризм

Государства-члены будут стремиться к укреплению и расширению равноправного и взаимовыгодного сотрудничества в сфере туризма с целью формирования на основе сложившихся культурно-исторических и экономических связей общего туристского пространства в интересах интенсификации туристических обменов, создания новых рабочих мест, роста доходов, повышения уровня и качества жизни граждан.

Они выразили готовность содействовать установлению прямых контактов между предприятиями туристской индустрии и сопутствующих отраслей, сотрудничеству между учреждениями профессионального образования в области туризма для совместной подготовки квалифицированных кадров, привлечению инвестиций в создание и совершенствование туристской инфраструктуры государств — членов ШОС, изучению возможностей продвижения сотрудничества в области «умного» туризма и развитию взаимодействия между туристическими городами.

Государства-члены выступают за дальнейшее продвижение богатого культурно-исторического наследия народов и раскрытие туристического потенциала городов и регионов стран ШОС, создание дополнительных механизмов развития взаимодействия в сфере культуры и туризма, в том числе путем внедрения практики объявления туристической и культурной столицы ШОС.

5.15. Форум ШОС

Государства-члены придают важное значение дальнейшему развитию Форума ШОС в качестве многостороннего общественного консультационно-экспертного механизма, образованного для содействия и научной поддержки деятельности ШОС и укрепления взаимодействия научно-исследовательских и политологических центров государств-членов, наблюдателей и партнеров по диалогу ШОС.

Они отмечают важность сотрудничества между научно-исследовательскими и аналитическими центрами государств-членов по экономическим вопросам в целях комплексного анализа факторов, влияющих на экономическое взаимодействие в рамках ШОС с учетом глобальных и региональных процессов.

6. Международная деятельность

Государства-члены исходят из того, что открытость к сотрудничеству с другими государствами, международными и региональными организациями является важным принципом деятельности ШОС.

6.1. Наблюдатели и партнеры по диалогу

Государства-члены придают важное значение привлечению к мероприятиям и проектам ШОС в экономической и гуманитарной областях государств-наблюдателей и партнеров ШОС по диалогу. Они высказались за продолжение взаимодействия с государствами-наблюдателями и партнерами по диалогу с ориентиром на вовлечение потенциала этих стран в реализацию совместных проектов, прежде всего в сфере высоких технологий, сельском хозяйстве, транспорте, а также в инвестиционном сотрудничестве в целях содействия совместному развитию и процветанию в регионе.

6.2. ООН

Главы государств подчеркивают, что приоритетным направлением в международной деятельности ШОС является укрепление и развитие связей с Организацией Объединенных Наций и ее специализированными учреждениями в области борьбы с новыми вызовами и угрозами, экономического, социально-го, гуманитарного и культурного развития.

Они считают, что ООН как универсальная организация, обладающая общепризнанной легитимностью, играет центральную роль в деле сохранения мира и безопасности на планете, содействия всеобщему развитию, углубления международного сотрудничества. В этой связи государства-члены поддерживают укрепление авторитета и повышение эффективности ООН путем постепенного реформирования, а также непрерывное усиление ее потенциала в целях адекватного и оперативного реагирования на вызовы и угрозы.

Государства-члены подчеркивают, что принятие резолюций Генеральной Ассамблеи ООН «Сотрудничество между ООН и ШОС» подтверждает высокий уровень диалога между двумя организациями и свидетельствует о признании международным сообществом вклада ШОС в реализацию целей, задач и повестки дня ООН.

Они считают важным выполнение резолюций Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН по противодействию терроризму и экстремизму, а также Глобальной контртеррористической стратегии ООН, учитывая при этом национальный опыт и специфику государств. Они призывают к скорейшему принятию на основе консенсуса всеобъемлющей Конвенции по борьбе с международным терроризмом.

Государства-члены поддерживают инициативы Глобального договора ООН в области прав человека, трудовых отношений, охраны окружающей среды и борьбы с коррупцией.

Отмечено намерение Кыргызской Республики, Республики Таджикистан и Республики Казахстан добиваться избрания в непостоянные члены Совета Безопасности ООН в 2027–2028 гг., 2028–2029 гг. и 2039–2040 гг. соответственно.

Заключение

Государства-члены будут и впредь укреплять ШОС в качестве одной из опор формирующегося более представительного и справедливого миропорядка, основанного на верховенстве международного права, прежде всего Устава ООН.

Обобщая опыт прошедших двух десятилетий и оценивая перспективы, государства-члены твердо убеждены, что успешная деятельность ШОС способствовала превращению региона в пространство прочного мира и гармонии.

Государства-члены высоко оценивают председательство Республики Таджикистан в ШОС в 2020–2021 годах и его итоги, которые в юбилейный год способствовали дальнейшему укреплению взаимного доверия и взаимопонимания, конструктивного и эффективного сотрудничества, добрососедских отношений и дружбы между их народами.

Выступая с настоящей Декларацией в связи с двадцатилетием ШОС, мы, главы государств-членов, заявляем, что Организация будет и далее эффективно служить высоким целям и задачам, которые были провозглашены государствами-учредителями при ее создании, и тем самым вносить свой вклад в дело мира, сотрудничества и развития.

Источник: <http://kremlin.ru/supplement/5699>

ПРАВИЛА
оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией
международного научно-аналитического журнала
«ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей не должен быть меньше 16 000 знаков с пробелами. Оригинальность статьи должна быть не менее 65%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

2. Каждая статья должна быть сопровождена сведениями об авторе(-ах) (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.

3. Рукопись статьи должна содержать реферат (аннотацию) и ключевые слова.

Статьи без реферата (на русском и английском языках) не рассматриваются.

Реферат не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем ограничен 250–300 словами. В реферате обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта).

4. Рукопись статьи должна содержать ключевые слова. Обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов.

5. Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

6. Список литературы в конце статьи дается в алфавитном порядке. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод. В тексте дается ссылка в квадратных скобках, например [7, с. 625].

7. Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

8. Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов WordArt в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация
Заведующий кафедрой
Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон: (только для внутреннего пользования)

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

– **монографии:**

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

– **статьи в научных сборниках:**

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

– **публикации в многотомных изданиях:**

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

– **статьи в научных журналах:**

1. *Кириленко В. П., Дронов Р. В.* О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. *Шамахов В. А.* К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

– **статьи в газетах:**

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

– **правовые акты:**

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

– **архивные документы** (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

– **электронные ресурсы оформляются следующим образом:**

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2021. Том 15, № 3

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**

Международный научно-аналитический журнал

Выходит 4 раза в год

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Выпускающий редактор
О. Д. ПОЛЕЖАЕВА
E-mail: polezhaeva-od@ranepa.ru

Корректор
Е. А. ЛЫСУНЕЦ

Верстка
А. Л. СЕРГЕЕНОК

Сдано в набор 15.09.2021.
Подписано к печати 08.10.2021.
Формат 84×108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11. Тираж 100 экз.
Заказ № 3/2021.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72803 от 25 мая 2018 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-72